

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

О.Х. Аймаганбетова

ВВЕДЕНИЕ В КРОСС-КУЛЬТУРНУЮ
ПСИХОЛОГИЮ

Учебное пособие

«Туран-Астана» университеті

КІТАПХАНА

Инв.№

67633

Алматы
«Қазақ университеті»
2023

УДК 159.9(075)

ББК 88.4я73

А 31

*Рекомендуется учебно-методическим объединением
РУМС на базе КазНУ им. аль-Фараби
в качестве учебного пособия для студентов вузов,
обучающихся по специальности «5В050300 – Психология»
(протокол №1 от 2 марта 2019 г.)*

Издается на средства гранта

МОН РК №4739/ГФ4

*Кросс-культурное исследование религиозных
предпочтений и ориентаций казахстанской молодежи в контексте
нарастания угрозы религиозного терроризма и экстремизма*

Рецензенты:

*доктор психологических наук, профессор Н.С. Ахтаева
доктор психологических наук, профессор О.С. Сангилбаев
доктор психологических наук, профессор М.А. Перленбетов*

Аймаганбетова О.Х.

А 31 Введение в кросс-культурную психологию: учебное пособие / О.Х. Аймаганбетова. – Алматы: Казак Университеті, 2023. – 190 с.

ISBN 978-601-04-4232-0

Предлагаемое учебное пособие представляет собой краткое изложение лекционного материала, в котором впервые была предпринята попытка интегрировать на единой теоретической основе существующие подходы к изучению кросс-культурной психологии. Новым стал подход, позволивший сделать анализ проблем кросс-культурной психологии в едином понятийном контексте.

Настоящая работа предназначена студентам и магистрантам гуманитарных специальностей, а также всем тем, кто интересуется проблемами современной психологии. В связи с этим считаем, что огромный интерес, существующий в настоящее время к кросс-культурной психологии, будет способствовать появлению новых исследований в данной области.

Издается в авторской редакции.

УДК 159.9(075)

ББК 88.4я73

ISBN 978-601-04-4232-0

© Аймаганбетова О.Х., 2023

© КазНУ им. аль-Фараби, 2023

ВВЕДЕНИЕ

В современной психологии нет более захватывающей темы, чем культура, и никакая другая тема не несет в себе такого потенциала для глубокой переоценки практически всего, что, по нашему мнению, нам известно о людях. Изучение культуры с точки зрения психологии ставит вопрос о природе знаний и психологических истин, полученных в рамках традиционных психологических исследований, участниками которых были в основном американцы или жители Западной Европы. В то же время изучение культуры в рамках психологии дает ответ на некоторые фундаментальные вопросы, касающиеся определенных психологических процессов, особенно относительно их универсального, в сравнении с культурой, характера. Культура для поведения человека – то же самое, что операционная система для программного обеспечения; оставаясь незаметной, она играет важнейшую роль в его развитии и функционировании.

(Дэвид Мацумото)

В современной психологии в настоящее время произошел взрыв интереса к тем исследованиям, в центре внимания которых находятся проблемы культуры. Сегодня все серьезные психологи, начиная от практических психологов и психотерапевтов, включая психологов – теоретиков и специалистов в области организационного консультирования, осознают ее влияние на поведение человека. Поэтому важно, чтобы данный психологический комплекс был представлен в системе знаний каждого выпускника высшей школы, специализирующегося в области психологии. Одной из таких дисциплин, способных дать эти знания, является «Введение в кросс-культурную психологию», представляющая собой новую предметную область современных психологических исследований, позволяющая подойти по-новому к анализу ряда важнейших закономерностей социального развития и поведения, а также интегрировать в единое целое многие прежде разрозненные факты и наблюдения.

Растущий интерес к изучению транс-культурной психологии совершенно закономерен. Теоретическая актуальность транс-культурного подхода заключается в том, что он несет в себе потенциальную возможность создания единой теоретической концепции, которая позволила бы интегрировать исследования социальной, этнической, гендерной, культурной психологии. Современное положение этих отраслей психологического знания показывает существующее противоречие между большим количеством наблюдений, фактов и закономерностей, полученных в ходе прикладных эмпирических исследований и способностью их теоретического, концептуального осмысления.

Поэтому обращение к изучению транс-культурной психологии, транс-культурных исследований как специальному предмету социально-психологического исследования представляется актуальным и в теоретическом отношении. Такой анализ важен не столько для фундаментальных теоретических знаний, сколько он востребован актуальными запросами современности, в частности, политической мультикультурализма, получившей сегодня большое развитие.

Интерес к изучению транс-культурной психологии, ее проблем не случаен в условиях казахстанского общества. Особенности современного этапа развития казахстанского общества вызваны пересечением нескольких ценностных матриц: мультикультурной, либерально-демократической, евразийской.

Их сочетание предопределяет общий мировоззренческий контекст социального выбора в Казахстане, на территории которого сегодня проживают представители различных культур, говорящие на языках многочисленных лингвистических семей, соприкасаются два мира: мусульманский и славяно-христианский.

Казахстан, находясь между Россией, Китаем с его особым мировосприятием и философией, странами Центральной Азии, представляет собой островок мира и согласия, терпимости и толерантности, которая вызвана, в первую очередь мультикультурностью страны.

Именно мультикультурализм, по мнению лидеров мировых религий, собравшихся на IV Съезд лидеров мировых и традиционных религий в Астане, очень важен в современной цивилизации, ведь он помогает создать гармоничное общество на основе культурных различий [1].

Елбасы в статье «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», озвученной в рамках реализации программы «Рухани жангыру» в качестве первого условия модернизации нового типа назвал сохранение своей культуры, собственного национального кода. Без этого модернизация превратится в пустой звук, отметил первый президент страны [2].

С учетом поставленной политической цели – вхождения Казахстана в тридцать развитых государств, – нам представляется, что успех в реализации комплекса, связанных с ней задач будет предопределяться реальным процессом решения, в том числе, и проблем развития мультикультурного общества.

Целью данного учебного пособия является формирование у студентов знаний о кросс-культурной психологии в современном мире, ознакомление с проблематикой и содержанием основных теоретических и практических направлений в проведении кросс-культурных исследований; пробуждение интереса к самостоятельному, более углубленному их изучению. Оно предназначено обеспечить научно – обоснованную подготовку высококвалифицированных специалистов, способных использовать различные психологические теории и практические методы для создания интегративного знания о психологии личности, развивающейся в условиях взаимодействия различных культур.

Материал учебного пособия подобран таким образом, чтобы помочь сконструировать панорамное видение кросс-культурной психологии в теоретико – методологическом и прикладном плане и познакомить с новейшими исследованиями в этой области.

Учебное пособие отличается четкой структурой, логичными переходами от одной главы к другой. Такое построение дает возможность наиболее четко и ясно проследить закономерности развития кросс-культурной психологии как одной из востребованных отраслей современной психологии.

Структура и логика изложения курса предполагают анализ психологического культурологического контекстов. Работа по курсу базируется на изучении классических источников и базовых психологических текстов.

РАЗДЕЛ 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

1.1 Понятие кросс-культурной психологии

Ни одна область научного знания не оснащена лучше для решения проблемы культурного многообразия, чем психология. И действительно, психология решала и продолжает решать вопросы культуры в отрасли, которая определяется как *кросс-культурная психология*. Чтобы лучше понять, чем занимается кросс-культурная психология, нужно понять, что в современной психологии сегодня выделяются две отрасли знаний, определенные двумя научными традициями в понимании и исследовании обусловленности психологии человека его этнической и культурной принадлежностью.

В западной, особенно, американской психологии исследованием связи культуры и психологии занимается кросс-культурная психология и психологическая антропология.

В постсоветской психологии, в том числе и казахстанской, изучением психологии человека, определяемой его этничностью, занимается этнопсихология.

Несмотря на то, что предмет их исследования один и тот же, тем не менее, это разные отрасли психологии.

В американской психологии – этнопсихология – это один из небольших разделов кросс-культурной психологии, а в постсоветской психологии – кросс-культурная психология – это раздел этнопсихологии. Однако в современный период, характерной особенностью которого является мультикультурализм, кросс-культурная психология постепенно превратилась в отдельную отрасль психологии.

Сегодня существует несколько определений этой науки. Например, Д. Мацумото, рассматривает кросс-культурную пси-

хологию как профилирующую психологию, в которой культура является одним из основных аспектов [3, 24]. «Кросс-культурная психология, – отмечает он, – ставит вопросы о психологических истинах и принципах, изучая их и проверяя на людях из различной культурной среды. В кросс-культурных исследованиях эти вопросы решают очень просто – включая в них представителей, более чем одной культуры, и затем сравнивая данные, полученные для разных культурных групп» [3, 19].

Дж. Берри, А. Пуртинга рассматривают кросс-культурную психологию как науку о сходствах и различиях в индивидуальном психологическом функционировании в разных культурных и этнокультурных группах, о взаимоотношениях между психологическими и социокультурными, экологическими и биологическими переменными, а также о возможных изменениях этих переменных [4, 15]. В то же время, по их мнению, кросс-культурная психология направлена не только на изучение разнообразия, но также и единообразия: что может быть общим или универсальным в психологическом отношении для всех людей, т.е. на поиск универсалий, того, что остается универсальным в психологии человека, несмотря на его культурную принадлежность.

Кроме того, есть другие виды контекстуальных изменений, которые также считаются частью кросс-культурного подхода. К ним относятся такие биологические переменные – как питание, генетическая наследственность и гормональные процессы, которые могут отличаться в зависимости от культуры, а также экологические переменные, основанные на предположении, что популяции людей находятся в процессе адаптации к окружающей среде, включающей такие факторы, как экономическая деятельность (охота, собирательство, сельское хозяйство и т. д.) и плотность населения.

По определению Г.М. Лебедевой, кросс-культурная психология вырастает из двух научных традиций: общей психологии, которая имеет дело с индивидами, и некоторых родственных дисциплин, которые изучают человеческие популяции, пользуясь естественными методами, чаще всего наблюдением [5, 8]. Это, прежде всего, отрасль психологии, поэтому в ней проверяются и

разрабатываются психологические теории и законы, поиск универсалий и культурной специфики ведется также психологическими методами.

В психологическом словаре А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского дается такое определение кросс-культурной психологии, что – это область психологии, занимающаяся изучением закономерностей развития и функционирования психики в контексте обусловленности ее формирования социальными, культурными и экологическими факторами [6].

Л. Почебут рассматривает кросс-культурную психологию как область психологии, занимающуюся изучением закономерностей развития и функционирования психики в контексте обусловленности её формирования социальными, культурными и экологическими факторами [7].

Кросс-культурная психология, – считает она, должна заниматься выявлением как универсальных, так и специфических особенностей психического развития, а также описывающих их теорий. В связи с этим особую актуальность в странах постсоветского пространства получил кросс-национальный подход в кросс-культурной психологии, который направлен на изучение различных культурных групп внутри одного государства.

Как отмечает Д. Мацумото «В современной психологии нет более захватывающей темы, чем культура...Изучение культуры с точки зрения психологии ставит вопрос о природе знаний и психологических истин, полученных в рамках традиционных психологических исследований. В то же время изучение культуры в рамках психологии даст ответ на некоторые фундаментальные вопросы, касающиеся определенных психологических процессов, особенно относительно их универсального, в сравнении с культурой, характера. Культура для поведения человека – то же самое, что операционная система для программного обеспечения; оставаясь незаметной, она играет важнейшую роль в его развитии и функционировании» [3].

Таким образом, в контексте всех вышеназванных определений, мы видим, что сегодня кросс-культурная психология является самостоятельной отраслью научного знания, которая за-

нимается выявлением как универсальных, так и специфических особенностей психического развития, а также описывающих их теорий.

1.2 Цели и задачи кросс-культурных исследований

Проблема объекта и предмета кросс-культурной психологии занимает пристальное внимание не только психологов, но и представителей многих гуманитарных наук. В научной литературе в качестве объекта исследования общепринято выдвигать то явление, которое явно или неявно содержит в себе противоречие и порождает проблемную ситуацию.

Объектом кросс-культурной психологии является человек как представитель определенной культуры, а также целая культурная общность.

Как показал анализ социально-психологической литературы в качестве предмета кросс-культурной психологии сегодня принято выделять поведение человека в контексте культуры. Как отмечает Дж. Берри – это первоначальное определение акцентирует наше внимание на двух основных аспектах: описании разнообразия человеческого поведения в мире и попытке связать индивидуальное поведение с культурным окружением, в котором оно проявляется. Оно относительно простое и понятное [4, 13].

В этом случае внимание исследователей акцентируется на двух основных аспектах, во-первых, описании разнообразия человеческого поведения в мире и, во – вторых, попытке связать индивидуальное поведение с культурным окружением, в котором оно проявляется.

Такое понимание предмета кросс-культурной психологии подводит к мысли, что исследование в психологии является точным, систематическим сравнением психологических переменных в различных культурных условиях, с целью определить причины и условия разнообразного поведения.

Исходя из этого, кросс-культурная психология сосредотачивается на эмпирическом исследовании представителей разно-

образных культурных групп, обладающих различным опытом, который приводит к непредказуемым и важным различиям в поведении. В большинстве таких исследований изучаемые группы говорят на разных языках и принадлежат к различным политическим системам.

Т.Г. Стефаненко, дополняя все эти определения, считает, что предметом кросс-культурной психологии или, как она ее называет сравнительно – культурной психологии, опирающейся на «etic» подход является изучение сходства и различий психологических переменных в различных культурах и этнических общностях [8, 28].

Дж. Берри и П. Дасен в качестве основной ее цели выдвигают решение задачи переноса и проверки, когда психологические теории и факты, полученные в одной культуре, проверяются на прочность в других культурах. Это, по их мнению, способствует поиску универсалий и культурно-специфических психологических явлений.

Следовательно, основной целью кросс-культурной психологии, прежде всего, является сравнительное изучение того, как культура и психика дополняют друг друга.

Например, Дж. Уайтинг считает, что кросс-культурная психология использует данные, которые получены у различных народов со всего мира, для проверки гипотез, которые касаются человеческого поведения. Поставленная цель реализуется через решение целого ряда задач. Кросс-культурная психология использует данные, которые получены у «различных народов со всего мира, для проверки гипотез, которые касаются человеческого поведения». Исследования по кросс-культурной психологии проводятся «для более эффективного исследования универсальности психологических теорий» [9]. Следовательно, первой и наиболее важной задачей кросс-культурной психологии является проверка универсальности существующих психологических знаний и теорий.

А.П. Дасен отмечает, что исследования по кросс-культурной психологии проводятся «для более эффективного исследования универсальности психологических теорий».

Также важной задачей кросс-культурной психологии является проверка уже существующих принципов до их принятия. Решая эту задачу, Дж. Берри и А. Дасен поставили задачу исследовать другие культуры, чтобы открыть культурные и психологические феномены, которые отсутствуют в нашем собственном культурном опыте [4].

Третья задача кросс-культурной психологии состоит в попытке собрать и обобщить в рамках общепринятой психологии результаты, полученные при выполнении первых двух задач, и создать практически универсальную психологию, которая будет валидной для более широкого диапазона культур.

Кроме того, важной задачей кросс-культурной психологии является объединение и систематизация данных исследований, которые получены в разных культурах и создание универсальной психологии, теория и законы которой станут валидными для многих культур.

Следовательно, основные цели и задачи кросс-культурной психологии направлены на изучении других культур, на поиск тех психологических особенностей, которые отсутствуют в собственной культуре исследователя.

Таким образом, цели кросс-культурной психологии:

1) проверка универсальности (всеобщности) существующих психологических знаний и теорий, предполагающая проверку существующих психологических гипотез и знаний в различных культурных средах для выяснения их применимости в других культурных группах;

2) изучение других культур для открытия психологических феноменов, не представленных в ограниченном опыте собственной культуры;

3) интеграция достижений, полученных в результате реализации первых двух целей и построение более универсальной психологии, данные которой, будут применимы для более широкого спектра культур, и характеризующие человека как отдельный вид.

Следовательно, основные цели и задачи кросс-культурной психологии направлены на изучении других культур, на по-

иск тех психологических особенностей, которые отсутствуют в собственной культуре исследователя.

Кросс-культурная психология касается не только разнообразия, но также и единообразия – что может быть общим или универсальным в психологическом отношении для всех людей? Кроме того, есть другие виды контекстуальных изменений, которые также считаются частью кросс-культурного подхода.

К ним относятся такие биологические переменные, как питание, генетическая наследственность и гормональные процессы, которые могут отличаться в зависимости от культуры, а также экологические переменные, основанные на предположении, что популяции людей находятся в процессе адаптации к окружающей среде, включающей такие факторы, как экономическая деятельность (охота, собирательство, сельское хозяйство и т. д.) и плотность населения [10].

Г. Триандис рассматривает культуру как комплекс созданных людьми объективных и субъективных элементов, которые в прошлом обеспечили выживание жителей определенной экологической ниши, став общими для тех, кто говорил на одном языке и жил вместе в одно и то же время.

Следовательно, кросс-культурная психология должна изучать не только представителей определяемых культуры, но и экономические и исторические факторы, которые могут объяснить, почему определенные элементы культуры приобрели первостепенное значение в данной культуре

Самый простой путь изучения связи между культурой и человеческим поведением: экология – культура – социализация – личность – поведение.

Экология (физическая среда, климат, фауна, флора) предоставляет человеку некоторые ресурсы для жизни (плодородную землю, зверей для охоты, нефть, металл и др.)

Эти ресурсы делают возможными определенные виды деятельности (земледелие, охота, рыболовство). Эти виды деятельности создают особый способ видения социальной среды и формируют элементы субъективной культуры (нормы, ценности, представления о себе и др.)

Экологии, где выживание зависит от охоты и ловли рыбы, отличаются от экологий, где выживание зависит от успешного земледелия. В охотничьих и рыболовных обществах люди должны быть способны передвигаться за своей добычей, эти культуры развивают элементы, поощряющие физическую мобильность, свободу, независимость и др.

В сельскохозяйственных культурах часто требуется кооперация. Человек независимый и неконформный не подходит для такой кооперации. В таких культурах поощряется взаимозависимость, ответственность, стремление к согласованности и др.

Дж. Берри приводит очень интересный пример, каким образом экология может оказывать влияние на культуру. По его мнению, Муха цеце, обитающая в некоторых странах Африки, оказала влияние на такой распространенный в этих культурах обычай, как многоженство. Так как эти мухи поражают крупно рогатый скот, то в этих условиях трудно содержать коров. Следовательно, здесь возникают трудности для вскармливания маленьких детей молоком. Поэтому матери кормят своих детей до 3 и более лет. Для того, чтобы у матери не пропало молоко, в этих племенах существует табу на сексуальные отношения с момента рождения ребенка до достижения им возраста 3 лет. Это в свою очередь приводит к многоженству. В то же время длительное грудное кормление приводит к тому, что мальчики очень привязаны к своим матерям и долгое время не могут усваивать мужские роли. Поэтому, чтобы преодолеть это, в этой культуре существуют специальные церемонии инициации, позволяющие отделить взрослого мужчину от ребенка [4].

Но культуру формирует не только экология, но и история. В качестве классического примера часто приводят историю японцев, которые резко изменили самовосприятие после второй мировой войны. При этом сами они радикально не изменились, но поменялась роль воинственного агрессора на роль сильного экономического соперника.

Считается, что поражение в войне страны-агрессора способно в сильной степени изменить представление о себе у представи-

телей данной культуры, способствуя переосмыслению ценностей, целей и результатов поведения.

Учитывая все эти особенности психологами, работающими в области «Культуры и личности», была разработана схема в такой последовательности – экология – культура – социализация – личность – поведение, ставшая частью обоснования сходства и различия психологических феноменов во всем мире.

Эта схема была составлена на основе работ Бр. Малиновского и У. Риверса, в которых рассматривались взаимосвязи поведенческих, культурных и экологических феноменов (рисунок 1).

Для Бр. Малиновского, особенности культуры понимаются «согласно тому способу, как они связаны друг с другом в пределах системы, и способу, с помощью которого система связана с физическим окружением». Для У. Риверса «конечная цель всех изысканий человечества ... состоит в том, чтобы получить объяснение с точки зрения психологии ... согласно которому поведение человека, как индивидуальное, так и коллективное, определяется ... социальной структурой, членом которой является каждый человек...» (4, 24].

Рис. 1. Связь между поведением человека и социокультурным контекстом

Различие между анализом на уровне популяции и на уровне индивида отраженное на рисунке, показывает, что уровень популяции показан в левой части схемы, а уровень индивида – в правой.

Общий ход рассмотрения структуры осуществляется слева направо, переменные уровня популяции (левая часть) понимаются как факторы, которые влияют на индивидуальные результаты (правая часть).

Для упрощения структуры на рисунке изображены две обратные связи взаимоотношений (индивиды влияют на экологические и социально-политические контексты), указывающие на наличие в схеме обратных связей в более широком смысле, даже, если не все они показаны.

В правой части рисунка приведены психологические характеристики, которые обычно являются точкой сосредоточения психологического исследования (включая как наблюдаемое поведение, так и подразумеваемые особенности, такие, как мотивы, способности, характерные черты и установки). Группа переменных посередине (процессуальные переменные) представляет собой различные виды трансмиссии или влияния на индивидов переменных популяционного уровня (включая контекстуальные, биологические и культурные факторы адаптации).

В крайней левой части расположены три основные группы влияния, в том числе, две фоновые переменные экологического и социально-политического контекстов. Биологическая и культурная адаптации осуществляются популяциями по отношению к этим двум контекстам.

В правой части приведены психологические характеристики, которые обычно являются точкой сосредоточения психологического исследования (включая, как наблюдаемое поведение, так и подразумеваемые особенности, такие, как мотивы, способности, характерные черты и установки). Группа переменных посередине (процессуальные переменные) представляет собой различные виды трансмиссии или влияния на индивидов переменных популяционного уровня (включая контекстуальные, биологические и культурные факторы адаптации).

Если рассматривать рисунок более подробно, то видно, что экологический контекст – это окружающая обстановка, где

взаимодействуют люди и физическая окружающая среда, которую следует понимать, как комплекс взаимоотношений, обеспечивающих сферу жизненных возможностей для популяции. Эти возможности включают как благоприятно влияющие факторы или возможности, так и ограничения или стеснения для культурного и психологического развития. Такая интерактивная точка зрения является сутью экологического подхода к пониманию культуры. Это взаимодействие показано двунаправленной стрелкой между блоками экологии и адаптации

Таким образом, исходя из анализа связи поведения и социокультурного контекста, можно сделать вывод, что по своему содержанию и подходу кросс-культурная психология опирается на различные установившиеся научные традиции: экологию, биологию, которая дает информацию о структуре и функционировании человеческого организма, общую психологию, изучающую на индивидуальном уровне человеческое поведение в лабораторных и полевых условиях; на уровне популяций на социальные науки, к которым принадлежит, в частности, культурная антропология, история, политология, культурология и др.

Таким образом, основной целью кросс-культурной психологии является объединение и интегрирование исследований, полученных в разных культурах и создание универсальной психологии, теория и законы которой были бы валидны для возможно большего числа культур. Такие психологические универсалии человеческого поведения реально существуют, как в биологии – питание, сон, питье; социологии – доминирование, лингвистике – грамматические правила и др.

1.3 Основные теоретические ориентации кросс-культурной психологии

Теоретико – методологическую основу кросс-культурной психологии во многом определяют следующие теоретические ориентации – релятивизм, абсолютизм и универсализм.

Релятивизм, являясь одним из важных теоретических направлений, детерминирующих развитие кросс-культурной психологии, основан на идее равноценности культур при признании значительных культурных различий. Релятивизм исходит из тезиса, что все психологические феномены обусловлены культурным контекстом. Тем самым, он способствует максимизации межкультурных различий в содержании и структуре психических процессов.

Яркими представителями этого направления являются «архитектор этнопсихологии» Ф. Боас, считающий, что все культуры равные, но все разные, основатель концепции конфигурации культур Р. Бенедикт, Л. Леви-Брюль, исследующий ментальность первобытного и современного человека [11].

Достоинством этого направления является то, что, опираясь на его методологию, объяснения существованию человеческого разнообразия ищут в том культурном контексте, в котором люди развиваются, оценки феноменов обычно производятся с использованием ценностей и значений, типичных для данной культурной группы.

Релятивизм предполагает отрицание этноцентрической позиции, выход за пределы своей культуры и попытку сочувствия и понимания другой культуры. Признание идей релятивизма требует проявления толерантности со стороны представителей разных культур, понимания и принятия равнозначности культур, равноправия представителей различных этносов в обществе, уважение к личности, ее культуре, обычаям и традициям, верованиям и ценностям.

В психологии принято считать, что, характерный для многих исследователей этноцентризм, мешает объективно проводить подобные исследования, поэтому фактически они, никогда не производятся. Вследствие этого, представители релятивизма, провозглашая тезис о равенстве культур, никогда не занимаются поиском сходства между изучаемыми культурами, а существующие различия пытаются интерпретировать с качественной точки зрения. Стараясь избежать даже намёка на предпочте-

ние собственной культуры, они стараются понять людей на «их собственном языке» и «исходя из их ценностей».

В основе абсолютизма (М. Коул, С. Скрибнер) как одной из основных теоретических ориентаций кросс-культурной психологии лежит тезис, что психологические феномены, в основном одинаковы во всех культурах. Такое понимание психологических явлений и феноменов, определяющих культуру, приводит к игнорированию различий между ними. Вследствие этого, с точки зрения абсолютизма, культура не играет никакой роли в проявлении человеческих характеристик, а если и играет, то роль эта весьма невелика.

Оценка таких универсальных феноменов проводится с помощью стандартных инструментов (возможно использование лингвистического перевода), а интерпретации совершаются легко, без учета культурно обусловленных представлений.

Многие психологические феномены, например интеллект, рассматриваются как одинаковые во всех культурах и исследуются путем оценочных сравнений. Тезис о том, что культуры все одинаковые, но неравные зачастую приводит к выводам, что представители одних культур более интеллектуальны, чем представители других.

В качестве третьей теоретической ориентации, определяющей развитие теоретико-методологического основания кросс-культурной психологии, выделяют универсализм.

Яркие представители универсализма Дж. Берри, Г. Триандис отстаивают тезис о единстве психики с возможными достаточно существенными внешними различиями. В частности, они отмечают, что основные психологические явления характерны для всех представителей всего человеческого вида и что культура по-разному влияет на развитие и проявление этих фундаментальных психологических феноменов. Как отмечает Дж. Берри культуры равные, внешне разные, но в своей основе одинаковые [4].

Оценки основываются на предположении о существовании фундаментального явления, но критерии этих оценок зависят от конкретной культуры. Сопоставления делаются осторожно, с ис-

пользованием широкого спектра методологических принципов, а интерпретации сходства и различия предпринимаются с учетом альтернативных, культурно обусловленных значений.

Универсализм нацелен на поиск общих знаменателей или универсалий, посредством которых все народы могут понимать друг друга и общаться друг с другом. Культурный универсализм предлагает метод плавления – формирование однонациональной страны из многонациональной. Подобная идея доминировала в СССР при создании единой общности – советского народа.

Идея универсализма характерна также для политики глобализации, имеющей целью – создание единой мировой политической, экономической, культурной общности. Однако на самом деле применение теории универсализма на практике ведет к росту национального самосознания, сопротивлению универсализации культур, активизации национальных движений и движения антиглобализма.

Четко разграничивая универсализм с абсолютизмом, исследователю необходимо понимать, что, во-первых, универсализм в отличие от абсолютизма стремится понять роль культуры в стимулировании разнообразия поведения и не отрицает культуру, а, скорее, принимает ее как источник человеческого разнообразия.

Во – вторых, опираясь на предположение, что основные психологические явления и феномены должны быть общими для всех людей, универсализм позволяет открыть не только общее в поведении, так называемые универсалии, но также и специфические культурные особенности разных групп людей. Универсализм также отличается от релятивизма, тем, что сравнения, проводимые в контексте этого направления, являются весьма значимыми для понимания особенностей человеческого поведения в целом.

Обобщая особенности этих трех ориентаций кросс-культурной психологии (см. Таблицу 1), Дж. Берри отмечает, что эти три подхода имеют значение для теоретического определения психологических концептов, а также для психометрической оценки кросс-культурного сходства и различия. Они также важны для операционального определения универсальности. Вообще, – считает он, – психологическое понятие или связь между поня-

тиями квалифицируют как универсальные, если их можно валидно использовать для описания поведения людей в любой культуре [4, 353].

Таблица 1

**Три основные теоретические ориентации
кросс-культурной психологии**

	Абсолютист- ская	Универсалист- ская	Релятивист- ская
1	2	3	4
1. Общие ориентации			
а) Факторы, которые лежат в основе поведения	Биологические	Биологические и культурные	Культурные
б) Роль культуры в изменении поведения	Ограниченная	Значительная	Значительная
2. Теоретические подходы			
а) Сходство из-за	Основных общевидовых процессов	Основных общевидовых процессов	Вообще не изучено
б) Различия в основном, из-за	Не культурных факторов	Взаимодействия культуры и организма	Культурных влияний
с) Эмик- и этик-подходы	Навязанный этик-подход	Унаследованный этик-подход	Эмик-подход
д) Определения свободных от контекста концептов	Прямо доступные	Трудно достижимые	Обычно невозможно получить

1	2	3	4
3. Методологические подходы			
а) Измерение свободных от контекста концептов	Обычно возможно	Часто невозможно	Невозможно
б) Методы оценки	Стандартные инструменты	Адаптированные инструменты	Местные инструменты
в) Сравнения	Прямые, часто оценочные	Контролируемые часто неоценочные	Обычно уклончивые, неоценочные

Т.Г. Стефаненко, выделяя эти ориентации в понимании культурных различий, предлагает использовать два критерия для оценки культурных различий. Первый критерий основан на оценке равноценности, равнозначности культур. Второй критерий – на оценке наличия или отсутствия культурных различий [8].

Английский психолог Р. Льюис отмечает, что наука находит все новые свидетельства того, что люди сходны в своем внутреннем, нравственном, этическом измерении и различаются во внешних проявлениях, обычаях, ритуалах, одежде. Поэтому, – считает он, – актуальным в последнее время становится сочетание принципов культурного универсализма и релятивизма.

Вопросы для самопроверки

1. Дайте определение кросс-культурной психологии как междисциплинарной области психологического знания.
2. Перечислите основные отличия кросс-культурной психологии от других отраслей психологического знания.
3. Обоснуйте объект и предмет кросс-культурной психологии.
4. Назовите основные теоретические подходы к кросс-культурным исследованиям.
5. Раскройте цели и задачи кросс-культурных исследований.
6. Укажите роль культуры в развитии психологии.
7. Докажите существование связи между поведением человека и социокультурным контекстом.

РАЗДЕЛ 2

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ И ПРИНЦИПЫ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

2.1 Определение культуры в современной психологии

Сегодня реалии дня таковы, что человечество идет по пути культурного возрождения, и XXI век характеризуется стремлением представителей различных культур сохранить и возродить свою культуру, обычаи, традиции, свой язык, свои национально-психологические особенности. Поэтому все возрастающий в настоящее время процесс этнического и культурного возрождения рассматривается как одна из важных черт современного развития всего человечества.

В последние годы в связи с усилением внимания к исследованиям культурного разнообразия, культурного плюрализма, проблем мультикультурности категория «культура» вновь оказалась в центре внимания исследователей.

В современной научной литературе сегодня существует более 250 дефиниций этого понятия.

Для Р. Линтона культура – это все социальное наследие человечества.

Ж. Тейлор определяет культуру как все способности и привычки, усвоенные членами общества, как все то сложное целое, которое включает знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи и любые другие способности и привычки, которые приобретает человек как член общества.

М. Херсковиц рассматривает культуру как часть окружающей среды, которая создана человеком.

Для Г. Триандиса культура то же, что память для отдельного человека. Другими словами, – отмечает он, – культура включает

в себя традиции, которые «сообщают» человеку о том, как «это работало» в прошлом. Она также ориентирует человека о том, что как воспринимать окружающий мир и себя самого, оценивать свои еще не сформированные представления об окружающем мире и должном поведении.

Культура, – далее отмечает он, – это материальные и нематериальные элементы жизнедеятельности группы, которые в прошлом способствовали ее выживанию в существующей экологической нише и стали использоваться членами группы для взаимодействия и поддержания своей территориальной и социокультурной целостности [10, 19].

Более того, Г. Триандис рассматривает культуру как комплекс, созданных людьми объективных и субъективных элементов, которые в прошлом обеспечили выживание жителей определенной экологической ниши, став общими для тех, кто говорил на одном языке и жил вместе в одно и то же время.

Дж. Берри, понимающий культуру как часть человеческого окружения, созданную самими людьми, выделил восемь широких категорий культуры: общие характеристики, пища и одежда, жилье и технология, экономика и транспорт, индивидуальная и семейная деятельность, местные сообщества и правительство, социальное обеспечение, религия и наука, сексуальная жизнь и жизненный цикл.

В контексте такого понимания, он сформулировал вывод, что культура – это способ жизни, общий для группы людей, это сложное понятие, которое раскрывается в многочисленных аспектах человеческой жизни [4].

Несколько лет назад А. Пуртинга предложила новое определение культуры. Отмечая огромный диапазон возможных моделей поведения, которые человек может демонстрировать в разных ситуациях, и то, что фактически используемое поведение, как правило, ограничено, А. Пуртинга пытается провести грань между различными источниками ограничителей человеческого поведения: внешними или внутренними, дальними или ближними.

Она отмечает, – механизмы, ведущие к внутренним ограничениям и происходящие из дальних источников, включают в се-

бя генетическую передачу; механизмы, ведущие к внутренним ограничениям и происходящие из ближних источников, предполагают культурную передачу. Аналогичным образом, механизмы внешнего сдерживания из дальних источников включают в себя экологический, социо – экономический и исторический контексты поведения; механизмы внешнего сдерживания из ближних источников предполагают ситуативный контекст.

На этом теоретическом фоне Муртинга определяет культуру как «проявленную в общих ограничителях, которые сужают поведенческий репертуар, доступный членам определенной социокультурной группы, иначе, нежели в случае индивидов, принадлежащих к какой-то другой группе» [3, 23].

В российской психологии культуру сегодня рассматривают – как совокупность неосознаваемых положений, стандартных процедур и способов поведения, которые были усвоены в такой степени, что люди не рассуждают о них.

Например, Т.Г. Стефаненко, изучая культуру в контексте этнопсихологии, делает акцент на существующей взаимосвязи между культурой и этносом.

В частности, она отмечает, что «культура – это не набор, а система определенным образом взаимосвязанных элементов. Мы не можем найти два разных этноса с абсолютно одинаковыми культурами. А наличие нескольких субкультур в русской культуре – ...различие между которыми все больше и больше сглаживаются. – не отрицает существования единой культуры русского народа...При таком понимании культура охватывает все проявления социальной жизнедеятельности без разделения на сферы хозяйства, политики, социальных отношений и культуры в узком смысле слова» [8].

К. Клакхон отмечает, что представители всех обществ сталкиваются с определенным количеством неизбежных дилемм, основанных на биологических и социальных особенностях человека. В результате этого основные категории культур сходны.

Сходство культур, по его мнению, проявляется в следующем:

1. Любая человеческая культура немыслима без языка.

2. Ни одна культура не испытывает недостатка в средствах выражения эстетики и достижения эстетического наслаждения.

3. Каждая культура предоставляет стандартизованные способы отношения к наиболее существенным проблемам, например, таким как смерть.

4. Каждая культура устроена так, чтобы постоянно сохранять группу и ее сплоченность, чтобы удовлетворять биологические нужды ее членов и их потребности в упорядоченном образе жизни.

Несмотря на относительную устойчивость культуры, — отмечает он, — она никогда не бывает статичной. Культура — это динамическая данность, всегда находящаяся в напряженных отношениях с поведением, установками, ценностями и нормами, которые она должна описывать. Объединения изменяются со временем, а поскольку культура существует во взаимных отношениях со своими компонентами, напряжение создает возможность для того, чтобы сама культура могла меняться со временем. Изменения неизбежны, когда система, описываемая культурой, более в точности не характеризует господствующую среднюю тенденцию группы [4].

Д. Мацумото рассматривает культуру как динамическую систему правил, эксплицитных и имплицитных, установленных группами с целью обеспечить свое выживание, включая установки, ценности, представления, нормы и модели поведения, общие для группы, но реализуемые различным образом каждый специфическим объединением внутри группы, передаваемые из поколения в поколение. Они относительно устойчивы, но способные изменяться во времени [3, 35].

Он считает, что это определение культуры не имеет отношения к орудиям труда, жилью, домашней утвари или другим физическим объектам, хотя они также важные артефакты культуры. Оно не относится к физическим или непременно наблюдаемым атрибутам, таким как цвет кожи, особенности лица и тому подобное. Оно не относится к гражданству или жизненному пространству внутри какой-то области или региона. Оно касается идей, установок, ценностей, представлений — содержания психики каждого индивида, живущего в этой культуре [3, 35].

Эти аспекты культуры существуют не только в психике людей, но и как социальное сознание, возвышающееся над индивидуальными и выходящее за их границы.

Общие модели поведения наблюдаемы и часто представлены в ритуалах или распространенных, автоматических паттернах поведения, которые возникают в силу общих культурных ценностей и поведенческих норм.

Он считает, что это определение культуры подобно многим прежним определениям, особенно в плане общности психологических атрибутов и характеристик, а также передачи культурных элементов от поколения к поколению. Оно отличается от прежних определений главным образом по своему более широкому пониманию объединений внутри групп – не только групп индивидов, но также групп, состоящих из групп. Тем самым, оно дает нам возможность понять культуру в социальных структурах и обществах с множественными уровнями, такими как индивиды внутри семьи, семьи внутри общин, общины в регионах и регионы в странах; или индивиды внутри подразделения, подразделения внутри отдела, отделы внутри организаций и организации внутри международного общества. Культуру можно описывать на всех этих уровнях анализа, относящего к индивидам, группам и социальным структурам [3].

Это определение культуры «размыто» в том смысле, что оно не устанавливает каких-то жестких правил для определения того, что такое культура или кто принадлежит к культуре.

Культура – это социопсихологический конструкт, разделение людьми таких психологических феноменов, как ценности, установки, представления и поведение. Определяет членов одной и той же культуры то, являются ли для них общими эти психологические феномены. Отличает представителей одной культуры от другой отсутствие этих общих феноменов [3, 37].

Известный российский психолог Н.М. Лебедева рассматривает культуру как научаемое поведение. Это не национальность, не гражданственность. Культура в такой же степени индивидуальный психологический конструкт, как и социальный. Индивидуальные различия в культуре могут проявляться в разной

степени усвоения индивидом установок ценностей, верований, моделей поведения, которые составляют данную культуру. Если вы разделяете данные ценности, то это культура внутри нас, если нет – то вы вне ее, – отмечает она [5, 29].

Обобщение и анализ всех отмеченных дефиниций приводит к выводу, что культура – это сложное понятие, относящееся как к материальным, социальным явлениям, так и к индивидуальному поведению, организованной деятельности, это совокупность неосознаваемых положений, стандартных процедур и способов поведения.

Одним из способов, какими ученые пытались подступиться к культуре, стало разделение ее аспектов на два компонента: объективный и субъективный элементы.

Объективные элементы культуры – это физические манифестации культуры, предметы, которые можно фактически увидеть и потрогать, такие как одежда, артефакты, посуда, пища и архитектура.

Субъективные элементы культуры – все те аспекты, которые нельзя увидеть или потрогать, но которые существуют: социальные нормы, обычаи, установки и ценности и др. Они касаются также идей, установок, ценностей, представлений, то есть непосредственно содержания психики каждого индивида, живущего в этой культуре. Эти аспекты культуры существуют не только в психике людей, но и как социальное сознание, возвышающееся над индивидами и выходящее за их границы. Общие модели поведения, действительно наблюдаемы и часто представлены в ритуалах или распространенных, ставших автоматическими паттернами поведения, которые возникают в силу общих культурных ценностей и поведенческих норм. Эти элементы коллективно составляют субъективные аспекты культуры [10].

Именно этими субъективными аспектами культуры интересуются большинство психологов, так как они являются более важными для понимания влияния культуры на поведение.

Таким образом, культура во всей ее огромности и сложности – это очень крупный конструкт, который реально описывает многие аспекты жизни людей.

2.2 Культурная и биологическая трансмиссия

Культурные группы воспроизводятся и передают свою культуру новым поколениям через два ключевых элемента: биологическую и культурную трансмиссию. Трансмиссия – это, прежде всего, передача культурной информации последующим поколениям.

В контексте психологии биологическая и культурная трансмиссия рассматриваются как два ключевых элемента модели, с помощью которых культурные группы воспроизводят сами себя и передают свою культуру новым ее представителям.

Дж. Берри, выделяет следующие дефиниции трансмиссии: «Биологическая или генетическая трансмиссия заключается в том, что определенные черты популяции фиксируются во времени в различных поколениях с помощью генетических механизмов. Основная биологическая черта трансмиссии – это передача специфически видового генетического материала человеку от двух родителей в момент зачатия» [4].

Культурная трансмиссия включает передачу культурных характеристик от одного поколения следующему по наследству. Психологи определяют подобную культурную трансмиссию от родителей к их потомству как вертикальную [4].

Культурная группа, используя разнообразные формы культурной трансмиссии, может фиксировать свои поведенческие черты в последующих поколениях, применяя механизмы познания и обучения. Такую трансмиссию определяют как горизонтальную и непрямую.

Кавалли – Сфорца и Фелдман определяют культурную трансмиссию от родителей к их потомству как вертикальную, поскольку она включает передачу культурных характеристик от одного поколения следующему по наследству. Тем не менее, хотя вертикальная передача по наследству является единственно возможной формой биологической трансмиссии, существуют две другие формы культурной трансмиссии – горизонтальная и прямая (Рисунок 2).

Рис. 2. Вертикальная, горизонтальная и непрямая формы культурной трансмиссии и аккультурации (по Берри и Кавалли-Сфорца, 1986, с изменениями)

Следовательно, можно выделить три способа передачи культурной информации, необходимой человеку для освоения:

- вертикальную трансмиссию, в ходе которой социокультурная информация передается от родителей к детям;
- горизонтальную трансмиссию, при которой освоение культурного опыта и традиции идет в общении со сверстниками;
- непрямую трансмиссию, при которой индивид обучается у окружающих его взрослых родственников, соседей, учителей, как на практике, так и в специализированных институтах инкультурации (школах и вузах).

Описанные три формы культурной трансмиссии включают два процесса: инкультурацию и социализацию.

Понятие инкультурации впервые определил и использовал в культурной антропологии М. Херсковиц. По его мнению, оно

означает, что человек заключен в культуру или окружен ею. Через научение он овладевает тем поведением, которое в культуре считается необходимым. При этом процессе не происходит чего-либо преднамеренного или дидактического: часто научение осуществляется без специального учебного процесса [4].

Процесс инкультурации втягивает родителей и других взрослых и сверстников в сеть влияний (вертикальную, непрямую и горизонтальную), все они могут ограничивать, формировать и направлять развивающегося человека.

Конечным результатом (если инкультурация прошла успешно), является человек, который компетентен в языке, ритуалах, ценностях культуры. Следовательно инкультурация происходит в результате «погружения» индивидов в их культуру, что приводит к включению приемлемого типа поведения в их репертуары.

Социализация осуществляется в результате более специализированного обучения и воспитания, которые, в свою очередь, приводят к овладению культурно-приемлемым типом поведения.

Само понятие социализации впервые было определено и использовано в социологии и социальной психологии и означало процесс преднамеренного формирования индивида в результате обучения. Что касается кросс-культурной психологии, то здесь оно имеет то же значение и понимание.

Когда культурная трансмиссия включает преднамеренное обучение, направленное изнутри группы, мы имеем дело с процессом социализации.

Ресоциализация происходит тогда, когда преднамеренные влияния приходят из-за пределов собственной культуры человека.

Возможным результатом как инкультурации, так и социализации является развитие сходства в поведении в пределах культур и поведенческих различий между культурами. Таким образом, как инкультурация, так и социализация, являются важнейшими механизмами культуры, которые приводят к распределению сходства и различий.

Процессы инкультурации и социализации происходят в широком экологическом и культурном контексте. Даже когда подрастающие дети биологически самоопределились, они обыч-

но продолжают жить в семейной группе и овладевать важными особенностями своей культуры [4].

Так, например, наблюдается сдвиг от физической зависимости к социальной и психологической – после достижения половой зрелости, индивиды могут иметь собственные физические потребности, но их приобретенные социальные потребности (такие, как потребность в интимной близости, любви, социальном взаимодействии и социальной поддержке) продолжают их ориентировать, большей частью, на семейную группу.

Таким образом, привязанность сохраняется, но ее обоснование постепенно перемещается от физической в сторону социальной и психологической зависимости, что позволяет осуществляться непрерывной и важной культурной трансмиссии.

С другой стороны, процесс культурной трансмиссии не обязательно приводит к точному копированию паттернов культуры последующими поколениями. Он протекает где-нибудь в интервале от жесткой трансмиссии (с едва заметными различиями между родителями и детьми) до полного отсутствия трансмиссии (с детьми, которые не похожи на своих родителей).

Строгая трансмиссия не позволила бы появляться новшествам и изменениям, и, следовательно, способности реагировать на новые ситуации. В то же время, отсутствие трансмиссии не благоприятствовало бы согласованной совместной деятельности поколений [4].

При вертикальной трансмиссии родители передают культурные ценности, умения, убеждения и мотивации своим детям. В этом случае трудно разделить культурную и биологическую трансмиссии, поскольку мы, как правило, учимся у тех же самых людей, кто нас зачал; очень часто биологические и культурные родители – это одни и те же люди.

При горизонтальной трансмиссии мы учимся у наших сверстников в повседневном общении с ними, развиваясь от рождения до совершеннолетия; в этом случае биологическая и культурная трансмиссия не смешиваются.

При непрямой культурной трансмиссии нас обучают другие взрослые и общественные институты (например, школа), наша

собственная культура или же другие культуры. Если обучение проходит полностью внутри нашей собственной или первичной культуры, тогда применим термин «культурная трансмиссия» (см. левую часть рис. 2). Однако, если это происходит в результате контакта с другой (вторичной) культурой, употребляют термин аккультурация (см. правую сторону рис. 2). Последний термин относится к той форме трансмиссии, которая осуществляется в результате контакта индивида с людьми (институтами), которые принадлежат к другим культурам, отличающимся от его собственной культуры, и находятся под их влиянием.

Хотя на рисунке 2 эти формы трансмиссии представлены стрелками, которые направлены только на развивающегося индивида, было признано важным взаимное влияние субъектов культурной трансмиссии и аккультурации, особенно в отношениях между ровесниками, а также между родителями и детьми. Таким образом, возможно, двусторонние стрелки, показывающие взаимодействие и взаимное влияние, были бы более уместны, чтобы точно представить, что происходит во время культурной трансмиссии и аккультурации.

Формы и содержание трансмиссии рассматриваются как адаптивные к экокультурному окружению и как функциональные, так как они гарантируют овладение развивающимся индивидом тем поведенческим репертуаром, который необходим для успешной жизни в данном окружении.

Для понимания процессов культурной и биологической трансмиссии большое значение имеет теория развития, в которой роль культуры была бы более очевидной и всеохватывающей, как теория Л.С. Выготского, который придавал большое значение аспектам поведения, характерным для людей, и их формированию в ходе истории на социетальном уровне и онтогенетически – на индивидуальном уровне. «Каждая функция в культурном развитии детей возникает дважды: сначала – на социальном уровне и позже – на индивидуальном; сначала между людьми (интерпсихологически) и затем внутри ребенка (интрапсихологически)... Все высшие функции происходят из фактических отношений между индивидами», – отмечал советский психолог [12].

Эта цитата ясно показывает, что истоки индивидуального функционирования психики социальны. Отдельный человек может лишь приобретать высшие функции психики, которые уже существуют в социокультурном контексте. Следовательно, поведение людей можно определить как «опосредованное с помощью культуры» [12].

Первоначально считали, что культурное посредничество имеет чрезвычайно широкий размах. Например, А.Р. Лурия изучал мышление групп из Узбекистана, среди которых были как неграмотными, так и те, кто проживал в колхозах и имел начальное образование. Исходя из своих исследований, ученый сделал вывод, что необразованные люди неспособны к абстрактному мышлению, тогда как люди, получившие определенное образование, очевидно, приобрели эту способность [13].

В последующих экспериментах было продемонстрировано, что различия между грамотными и неграмотными людьми не так уж резки, как думал А.Р. Лурия.

М. Коул, поддерживая позицию культурного посредничества, считал, что биологический организм и окружающая среда взаимодействуют не непосредственно, а благодаря третьему опосредующему фактору, а именно культуре [14].

Схематически М. Коул проводит не только классическое различие между организмом и окружением, но и дальнейшее, столь же фундаментальное, различие между естественным окружением и культурой.

Для американского психолога развитие – это понятие со многими уровнями или временными шкалами: физической, филогенетической, культурно-исторической (в которой появляются и исчезают традиции общества), онтогенетической и, как он ее называет, микрогенетической шкалой, которая включает опыт человека «здесь и сейчас». Понимание механизма взаимодействия этих различных уровней существенно для понимания онтогенетического развития.

По мнению М. Коула, этапы онтогенетического развития проявляются не только у отдельных детей, они возникают при комплексном взаимодействии за какое-то время.

Примером этого является эмпирическое исследование, в ходе которого он изучал, как дети овладевают когнитивными навыками при работе с компьютером, имея при этом все возможности для письменного и устного общения [14].

Основное различие состояло в том, решались ли силлогизмы исключительно с использованием информации, содержащейся в предпосылках, заданных исследователем, или же респонденты использовали также свои предыдущие эмпирические знания.

Частое упоминание узбекскими респондентами того, что они «не знали» ответов на простые силлогизмы, вероятно, указывало на отсутствие у них непосредственного опыта обращения с теми вещами, о которых спрашивал А.Р. Лурия.

Исследования проблемы воспитания детей обществом освещались и накапливались в архиве – «Ареальная Картотека Человеческих Отношений» (Human Relations Area Files – HRAF).

Один из подходов к изучению культурных трансмиссий состоит в использовании этих материалов, чтобы обнаружить основные параметры изменений в практиках, как они используются во всем мире.

Этот подход обеспечивает широкий кругозор и позволяет исследовать культурную трансмиссию в контексте других экологических и культурных переменных, которые также включены в архив.

Таким образом, инкультурация и социализация вписываются в другие характерные особенности групповых обстоятельств или адаптируются к ним.

Исследования культурной трансмиссии, использующие этнографический архив, определяются как «голокультурные», так как они позволяют изучать материалы из культур всего мира.

В одном из таких исследований, Дж. Уайтинг и Ф. Чайльд попытались найти связь взрослой личности с практикой обучения детей путем исследования способов объяснения болезни обществом.

Были проанализированы данные из семидесяти пяти обществ, полученные из HRAF, и пять «систем поведения», включая такие типы, как оральные, анальные, сексуальные, зависимости и агрессии.

Первые три из этих пяти систем поведения были выведены из теории психосексуального развития З. Фрейда, согласно которой сексуальное удовлетворение ассоциируется в процессе развития с различными эрогенными зонами, начиная со рта (во время оральной стадии).

По теории З. Фрейда, взрослая личность описывается терминами этих стадий развития.

Дж. Уайтинг и Ф. Чайльд использовали их не только из-за статуса в психоаналитической теории, но также из-за отношения к трем первичным потребностям или побуждениям (голод, испражнение и секс), которые наряду с двумя другими типами поведения (зависимость и агрессия) универсальным образом подвергаются социализации.

Эксперты составили рейтинги практик в каждой из этих пяти областей по трем параметрам: начальное удовлетворение или терпимость ребенка, возраст социализации и строгость социализации.

В результате этого исследования получены два очень обобщенных вывода. Во – первых, «по всему миру обучающиеся дети в некотором отношении идентичны ... в том, что касается определенных универсальных проблем поведения». Во-вторых, «воспитание ребенка отличается в разных обществах» [4].

В другом классическом исследовании, Б. Шварц и его коллеги смогли:

- (1) идентифицировать общие параметры воспитания ребенка;
- (2) классифицировать общества по этим параметрам;
- (3) показать некоторые характерные различия между воспитанием мальчиков и девочек и
- (4) увязать все это с особенностями экологических и культурных переменных (таких, как экономическая и социальная структура), тем самым, говоря о социализации в более широком контексте

К середине 1950-х годов внимание пользователей HRAF сосредоточилось на шести центральных параметрах воспитания ребенка, которые считаются присущими для всех обществ:

- 1) воспитание повиновения: уровень, до которого детей обучают повиноваться взрослым;
- 2) обучение ответственности: уровень, до которого детей обучают брать на себя ответственность за пропитание или выполнение работы по дому;
- 3) обучение воспитанию: уровень, до которого детей обучают заботиться и помогать младшим братьям и сестрам или другим зависимым от их помощи людям;
- 4) обучение достижению цели: уровень, до которого детей обучают прилагать усилия для достижения стандартов совершенства в работе;
- 5) уверенность в своих силах: уровень, до которого детей обучают заботиться о себе и быть независимыми от помощи других при удовлетворении своих потребностей или желаний;
- 6) обучение общей независимости: уровень, до которого детей обучают (через уверенность в своих силах, как определено выше) свободе от контроля, доминирования и надзора [4].

Одновременно с началом кросс-культурных исследований в области развития произошел всплеск интереса к развитию «на протяжении всей жизни», которое охватывает не только период от рождения до зрелости, но продолжается в зрелом возрасте, фактически до самой смерти.

Пока эти две тенденции не сведены к обширной эмпирической работе. Однако многие теоретические работы посвящены роли культурных факторов в развитии на протяжении всей жизни.

Примером из неожиданно появившейся области изучения могут послужить точки зрения одного из лидеров исследования развития на протяжении всей жизни.

Р. Белтис предложил структуру, в которой биологические и культурные факторы играют отдельные роли в изменениях на протяжении всей жизни.

Он полагает, что «преимущества эволюционного отбора снижаются с возрастом» «геном человека в преклонном возрасте содержит намного большее количество вредоносных генов и дисфункциональных сочетаний генов, чем в молодом возрасте» [15].

Другими словами, на протяжении жизни (начиная примерно с тридцати лет) наблюдается спад в биологически обусловленном функционировании. Происходит это потому, что биологическая эволюция не действует на более поздних стадиях жизни, так как родители имеют детей, главным образом, до сорока лет. В соответствии с этим, подобное дисфункционирование мало влияет на биологический отбор и трансмиссию.

Этот биологический спад происходит одновременно с ростом «необходимости или потребности в культуре», включая «целостность психологических, социальных, материальных и символических (основанных на знаниях) ресурсов, которые человечество выработало за тысячелетия, и которые, передаваясь через поколения, позволяют человеку развиваться» [15].

Следовательно, культурно обусловленное функционирование на протяжении всей жизни приобретает все большее значение.

Однако существует и третий принцип (компенсирующего уменьшения «эффективности культуры»), согласно которому «относительная эффективность психологических, социальных, материальных и культурных интервенций уменьшается.

Таким образом, по мнению Р. Белтиса, люди менее способны использовать эти культурные условия в полной мере – людям постарше необходимо больше времени и практики, а также им нужна большая когнитивная поддержка для того, чтобы научение принесло те же самые плоды [15].

2.3 Принципы кросс-культурной психологии

Как и любая самостоятельная наука кросс-культурная психология руководствуется определенными принципами – исходными теоретическими положениями, выполняющие методологические функции при проведении конкретных исследований и определяющими общий подход к объяснению всех психических особенностей, детерминирующих поведение человека в контексте культуры. Следовательно, в конечном итоге они направлены на

раскрытие закономерностей и функционирования, формирования и развития культуры и поведения в целом.

Советский ученый Б.Ф. Поршнев в работе «Принципы социально-этнической психологии» выделил основные принципы, которые можно рассматривать и применительно к кросс-культурной психологии. Это, прежде всего, основополагающие философские принципы, составляющие основы всех наук: принцип детерминизма, принцип связи сознания и деятельности, принцип развития, принцип единства и др. [16].

Принцип детерминизма, согласно которому «всякое действие есть взаимодействие», «внешние причины действуют через посредство внутренних условий» также является важнейшим для понимания кросс-культурной психологии. Применительно к ней он раскрывает причинную обусловленность культурных явлений социальными и другими факторам. Это означает, что формирование культуры происходит под влиянием образа жизни, экономики, научно-технического прогресса, политической и экономической жизни общества.

Принцип единства сознания и деятельности вооружает кросс-культурную психологию правильным пониманием сущности и проявления культурных феноменов в зависимости от закономерностей того или иного вида деятельности, в которую вовлечен представитель культурной общности. Особое значение имеет принцип историзма, как коренной принцип кросс-культурной психологии, который означает призвание глубочайших изменчивости психических процессов, психических свойств и состояний, особенностей личности как представителя определенной культуры.

Важным принципом является принцип «Мы» и Они», который означает, что всякое взаимодействие как между культурными группами строится на основе двух диалектически взаимосвязанных процессов, с одной стороны, обособления и противопоставления, с другой – уподобления и сближения.

По мнению Б.Ф. Поршнева, подобное взаимодействие получило развитие тогда, когда люди, встретившись друг с другом, обособились от каких – то «Они», т.е. тогда, когда они осознали бинарную

опозицию – «Мы – люди», «Они – не люди». Это противопоставление исходило из того, что всякое «мы» конструируется не иначе, как посредством сопоставления (противопоставления) с какими-то «Они»: «Мы» – свои, «Они» – чужие». В этом нашел проявление механизм одновременно локальной интеграции и дифференциации человеческого коллектива, считает Б.Ф.Поршнев [16].

Он считает, что первое человеческое психологическое отношение – это не самосознание первобытной родовой общины, а отношение людей к своим близким животнобразным предкам и тем самым ощущение ими себя, как именно людей, а не как членов своей общины. По мере дальнейшего развития человека эта же психологическая схема распространилась на отношения между такими группами людей как община, род, племя. Но и в этом случае «Мы» – это всегда люди, а в принадлежности к людям членов чужой группы у первобытного человека могли возникнуть сомнения [16].

Европейские кросс-культурные психологи также выделяют следующие принципы: принцип учета различных факторов формирования личности как представителя определенной культуры; принцип анализа психологических особенностей представителей той или иной культуры в единстве с проявлениями других их характеристик; принцип учета многообразия проявлений психологических характеристик людей как представителей той или иной культуры; принцип сравнительности в анализе психологических особенностей личности как представителя той или иной культуры.

Принцип учета различных факторов формирования личности как представителя определенной культуры предполагает изучение личности как продукта исторического, экономического, политического и культурного развития и других условий, в которых живет данная личность. Только при таком подходе можно правильно изучить, интерпретировать и осмыслить особенности представителей определенной культуры и специфику их проявления.

Так, исторический анализ в значительной степени делает понятным появление таких особенностей, как трудолюбие, особая

внутригрупповая сплоченность, присутствующие у представителей японской культуры; настойчивость, чрезвычайное усердие – у представителей китайской культуры; коллективизм, общинность – у представителей казахской культуры.

В интересах правильного анализа особенностей личности необходимо, кроме того, изучать специфику проявления исторической памяти культурной общности; характер природной среды, в которой она формировалась; генезис ее социального развития; специфику быта, жизни и деятельности, взаимоотношений различных групп, ее составляющих; особенности военной истории; своеобразие культурных связей с другими этническими и культурными общностями.

Принцип анализа психологических особенностей представителей той или иной культуры в единстве с проявлениями других их характеристик ориентирует на верное осмысление того, как у различных культурных групп переплетаются черты национальной, классовой, конфессиональной, профессиональной, возрастной и др. психологии.

Следует в то же время всегда принимать во внимание и тот факт, что соотношение и проявление особенностей в жизни и деятельности представителей определенной культуры весьма подвижно, изменчиво.

В переломные моменты развития этноса, в периоды смены его идеологических, экономических политических приоритетов перестраивается и социальная психика его представителей, меняется «вес», соотношение в ней различных компонентов: национального, классового, конфессионального.

Для подтверждения действенности этого принципа приводят такой классический пример, когда 30 марта 1982г. в Аргентине началась общенациональная забастовка на Пласа де Майо, которая была разогнана полицией. Возмущение трудящихся достигло апогея. В объявленных требованиях забастовщиков предполагались смена экономической политики, возврат к конституции и демократии [4].

Чуть позже, а именно, 2 апреля вооруженные силы Аргентины высадились на Мальвинских островах. И в этот же день на той

же самой площади Пласа де Майо собрались те же люди, которых только что разогнали за выступление против правительства. Но на этот раз они пришли, чтобы выразить поддержку акции военных. В этом случае национальная принадлежность как бы сплотила народ, вытесняя из общественного сознания классовые и идеологические различия и противоречия между людьми.

Принцип учета многообразия проявлений психологических характеристик людей как представителей той или иной культуры предполагает всестороннее осмысление и правильную интерпретацию не только всего их комплекса и специфики, но и системных исследований каждой из них. Он раскрывается в том, что различные элементы психологических характеристик людей как представителей той или иной культуры (мотивация, чувства, воля, поведение и т.д.) имеют свои собственные закономерности функционирования и развития, по-разному влияют на жизнь и деятельность людей.

Для того, чтобы их правильно изучить и понять, в каждом случае анализа конкретного феномена требуются выработка определенной методологической позиции и выбор специальных средств и способов ее реализации.

Принцип сравнительности в анализе психологических особенностей личности как представителя той или иной культуры ориентирует на то, что культурно-специфическое познается только через сравнение и сопоставление с такими же характеристиками представителей других культурных общностей

Психологический механизм подобного сравнения можно в определенном смысле представить на следующем примере. Французам типичный немец представляется белокурым. И действительно, блондинов в Германии больше, чем во Франции, но все же в массе немцев блондинов меньше, чем брюнетов.

Следовательно, реально типичный немец не является блондином, но субъективно, в силу сопоставления, он таким кажется французам и представителям некоторых других народов.

Если сравнительность оценок физических качеств проявляется наглядно, то при восприятии психологических и социальных

качеств в целом этот эффект порой скрыт и требует достаточной наблюдательности.

Дж. Берри в своей классической книге «Кросс-культурная психология» приводит пример об одном англичанине, длительно жившем в разных странах и заметившим, что в южных странах (Италии, Испании и некоторых других) мужчины чаще пожимают друг другу руку, чем в северных (в Скандинавских странах, Англии).

По мере переезда из южных стран в северные он часто ловил себя на том, что его рука постоянно оставалась в воздухе без ответного пожатия.

Если китаец-неудачник в старости получает помощь от детей, он счастлив и рассказывает об этом всем окружающим, часто доходя до явного хвастовства. Американцы же, наоборот, в большинстве случаев скрывают такие обстоятельства и хотят представить себя абсолютно независимыми людьми, что не всегда соответствует действительности. Китайская и американская культуры совершенно разные, и надо правильно в них разбираться [4].

Таким образом, изучая особенности различных культур, необходимо помнить, что мы думаем о культурных особенностях с позиции своей культуры и внутренних, присущих только ей стандартов. Невидимый культурный фильтр существует и всегда влияет на то, как мы воспринимаем и оцениваем вещи и явления, вне зависимости от того, осознаем мы это или нет.

Вопросы для самопроверки

1. Охарактеризуйте основные категории кросс-культурной психологии.
2. Дайте основные определения понятия «культура».
3. Отметьте особенности понятий «культурная и биологическая трансмиссия».
4. Раскройте основные принципы кросс-культурной психологии.
5. Опишите роль и значение принципа «Мы и Они» в развитии кросс-культурной психологии.

РАЗДЕЛ 3

ИСТОРИЯ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

3.1. Становление и развитие кросс-культурных исследований в западной психологии

Интерес к изучению особенностей той или иной культуры, ее традиций, ценностей, поведения появился с момента осмысления человечеством собственного культурного бытия. От протонаучных знаний-сведений в начале человеческой истории к разнообразию кросс-культурных исследований в постсовременную эпоху – таков диапазон исканий человеческой самобытности в ареале культуры.

Первые попытки описания и систематизации знаний об особенностях различных народов берут начало от Гомера. Традиция целенаправленного изучения образа жизни «чужих» народов из политических и экономических соображений была доведена до совершенства в Византии, где внешняя политика строилась, в первую очередь, как приграничная, а потому предполагала умелое манипулирование племенами и народностями, для чего считалось необходимым знать их психологические особенности и «модели» поведения.

Первые протонаучные кросс-культурные исследования берут свое начало в работах древнегреческих мыслителей Геродота, Гиппократ, Платона и Демокрита, Аристотеля и др.

По мнению классика культурно-исторической психологии М. Коуола, именно Геродот одним из первых поставил вопрос об оценке культурных различий. Записывая рассказы народов об их происхождении, он приобрел знания о мирах, в которых они обитали, через содержание религиозных обрядов и верований, через искусство, повседневную жизнь. В результате у него полу-

чили портреты различных образов жизни, которые сегодня мы назвали бы разными культурами [14, 22].

Гиппократ также отмечал культурные различия у разных народов, причину которых он пытался объяснить влиянием географического положения и климата. В своем труде «О воздухе, водах и местностях» он указывал, что «формы людей и нравы отражают природу страны» [14, 304].

Предположения о том, что южный и северный климат по-разному влияют на организм и, следовательно, психику человека, допускали и другие древнегреческие ученые, например, Платон и Демокрит.

Открытия XV века, показавшие существование культурного разнообразия человеческой природы с позиций рас и народов, стали основой для создания теории «географического детерминизма», способствовавшей дальнейшему развитию кросс-культурных исследований.

Основоположителем теории «географического детерминизма» является французский философ и просветитель Ш. Монтескье, развивший учение о влиянии географической среды на обычаи, нравы, культуру народов, а также на становление хозяйства и политического строя разных стран. «Холодный воздух, – отмечал он, – производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу. Он вызывает сокращение этих мышц и таким образом, еще более увеличивает их силу...». Отсюда Монтескье приходит к выводу, что народы холодного климата выносливы и мужественны [17, 350].

В XVIII веке в центре кросс-культурных исследований становится изучение национального характера. Это можно объяснить с позиций естественноисторического развития, ведь к XVIII веку в ряде европейских стран осуществляется строительство национальных государств, которое связано с осмыслением не только феномена народа, принадлежности к народности, но и нации.

Представители немецкой классической философии И. Гердер, В. Гумбольдт, И. Кант, Г. Гегель проводили исследования национального характера в различных аспектах, что послужило

до развитию самостоятельного этапа в становлении и развитии кросс-культурных исследований.

Как отмечается во многих исследованиях, поворотным этапом в развитии кросс-культурных исследований явилась вторая половина XIX века, когда немецкие и французские ученые Г. Штейнталь, М. Лацарус, В. Вундт, Э. Дюркгейм и Г. Лебон приступили к разработке теории и методологии национальной психологии [8].

Г. Штейнталь и М. Лацарус впервые предприняли попытку построить научную систему кросс-культурных исследований. Однако чрезмерная идеализация народного духа, снятие воздействия на него объективно-внешних социальных факторов сделало «народный дух» внеисторическим образованием. Поэтому многие идеи, предложенные ими, так и остались на уровне объяснительных схем, а их концептуальные модели так и не были реализованы в конкретных исследованиях. Тем не менее, нельзя не отметить, что учеными были предложены конкретные инструменты исследования, с учетом специфики объекта изучения, что и предопределило векторы в области собственно кросс-культурных исследований на этапе их институционализации.

3.2 В. Вундт – основатель психологии народов

Методологом кросс-культурной психологии стал В. Вундт. В 1900-1920 гг. он предпринял издание грандиозной десятитомной «Психологии народов». Главным проявлением «народного духа» он считал языковую деятельность (в отличие от языковой системы – предмета исследования лингвистов), а основным методом «психологии народов» – понимание, сравнительная интерпретация элементов культуры. Законы «психологии народов» – суть законы развития, – считал он, а основа ее – 3 области, содержание которых «превышает объем индивидуального сознания: язык, мифы и обычаи». Основным методом «психологии народов», по В. Вундту, является понимание, сравнительная интерпретация элементов культуры. Как отмечает М. Коул именно идеи В. Вундта явились

своего рода прорывом в дальнейшем развитии кросс-культурного подхода [14].

Свое дальнейшее развитие концепция «народного духа» получила в теоретических исследованиях Э. Дюркгейма и Г. Лебона, обративших свое внимание на идентификацию «народного духа» с субъектами-носителями: большими и малыми группами.

Э. Дюркгейм ввел понятие «коллективное сознание», которое содержит в себе общие идеи и чувства, проявляющиеся в народных легендах, религиозных традициях, политических верованиях, языке, передающиеся из поколения в поколение [18, 63].

В рамках изучения концепции «народного духа» очень важно обратить внимание на исследования Г. Лебоном психологии народов, которая, по его мнению, представляет собой общность чувств, идей, верований, интересов, создаваемых путем медленных наследственных накоплений [19, 71-84].

Таким образом, кросс-культурные исследования от прото-научных знаний-сведений, уходившие корнями вглубь веков, во второй половине XIX века, благодаря усилиям немецких психологов, начинают оформляться в самостоятельное научное направление психологии, в основе которого находится изучение особенностей психического склада и поведения людей в зависимости от их национальной и культурной принадлежности.

В процессе своего становления это направление, развивающееся на стыке психологии, психиатрии, этнографии и антропологии, несколько раз меняло свое название – от исторической школы Боаса, школы «Культура и личность», затем исследований «Основной личностной структуры», «Модальной личности», исследований национального характера до психологической антропологии и кросс-культурной психологии.

Основателем исторической школы стал крупнейший американский ученый Ф. Боас, которого сегодня называют «архитектором современной этнопсихологии». Ф. Боас считал, что задачей кросс-культурных исследований является «изучение всей совокупности явлений социальной жизни. И это изучение должно составить в целом «историю человечества», а для этого нужно исследовать каждый народ в его своеобразии» [8, 251].

3.3 Роль Р. Бенедикт, А. Кардинера в развитии кросс-культурных исследований

Основные положения программы кросс-культурных исследований, предложенной Ф. Боасом, получили свое дальнейшее развитие в направлении «Культура и личность», основатели которой пытались доказать связь между культурой, принятой в том или ином обществе и личностью как носителем этой культуры.

Наиболее яркой представительницей данного направления стала Р. Бенедикт, которая в результате проведенных полевых исследований, пришла к выводу, что на формирование личности влияет, в первую очередь, социальное и культурное окружение, поэтому личность, становясь частью культуры, должна изучаться как часть этой культуры или как представитель определенной культуры.

В контексте такого понимания личности и культуры Р. Бенедикт отстаивала идею уникальности каждой культуры. Каждая культура, – отмечает она, – имеет уникальную конфигурацию внутрикультурных элементов, которые все объединены одной культурной темой – этосом культуры, обладающим способностью проявляться в самых разнообразных сферах человеческой жизни, начиная с систем распределения собственности, включая разновидности половых взаимоотношений до способов экономического обмена и др.

Все они, реализуясь в определенной культуре, не оставляют места для других типов тех же институций. Эти выводы, сформулированные американской исследовательницей о взаимосвязи личности и культуры не только способствовали дальнейшему развитию кросс-культурных исследований, но и вызвали множество дискуссий об их предмете, форме и содержании.

В центре внимания ученых стало исследование не только личности в том или ином контексте культуры, изучение ее этнических и культурных особенностей, но и изучение соотношения норм и патологии в различных культурах, изучение интеллектуально-познавательных, эмоционально-волевых, комму-

никативных особенностей представителей различных культур, значение детского периода.

Идеи, выдвинутые Р. Бенедикт, с середины 30-х годов нашли свое воплощение и продолжение в концепциях американских психологов А. Кардинера, Р. Линтона, К. Дю Буа, Ф. Хсю и др., которые взяли на вооружение психоанализ З. Фрейда. Особое их внимание привлекло изучение национальных особенностей и их формирования; исследование соотношения норм и патологии в различных культурах; изучение интеллектуально-познавательных, эмоционально-волевых, коммуникативных особенностей представителей различных культур; значение ранних опытов детства для формирования представителей различных культурных общностей и др. [20].

Обобщая весь накопленный опыт в области кросс-культурных исследований, они сформулировали следующие выводы:

1. Личность может быть изучена лишь в том случае, если будет изучена и объяснена та культурная среда, в контексте которой данная личность сформировалась.

2. Модели культуры соединены друг с другом посредством различных символов и представляют собой многоуровневую систему, функционирование которой не может быть объяснено с помощью традиционных этнографических подходов.

3. Необходимо подходить к изучению развития, трансформаций, интеграции культур, основываясь на той точке зрения, что человеческая личность сама является сложнейшей системой, способной пережидать «смыслы» [20].

Основу теоретического осмысления этого направления кросс-культурных исследований составила концепция «Основной личностной структуры» А. Кардинера, утверждавшего, что те склонности, представления, формы поведения и способы связи с другими людьми, которые формируются у человека культурой и позволяют ему достигнуть удовлетворенности и стабильности в рамках данного общества и данной культуры, составляют основную личностную структуру [20].

А. Кардинер вслед за З. Фрейдом считал, что на ребенка с первых дней его появления на свет воздействует не столько

внешняя среда, сколько конкретные способы ухода, а именно, способы кормления, ношения, укладывания, обучения ходьбе и др. Эти впечатления, полученные в детстве, по его мнению, накладывают отпечаток на дальнейшее формирование личности. Говоря о наличии в каждой культуре одного доминирующего типа личности, выступающего в качестве «внутрикультурного интегратора», для более детального объяснения своей теории А. Кардинер вводит понятие «базовая личность», которую он определяет, как средний психологический тип, преобладающий в каждом обществе.

Исходя из таких выводов, А. Кардинер предпринял попытку организовать кросс-культурные исследования преобладающих типов личности в различных культурах, а также исследование процессов социальных изменений, соотнося их с личностными изменениями.

Таким образом, концепции А. Кардинера привела к изменению основных детерминант кросс-культурных исследований, в центре внимания которых стало теперь не изучение собственно самой культуры, а исследование психологических особенностей представителей различных культур и их сравнение.

В рамках культурно-антропологических исследований, получивших свое развитие в концепциях А. Кардинера, К. Дю Буа, Р. Линтона, почти одновременно было предложено два основных теоретико-методологических подхода к исследованию национального характера – личностно-ориентированное и культурно-центрированное [20].

Теоретическую основу личностно-ориентированного направления составили выводы К. Дю Буа, Р. Линтона, что личность – это, прежде всего, организованная совокупность психологических процессов и состояний, переживаемых индивидом, из которых вытекает его поведение.

Культурно-центрированный подход в своей основе использовал вывод, что национальный характер должен изучаться как особый способ распределения и регулирования ценностей или поведенческих моделей внутри культуры. Поэтому основная задача культурно-центрированного подхода сводилась к описа-

нию социокультурных феноменов в их психологической перспективе.

3.4 Психологическая антропология и кросс-культурная психология

В 60-е годы XX века исследования специфики кросс-культурной рефлексии вылились в развитие нового направления – психологическая антропология, основной целью которой стало изучение культуры с психологической точки зрения.

Основатель этого направления американский психолог Ф. Хсю пришел к выводу, что предметом ее изучения должны стать социальные представления, ценностные ориентации и нормы, способы социализации детей, особенности личности взрослого человека в разных культурах [21].

Следовательно, Ф. Хсю в качестве основной цели нового направления в американской психологии выделил исследование личности в культурно-специфичном окружении.

Если говорить о сегодняшнем дне, то главные достижения кросс-культурных исследований в современный период определяются развитием именно этого направления. Видимо, контекст психолого-антропологических исследований позволяет соизмерить различные взаимодействия культуры и личности, личности и общества (группы, сообщества), статики и динамики развития этнопроцессов, а также выявить систему или комплекс детерминант внешнего (социокультурного, исторического и др.) и внутреннего (психического, физиологического и др.) планов. Не случайно в рамках этого направления получили развитие когнитивная антропология, культурная психология, психоаналитическая и символическая антропология. Многие современные исследователи (Дж. Уайтинг, Т. Шварц и др.) видят перспективу дальнейшего развития психологической науки в интеграции этих отраслей. Они также считают, что дальнейшее развитие психологической антропологии должно идти в направлении формирова-

ния ее как науки о функционировании культуры и культурно-социальной системы.

Поэтому, сегодня в контексте психологической антропологии исследуется структура культурного поля, культурной составляющей и детерминирующей психику человека и развития культурных сценариев, применяемых для объяснения событий на макроуровне и в целом культуры как процесса [21].

Что касается кросс-культурного изучение интеллектуально-познавательных, эмоционально-волевых, коммуникативных особенностей, то здесь, в первую очередь, большое внимание уделяется не только изучению культурного многообразия, а прежде всего, экспериментальному исследованию влияния культурной среды на психику. С этой целью в западной психологии были предложены три научно-исследовательские программы по экспериментальному изучению культурных различий в перцептивных процессах.

Первая программа была направлена на кросс-культурное изучении процессов восприятия, которые рассматривались как элементарные психические функции. Вторая программа была посвящена кросс-культурному изучению интеллекта как высшей психической функции. Третья программы была направлена на экспериментальное изучение памяти в кросс-культурном аспекте.

Как считает М. Коул, первое экспериментальное исследование культурных различий в перцептивных процессах было осуществлено в конце прошлого – начале нынешнего века учеными Кембриджского университета А. Хэддоном У. Риверсом, К. Майерсом и У. МакДугаллом, которые вошли в историю науки как основатели кросс-культурной психологии или кросс-культурного направления в психологических исследованиях [4, 57].

В те годы большой популярностью в науке пользовалась компенсаторная гипотеза, согласно которой перцептивные процессы примитивных народов должны были сильно отличаться от европейцев.

Для проверки достоверности этих идей, что «дикие полукцивилизованные расы демонстрируют более высокую сенсорную чувствительность, чем европейцы, У. Риверс и его коллеги,

проводя экспериментальные исследования в Британской Новой Гвинее и на островах Торресова пролива, основное внимание сосредоточили на изучении таких сенсорных способностей, как острота зрения и слуха, восприятие цвета, восприятие пространства, острота обоняния, вкуса, опознание веса, тактильная чувствительность. Кроме того, они сделали акцент на изучении подверженности зрительным иллюзиям.

Однако анализ результатов проведенных экспериментальных исследований показал существование лишь отдельных межкультурных различий. Тем не менее, эти исследования показали, что даже при изучении элементарных психических процессов, культуросообразные способы интерпретации задания влияют на его выполнение.

Значительно позже, а именно в 60-е годы М. Сегалл и его коллеги снова обратились к исследованиям, которые проводил У. Риверс, в частности, они начали экспериментировать со зрительными иллюзиями. Опираясь на идею, что различные культурные среды порождают различные способы интерпретации зрительных впечатлений, они ожидали, что люди, живущие в городах, будут чаще интерпретировать рисунки на языке трехмерных объектов, чем люди, живущие в сельской местности, люди, которые привыкли видеть дальние просторы, более подвержены горизонтально-вертикальной иллюзии [4].

Как и ожидалось, испытуемые из групп, привычным к дальним просторам, оказались более подверженными иллюзии Мюллера-Лайера, чем жители современных европейских городов. Исходя из этого, М. Сегалл пришел к выводу о влиянии культуры на восприятие. Однако эти выводы до сих пор вызывают сомнения у многих оппонентов ученого. Например, исследования Р. Поллака и других показали, что подверженность зрительным иллюзиям уменьшается с уменьшением пигментации сетчатки глаза, что на подверженность зрительным иллюзиям оказывает влияние, прежде всего, не культурная среда, а принадлежность к определенной расе и др.

В связи с этими данными М. Сегалл и его коллеги в конце 80-х годов пришли к выводу, что «эмпирическая гипотеза сегод-

ния столь же разумна, сколь и на старте этого исследовательского проекта» [4, 69].

На смену компенсаторной гипотезе пришла гипотеза баланса между различными сенсорными модальностями, на основе которой было предложено еще несколько кросс-культурных программ, направленных на изучение интеллекта представителей различных культур. Для этого многие исследователи начали активно использовать тесты А. Бине и Т. Симона. И, если по замыслу авторов, эти тесты первоначально были созданы для измерения готовности детей к школе и выявления тех, кому потребуется специальное обучение, то в кросс-культурных исследованиях их стали использовать в качестве независимых от культуры измерителей общей способности людей решать задачи. Это привело к массовому использованию IQ-тестов в кросс-культурных исследованиях. Однако ряд психологов, в частности, американский психолог Ф. Гудинаф, чей тест «Нарисуй человека» часто используется в кросс-культурных исследованиях, отмечала, что нарастающая волна интереса к тестам интеллекта смела все дамы научной осторожности» [14, 72]. По ее мнению, ни тесты интеллекта, ни так называемые тесты личности или характера не являются измерительными средствами.

Несмотря на споры и скандалы, попытки выявить влияние культуры на развитие интеллекта до сих пор не прекращаются. И как отмечают корифеи кросс-культурной психологии Д. Берри, Я. Пуртинг, М. Сегалл и Р. Дасен, полезность и теоретические выводы из кросс-культурного IQ тестирования до сих пор продолжают горячо обсуждаться. Как замечает М. Коул, единственным способом получить культуронезависимый тест является разработка заданий, в равной мере являющихся частью жизненного опыта во всех культурах, что достаточно сложно [14, 74].

Что касается третьей программы, направленной на экспериментальное изучение памяти в кросс-культурном аспекте, то она была построена на тезисе о взаимодействии культуры и памяти.

Начиная с тридцатых годов XX века психологами-экспериментаторами проводились исследования с целью доказать,

что примитивные народы способны к редкостным проявлениям памяти. Однако ряд полевых исследований, проведенных такими известными американскими психологами, как Ф. Гальтон, Ф. Бартлетт показали, что это не так. И здесь важным оказалось не то, кто лучше или хуже запоминает (представители неграмотных примитивных народов или грамотные их современники), а то, что в процессах памяти проявляются культурные различия в виде особых способов запоминания, соответствующих деятельности разных социальных групп. Как показали исследования, когда структуры деятельности различных социальных групп похожи, то культурные различия в процессах запоминания являются минимальными.

В контексте изучения теоретических основ кросс-культурных исследований несомненный интерес представляют исследования Ж. Пиаже, который в начале своей научной карьеры изучал роль культуры в когнитивном процессе.

Основу его теоретического осмысления влияния культуры на когнитивные процессы личности, составил вывод, что каждому типу социальной организации соответствует своя определенная «ментальность». По его представлению, «ментальность», называемая примитивной, соответствует конформистским или сегментированным обществам, а рациональная ментальность — нашим дифференцированным обществам [8]. Важно обратить внимание на то, что он, в отличие от многих исследователей, поддержал идею преемственности между этими двумя типами ментальности. В частности, он считал, что примитивное мышление предшествует цивилизованному также, как детское предшествует взрослому.

Говоря о культурных различиях в когнитивном развитии, Ж. Пиаже выделил факторы, каждый из которых определял переход к очередному этапу развития, среди них: биологические факторы, координация индивидуальных действий, социальный фактор межличностной координации и трансляция культуры и образования. Ж. Пиаже очень надеялся, что более прогрессивные и современные методики проведения кросс-культурных иссле-

дований в будущем позволят подробнее изучить и дифференцировать выделенные им факторы.

Таким образом, проведенные экспериментальные исследования, проведенные в кросс-культурном контексте показали влияние культуры на развитие психических процессов.

К началу 70-х годов XX века многие исследователи, изучающие перцептивные процессы представителей различных культур, переключились на исследование специфических стимулов и межкультурных различий в ограниченных областях перцептивного опыта, в частности, некоторых аспектов зрительного восприятия, восприятия цвета, измерение интеллекта. В ходе проведения этих кросс-культурных исследований были получены интересные эмпирические результаты. Однако в связи с тем, что эти данные сами по себе не могут объяснить причинный механизм влияния культуры на поведение и психологические процессы, необходима была теория, которая могла бы интегрировать все выявленные факты. Поэтому в последние годы специалисты в области кросс-культурной психологии стали говорить о необходимости создания теории, организующей и направляющей исследования. Так, исследователи Д. Берри, Я. Пуртинг, М. Сегалл и Р. Дасен по этому поводу замечают – «Принимая во внимание всю сложность человеческой жизни и важность культуры как детерминанты поведения, психологи, безусловно, должны проверить справедливость этих принципов для разных культур, прежде, чем считать их установленными» [4, 17].

Одну из попыток создания такой теории предпринял Р. Шведер, видевший в кросс-культурных исследованиях не поддисциплину, а новую дисциплину, которую он назвал культурной психологией. По его представлению, культурная психология – это новая наука, которая не должна рассматривать психику как универсально функционирующее устройство, она должна быть, прежде всего, содержательной наукой, которая включала бы целый ряд специфических областей и создала бы себя в ответ на стимулы. Культурную психологию нельзя отделять от исторически меняющихся и культурно разнообразных миров, в которых она играет созидающую роль.

В поисках методологического основания этой дисциплины Р. Шведер обращается к аналитическим ветвям социальных и гуманитарных наук. М. Коул, сочувственно относясь к его попыткам создать теоретическое обоснование кросс-культурным исследованиям замечает, что, определяя альтернативный путь размышлений о представленности культуры в психике, важно привлечь знания из всех гуманитарных наук, которые стояли у колыбели психологии.

Однако, несмотря на предпринимаемые попытки создания методологии кросс-культурной психологии, исследователи до сих пор не пришли к общему выводу относительно того, что же представляют из себя кросс-культурные исследования. По мнению одних – это всего лишь одно из направлений этнопсихологии, по мнению других – это один из разделов общей психологии, третьи ученые выделяют кросс-культурные исследования в качестве одного из подходов к построению всего общепсихологического знания.

Американский психолог М. Коул в своем классическом труде «Культурно-историческая психология», которую он назвал наукой будущего, дает очень краткое и лаконичное понятие кросс-культурной психологии как «дисциплины, изучающей роль культуры в психической жизни» [14, 16].

В этом смысле большой интерес представляют его высказывания относительно маргинальности кросс-культурных исследований по отношению к основному руслу психологии. Отмечая, что выводы научной психологии о законах поведения, полученные методом наблюдения, не позволяют выявить значимые культурные различия, он сравнивает ее с положением человека, который, потеряв ключи от машины, ищет их в пределах светового круга от уличного фонаря. Те, психологи, далее отмечает М. Коул, которые не сумели обнаружить влияние культуры в своих тщательно разработанных экспериментах, заявляют по сути, что ключей больше вообще не существует. Те, «психологи, которые отводят культуре центральную роль в человеческой природе, стремятся найти подходы, способные расширить «световой

вруг», в котором можно было бы поискать ключи к отношениям между культурой и познанием» [14, 86].

М. Коул считает, что, «психологам так трудно сохранять культуру в поле внимания потому, что, когда психология институционализировалась как социальная и поведенческая наука, процессы, играющие решающую роль в формировании психики, были поделены между несколькими дисциплинами: культура отошла к антропологии, общественная жизнь – к социологии, язык – к лингвистике, прошлое – к истории и т.д.» [14, 362]. Не исключено, что перспективы выживания культурно-исторической психологии в значительной степени будут определяться тем, насколько успешно она будет формироваться именно как междисциплинарная наука.

Д. Берри, Я. Пуртинг, М. Сегалл и Р. Дасен, рассматривают кросс-культурную психологию как науку о сходствах и различиях в индивидуальном психологическом функционировании в разных культурных и этнокультурных группах, о взаимоотношениях между психологическими и социокультурными, экологическими и биологическими переменными, а также о возможных изменениях этих переменных [4, 15].

Говоря о значимости этого направления для всего дальнейшего развития психологической науки, они пришли к выводу, что научные исследования человеческого поведения предполагают удержание психологами кросс-культурной позиции.

Д. Мацумото рассматривает кросс-культурную психологию как сферу серьезных научных изысканий, как методологический подход и средоточие анализа и синтеза информации, которая прошла долгий путь с тех пор, когда культурные различия просто отмечались, т. е. описывались. По его представлению только кросс-культурные исследования способны ставить и решать вопросы о психологических истинах и принципах, исследуя и проверяя их на представителях разных культур.

Однако кросс-культурные исследования не только проверяют сходства и различия в поведении представителей различных культур, объясняя наши знания о людях, они также дают возможность проверить возможные недостатки наших традиционных

знаний путем изучения людей из различных культур. В ракурсе такого понимания основных детерминант кросс-культурной психологии, она может рассматриваться не только с точки зрения ее исследований, но также как логика, на которую опирается наука и которая определяет пути получения знаний [3].

Следовательно, кросс-культурная психология наделяется чертами мета-знания, дающего принципы для методологического анализа предшествующего массива знаний по изучаемой проблематике. В наиболее широком виде кросс-культурный подход определяется пониманием истины и психологических принципов либо как универсальных (верных для всех людей, представляющих все культуры), либо как культурно-специфических (верных для некоторых людей, представляющих некоторые культуры).

В своем наиболее узком понимании кросс-культурные исследования просто включают изучение участников из различных культурных сред и проверку возможных различий между ними. Истины, верные для всех людей независимо от их этнической принадлежности, исследователи называли универсалиями. Тем не менее, в человеческом поведении есть много такого, что верно для одной культуры, но не для других. В этом смысле некоторые истины и принципы не абсолютны, они культурно относительны и культурно ограничены.

Сегодня можно говорить о двух направлениях кросс-культурных исследований. Первое – связано с необходимостью анализа этносоциальной ситуации и межэтнических отношений, сложившихся в обществе с позиций этнического плюрализма, что касается второго, то оно определяется анализом личностного «Я» в различных культурах.

Следовательно, кросс-культурный подход, выходит далеко за рамки простых методологических изменений в изысканиях, проводимых для проверки гипотез, связанных с истиной и знанием. Он предстает как способ понимания истины и принципов, касающихся человеческого поведения внутри глобального кросс-культурного воззрения [3, 21].

Таким образом, сегодня современная кросс – культурная психология превратилась в устоявшуюся отрасль научного знания, объединяющую сотни ученых из многих стран мира.

Сегодня она является одной из важных отраслей современной психологии, представленной сотнями исследователей из многих стран мира. Так, в 1973 году в Справочнике кросс-культурных исследований было отмечено 1125 кросс-культурных психологов.

Хотя большинство указанных ученых работают на факультетах психологии в североамериканских и европейских университетах, многих из них можно встретить в университетах Африки, Азии, Латинской Америки и Океании. Многие из них входят в профессиональные организации, включая Международную ассоциацию кросс-культурной психологии (International Association for Cross – Cultural Psychology – IACCP), созданную в 1972 году и пользующуюся огромным авторитетом среди психологов. В том же 1972 было основано Общество кросс-культурных исследований (Society for Cross-Cultural Research – SCCR,) а 1984 году – франкоязычная Ассоциация интеркультурных исследований (Association pour la Recherche Interculturelle – ARIC).

Сегодня для ознакомления проблем по кросс-культурной психологии выпускается целый ряд международных журналов, имеющий высокий рейтинг. Например, «Журнал кросс-культурной психологии» (Journal of Cross-Cultural Psychology), основанный в 1970 имеет очень высокий импакт-фактор (более 3,00). Также сегодня издаются «Международный журнал психологии» (International Journal of Psychology, 1966), «Этос» (Ethos, 1972), «Международный журнал межкультурных отношений» (International Journal of Intercultural Relations, 1978), «Разум, культура и деятельность» (Mind, Culture and Activity, 1994), «Культура и психология» (Culture and Psychology, 1995) и «Азиатский журнал социальной психологии» (Asian Journal of Social Psychology, 1998), в центре внимания которых находятся актуальные проблемы кросс-культурной психологии.

С 1974 года публикуется многотомное издание по кросс-культурной психологии. На сегодняшний день вышло более 20 томов на разные темы – от методов исследования до психического здоровья, от научения до социальной психологии. Библиографии, которые приводятся в них, свидетельствуют о

настоящем всплеске активности в кросс-культурной психологии и интереса к ней.

Так, в США изучением влияния культуры на поведение человека занимается профессор психологии Д. Мацумото, возглавляющий лабораторию исследования культуры и эмоций Калифорнийского университета в Сан – Франциско). Известный кросс-культурный психолог, автор теории аккультурации Джон Берри, почетный профессор психологии трудится в Королевском университете Кингстона (Канада). Исследованием гендерных проблем в кросс-культурном аспекте занимается доктор психологии Саба Сафдар, возглавляющая Центр кросс-культурной психологии университета Гвелф (Канада). В нидерландах исследованием проблем кросс-культурной психологии занимается профессор университета Тилбурга Айп Х. Пуртинга и др.

В России разработкой проблем кросс-культурной психологии занимаются Т.Г. Стефаненко (Московский государственный университет), Л.Г. Почебут (Санкт-петербургский университет), Н.М. Лебедева (Высшая школа экономики, Москва). В Казахстане проблемами кросс-культурной психологии занимаются З.М. Балгимбаева, С.К. Бердибаева, Жарас Сейтнур и др.

Таким образом, кросс-культурная психология представляет собой современную область психологии, занимающуюся изучением закономерностей развития и функционирования психики в контексте обусловленности ее формирования социальными, культурными и экологическими факторами. Кросс-культурная психология занимается выявлением и изучением как универсальных, так и специфических особенностей психического развития, а также описывающих их теорий.

Возникшая на стыке целого ряда наук, она представляет собой междисциплинарную, но в то же время самостоятельную отрасль научного знания, имеющей свой объект и предмет исследования, свои цели и задачи и занимает не изучаемое другими дисциплинами пространство, представляющее особый интерес.

Если современная психология сегодня состоит из многих отраслей – общей, клинической, социальной, возрастной, педагогической, то в отношении к кросс-культурной психологии и

кросс-культурным подходам, можно сказать, что в целом они не являются темоспецифическими. Поэтому кросс-культурных психологов сегодня можно встретить в любой специальной области или дисциплине психологии, так как их интересует широкий круг феноменов, связанных с человеческим поведением – от восприятия до языка, от воспитания детей до психопатологии. Подход, а не тема – вот, что важно для кросс-культурной психологии, отмечает Д. Мацумото [3].

Роль, которую культура играет в современном познании человека, огромна. Фактически, именно кросс-культурные исследования стали причиной основательного пересмотра многих традиционных психологических теорий. В последнее время культура стала органичной частью всех исследований, связанных с изучением сложных форм человеческого поведения, и кросс-культурная психология, как наука и как метод исследования, переживает настоящий подъем.

Вопросы для самопроверки

1. Охарактеризуйте становление и развитие кросс-культурных исследований в западной психологии.
2. Обоснуйте вклад В. Вундта в развитии кросс-культурных исследований.
3. Критически оцените значение концепции Р. Бенедикт, М. Мид «Культура и личность».
4. Отметьте особенности концепции «Основной личностной структуры» (А. Карднер).
5. Проанализируйте роль У. Риверса в изучении психологии и культуры.
6. Распишите основные идеи М. Коуола о культурно-исторической психологии.
7. Оцените вклад Д. Мацумото и Дж. Берри, Г. Триандиса в развитие современной кросс-культурной психологии.
8. Опишите современное состояние изучения культуры в психологическом аспекте.

РАЗДЕЛ 4

РАЗВИТИЕ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ И КАЗАХСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

4.1 Традиции кросс-культурных исследований в российской психологии

Полиэтничность России, стремление определиться и занять свое достойное место, как в Европе, так и в Азии, связаны не только с ее географическим положением, но и с исторически присущей ей многокультурностью.

Если же говорить о научно организованных кросс-культурных исследованиях, то только в середине XIX века под руководством академика К.М. Бэра впервые была разработана программа сравнительно-культурного исследования народов России в плане их взаимоотношений друг с другом.

В эти же годы появилась работа А.П. Павловского «Грамматика малороссийского наречия», где он проводит сравнительный анализ национального характера и особенностей языка малороссов и русских.

В 1846 году действительный член Русского географического общества академик Н.И. Надеждин предложил для исследования всех особенностей, «коими в народах знаменуются проявлениях духовной стороны природы человека, т.е. умственные способности, сила воли и характер, чувство своего человеческого достоинства и происходящее отсюда стремление к непрерывному совершенствованию» выделить из этнографии психическую этнографию [8].

Проблемы исследования русской самобытности, русского национального самосознания, его отличий от других народов также были в центре внимания представителей славянофильского течения К.С. Аксакова, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и др. Проводя

сравнительные исследования русского национального характера и европейских народов, основной источник этих отличий они видели в мысли, которая «есть выражение духа жизни и которая проявляется в языке, и в истории народа». Именно поэтому язык, созданный не одним поколением народа, является выражением народной души и определяет ее влияние на все сферы образа жизни.

Кроме того, ярким выражением духа народа является его вера. Так, например, И. Киреевский считал, что русский народ отличается от европейцев, потому что отличны их вероисповедания. В статье «О характере просвещения» он писал: «Христианство проникло в умы западных народов через учение Римской церкви – в России же оно зажигалось на светильниках всей Церкви православной...» [22, 121-122].

А.С. Хомяков видел основное отличие русских от европейцев в том, что русский человек в своем положительном типе есть покорный своей судьбе работник, добывающий свой тяжкий хлеб в поте лица, но взор его устремлен на святую обитель, а не на чертоги наслаждения [22, 147].

В конце 60-х годов XIX века с новой программой проведения сравнительно-культурных исследований выступил российский философ Н.Я. Данилевский. В своей монографии «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира германо-романскому» он попытался обосновать духовную особенность, самобытность славянского мира во главе с Россией и объяснить противостояние России и Европы. Очень важным для дальнейшего проведения кросс-культурных исследований был вывод Н.Я. Данилевского, что не существует единой, непрерывно развивающейся культуры, в которой все цивилизации могут рассматриваться как ступени этого развития. Есть «естественная система истории», в которой выделяется несколько совершенно несравнимых друг с другом цивилизаций, где «самостоятельным путем развивается некое начало, заключающееся в особенностях его духовной природы, так и в особенностях внешних условий жизни» [23].

Совершенно другой подход к проведению сравнительно-культурных исследований был предложен известным русским

философом и публицистом XIX века В.С. Соловьевым, который в своей работе «Национальный вопрос в России» писал: «народность и национальность есть положительная сила, и каждый народ по особому характеру своему назначен для особого служения. Различные народности суть различные органы в теле человечества» [24, 45-46].

Особое место в развитии теоретических основ кросс-культурных исследований в России занимает Н.А. Бердяев. «С давних времен было предчувствие, что Россия предназначена к чему-то великому, что Россия – особенная страна, не похожая ни на одну страну мира», – писал он [27, 8].

Пытаясь найти разгадку тайны русской души, Бердяев отмечает особое соотношение женственного и мужественного начал в русском характере. «Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная... Россия – земля покорная, женственная», – замечал он [25, 12]. Объясняя такое необычное соотношение женственного и мужественного начал, Н. Бердяев обращается к влиянию географических факторов, особенностям русской природы, климата, ландшафта и, прежде всего, к влиянию огромного пространства России, где не человек властвует над природой, а природа – над человеком. Именно просторы России обусловили специфику русского национального характера, «ушибленного ширью», «подавленного необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами» [25, 60].

Таким образом, несмотря на то, что собственно кросс-культурные изыскания начались в России лишь с конца сороковых годов XIX века, именно с русской школы этнопсихологии начинается зарождение ее как науки, как новой отрасли психологии.

4.2 Вклад Л.С. Выготского, Л. А. Лурии в развитие кросс-культурных исследований

Одним из первых психологов, изучавшим взаимосвязь культуры с психическим развитием человека, стал российский пси-

холог Л.С. Выготский, разработавший учение о развитии психических функций в процессе опосредованного общением освоения индивидом ценностей культуры. Культурные знаки, – отмечал он, – прежде всего, знаки языка, являются своего рода орудиями, оперируя которыми, субъект воздействует на другого, и формируют свой собственный внутренний мир, основными единицами которого становятся значение и смыслы.

Л.С. Выготский разработал «методику двойной стимуляции», с помощью которой моделировался процесс знакового опосредования и прослеживался механизм «вращивания» знаков в структуру собственно-человеческих высших функций внимания, памяти, мышления.

Психические функции, данные природой, то есть «натуральные» «преобразуются в функции высшего уровня развития – «культурные», – указывал он.

Исходя из этого, Л.С. Выготский сформулировал общий закон культурного развития: «Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, – сперва в социальном, потом – психологическом» [12].

Говоря о взаимосвязи культуры и психического развития человека, выдающийся российский психолог постоянно подчеркивал важность и необходимость проведения сравнительных психологических исследований представителей различных этносов, стоящих на разных этапах исторического развития. Основным методом проведения этих исследований, он считал, является инструментальный, суть которого заключается в том, что по аналогии с орудием труда слову приписывается орудийная, т.е. инструментальная функция.

М. Коул, изучая эти идеи Л.С. Выготского, считает, что именно российским психологом впервые в мире был основан подход к психологии как к культурно-исторической науке. «Центральный тезис русской культурно-исторической школы, – отмечает он, – состоит в том, что структура и развитие психических процессов человека порождается культурно опосредованной, исторически развивающейся практической деятельностью...Исходная посылка культурно-исторической школы состоит в том, что психические

процессы человека возникают одновременно с новыми формами поведения, в которых люди изменяют материальные объекты, используя их как средство регулирования своих взаимодействий с миром и между собой» [14, 127-128].

В 1929 году Л.С. Выготский, опубликовав заметки о плане проведения сравнительно-культурных исследований педологии национальных меньшинств, буквально совершил прорыв в кросс-культурных исследованиях. В этом же году под его научным руководством и А. Лурии впервые в истории советской психологии была организована экспедиция в Сибирь, целью которой было изучение умственного развития детей с помощью различных методик. Затем в 1931-1932 годах была организована экспедиция в Среднюю Азию, цель которой состояла в фиксации тех перемен в мышлении и других психических процессах, которые определялись новыми условиями и формами экономической и культурной жизни [13].

Во время экспедиций в Среднюю Азию Л.С. Выготским и А. Лурия были получены уникальные экспериментальные доказательства общественно-исторической детерминации психики, зависимости уровня развития познавательных процессов (гностических, мнестических, интеллектуальных) от конкретного социально-экономического и культурного опыта. Результаты исследования, проведенного среди жителей Узбекистана, показали, что введение школьного обучения и новых форм социально-экономической жизни привели к качественному сдвигу в процессах восприятия, обобщения, педологического рассуждения, воображения и самоанализа.

Чуть позже под руководством А.Р. Лурии была организована еще одна экспедиция в Узбекистан, целью которой было проведение этнопсихологического исследования уровня развития сознания у разных категорий из числа местных жителей. Однако вскоре работу этой экспедиции стали ассоциировать с чуждой марксизму идеологией и она была свернута, а полученные результаты были преданы забвению.

Однако, несмотря на это, идеи Л.С. Выготского и А.Р. Лурии о методологии проведения кросс-культурных исследований по-

лучили признание со стороны мировой научной общественности. В частности, М. Коул, отмечая их заслуги, отмечал, что они одновременно сделали то, чего не сделали другие – узаконили культурную психологию, которая могла вобрать в себя обе стороны психологии В. Вундта. Принятая ими методология позволяла теоретически осмыслить различные области социальной практики и снискать социальную поддержку [14, 50].

В тридцатые годы в условиях политики, направленной на стирание национальных и культурных различий, на проведение кросс-культурных исследований был наложен запрет. После выхода Постановления ЦК ВКП (б) в 1936 году «О педологических извращениях в системе Наркомпросса» по всей стране начались гонения на тех, кто занимался такими исследованиями.

Вследствие этого, к сожалению, как отмечал И.С. Кон, – хотя российская психология в лице Л.С. Выготского и А.Р. Лурии имела безусловный приоритет в формулировании ряда важнейших принципов таких исследований, сегодня они занимают у нас весьма скромное место [26, 321].

Для теоретиков советского периода изучение различий в культуре, образе жизни, историческом уровне развития народов, объективности национальной жизни особого значения не имели. В условиях «пролетарского интернационализма» и «чувства семьи единой», когда политика государства была направлена на формирование нового сверх – человека – «советского» не было необходимости в проведении кросс-культурных исследований.

В период распада Советского Союза и суверенизации национальных государств возникла ситуация своеобразного «этнического ренессанса», который был объективен после нескольких десятилетий манкуртизации. Рыночные процессы, связанные с поиском и обретением новой идентичности, интенсифицировали интерес к проведению кросс-культурных исследований на уровне отдельных людей, групп, государств.

Не случайно, в 90-е годы предметом изучения в политологическом, социологическом, социально – философском и психологическом измерениях становятся национально-психологические особенности того или иного народа.

Таким образом, начиная с конца 80-х начала 90-х г.г. в странах постсоветского пространства в связи с развалом СССР и резким обострением межэтнических отношений и напряженности появилась острая потребность и необходимость в кросс-культурных исследованиях.

На современном этапе развития кросс-культурной психология получила статус самостоятельной и «законной» науки, а исследования стали не только актуальны, но и востребованы. События последних лет в постсоветском пространстве, особенно в России, связанные с накопившимися проблемами в области межэтнических отношений и взаимодействия, напряженности, способствуют расширению этих исследований.

Для современной России особенно актуальны прикладные кросс-культурные исследования межэтнического взаимодействия, межэтнической напряженности, межэтнических конфликтов, психологии беженцев и переселенцев, проблемы мультикультурализма и др.

Появление этих исследований является свидетельством становления российской кросс-культурной психологии, утверждения ее как важной области психологического научного знания.

4.3 Развитие кросс-культурных исследований в Казахстане

Особенности казахской культуры как кочевой не позволяют в связи с отсутствием письменности зафиксировать первые этапы становления кросс-культурных исследований в Казахстане. Однако особенность месторасположения республики, во все времена являвшейся местом пересечения географических путей и культурных направлений, заставляла казахов присматриваться к прилежащим национальным общностям, определять особенности их характера и фиксировать их в устном народном творчестве: пословицах, поговорках, сказках.

В историю кросс-культурных исследований вошел степной поэт-странник, оратор, мудрец и воин Анахарызы (по-гречески –

Анахарсис), сочинявший стихи, которые передавались из поколения в поколение, где он описывал скифские и эллинские обычаи, размышления о простоте жизни и войне [14].

В одном из старейших литературных памятников в истории человечества «Эпосе о Гильгамеше» или поэме «О всё издавшем», который можно назвать одним из первых кросс-культурных исследований, дана сравнительно-типологическая характеристика оседлости и кочевья как разных способов мироощущения и собственной идентичности [11].

Абу Наср аль-Фараби также не остался в стороне от изучения психологии различных народов. Он считал, что в основе сравнительно-психологических различий лежит несходство по трем основным параметрам – естественным нравам, естественным чертам (характер) и языкам. Причину этих различий он видел не только в климатических, природных различиях, но и в расположении и особенностях астрономических тел и космических процессов [11].

Следующий этап в развитии кросс-культурных исследований в Казахстане связан с именами Юсуфа Баласагуни, Махмуда Кашгари, Мухаммеда Хайдара, Дулати, поэтические произведения которых «Кутадгу билик», «Словарь тюркских наречий» и «Тарих-и-Рашиди» посвящены сравнительному исследованию культуры, истории, литературы народов Центральной Азии. Эти и другие произведения оказали большое влияние на дальнейшее развитие кросс-культурных исследований.

Однако непосредственно научные сравнительно-культурные исследования появляются на территории Казахстана только в XIX веке, и связаны они с именами Ш. Уалиханова и А. Кунанбаева, во взглядах которых «лежит печать национального своеобразия, острого переживания за духовные основы бытия родного народа, стремления содействовать его росту в общечеловеческом плане» [27, 65].

Ш. Уалиханов, целенаправленно занимаясь изучением своего народа, открыл совершенно новый пласт его бытия, позволивший осветить коренные вопросы этногенеза казахов и этнической истории казахов. В своих «Заметках по истории южносибирских

племен» Ш. Уалиханов писал: «В Европе до сих пор господствует ложное понятие, представляющее кочевые племена в виде свирепых орд и беспорядочных дикарей. Понятие о кочевом монголе или киргизе тесно связано с идеей грубого и скотоподобного варвара. Между тем, большая часть этих варваров имеет свою литературу и сказания – письменные или устные» [28, 163-164].

Важно обратить внимание на то, что Ш. Уалиханов считал, что культуру, особенности мышления народа нельзя изучить в отрыве от памятников устного народного творчества, в которых аккумулировался весь опыт прошлых поколений. Поэтому он обратился к изучению народного фольклора. Собирая и изучая мифы, сказки, легенды, предания, Ш. Уалиханов видел в них, прежде всего, историю становления своего народа. По его мнению, именно эти источники – едва ли не единственные в этнической истории казахов, потому что в условиях сурового кочевого образа жизни, только лишь отдельные народные творения могли дойти до последующих поколений в целостности и сохранности.

Вследствие этого, устное народное творчество казахов, представленное легендами, преданиями, сказками, воспринималось им, в первую очередь, как память, в которой отразились основные ценностные параметры жизнедеятельности кочевого народа, его духовное богатство, традиции и обычаи.

В черновом наброске статьи «Киргизское родословие» он отмечал, что степной ордынец – казах стоит морально, по своим умственным способностям, гораздо выше оседлого простолюдина татарина или турка. Склонность к поэзии, особенно к импровизации, отличает все кочевые расы. Поэтический ум бедуинов и поэты-импровизаторы их хорошо знакомы европейцам. Все путешественники, посещавшие аравийские пустыни и шатры, писали с удивлением о голых мальчишках, которые на все вопросы выстреливали правильно сложенными, размеренными четверостишиями. Такие же явления представляют и монголо-тюркские поколения», – отмечал он [29, 322].

Казахи большие охотники до ораторских выступлений, далее отмечал Ш. Уалиханов, – они стремятся совершенствоваться в

искусстве произнесения речей и особенно ценят того, чья речь блестяще юмором и отмечена остроумными находками.

Пытаясь объяснить этот феномен, он пишет: «влияние ли беззаботной кочевой жизни или постоянное созерцание природы, всегда открытого звездного неба и беспредельных степей были причиной к поэтическому и умозрительному расположению духа кочевников» [29, 390].

В ходе проведения своих исследований Ш. Уалиханов одним из первых пришел к выводу, что этническую историю любого народа, в том числе, и казахов нельзя изучать в отрыве от религии и верований. В связи с этим он уделял большое внимание изучению шаманства, которое считал разновидностью первобытной религии, присущей казахам. Несмотря на то, что ислам давно принят казахами, тем не менее, следы шаманства сохраняются и тесно переплетаются с бытом и обычаями казахов. В статье «Следы шаманства у киргизов» Ш. Уалиханов писал: «Шаманство явилось следствием потребности познать Вселенную с ее чудесами, вопросами о жизни и смерти, об отношении человека к природе и которая вылилась в обожание Вселенной или природы и духа умерших людей и предков» [30, 44].

Действительно, само шаманство по своей сути есть, прежде всего, почитание и поклонение природе. А жизнь казахов, ведущих кочевой образ жизни, порой полностью зависела от природы, от ее ритмов. Поэтому шаманство как мироощущение, отношение к окружающему миру, к природе оказалось очень близким по духу к условиям жизни кочевого народа.

Для характеристики этих особенностей религии казахов Ш. Уалиханов вводит термин «двоеверие», которое рассматривает в статье «Двоеверие в степи».

Таким образом, огромной заслугой Ш. Уалиханова является то, что он одним из первых при исследовании этногенеза своего и других народов не ограничился изучением только географических и климатических особенностей. В частности, он изучал генезис и историю казахского народа в тесной связи с социокультурными детерминантами, рассматривал индивидуальное разви-

тие человека в контексте групповой этнической идентичности в рамках специфической культуры кочевой цивилизации.

Изучение развития кросс-культурных исследований в Казахстане было бы не полным без исследования наследия Абая Кунанбаева, взгляды которого отличаются, во-первых, конкретным подходом ко всем проявлениям казахского национального характера, как позитивным, так и негативным; во-вторых, стремлением найти и объяснить причину психологических особенностей своего народа, в – третьих, этнопсихологические исследования Абая не ограничивались только изучением своего народа, расширяясь до кросс-культурного изучения многих народов тюркоязычной Азии.

В своем философском произведении «Слова-назидания» Абай попытался соединить в единое целое, казалось бы, разрозненные психологические особенности представителей различных национальностей Средней Азии. Поэтому при изучении кросс-культурных знаний в Казахстане невозможно переоценить значение данного творения.

Интерес к проблемам кросс-культурных исследований несколько оживился лишь после 1964 году. Именно с этого времени начинается разработка теории наций и национальных отношений, приведших к новому импульсу в развитии кросс-культурных исследований в республике.

Одним из первопроходцев казахстанской психологии стал видный общественный деятель, академик Т.Т. Тажибаев, особое место в творческом наследии которого, занимает работы «Философские, психологические и педагогические взгляды Абая Кунанбаева» и «Развитие просвещения и педагогической мысли в Казахстане во второй половине XIX века».

Т.Т. Тажибаев считал, что национальный характер обладает устойчивостью, которая определяется тем, что в нем приобретаются национальные формы поведения в системе ценностей народа. Его возникновение и формирование происходит постепенно на самых ранних этапах становления нации. По его мнению, в этом процессе решающая роль принадлежит природным и

общественным условиям: «Бескрайние степи Казахстана, обширные безводные пространства с редкими оазисами, пески, бездорожье, суровый континентальный климат не могли не оказывать определенного влияния на физическое развитие и психологический склад казахского народа» [31, 15].

Суровая и нелегкая кочевая жизнь, – пишет он, – предъявляла жителям степи целый ряд жестких требований. Они должны были быть не только физически крепки, выносливыми, способными быстро приспосабливаться к меняющимся условиям, но и психически развитыми людьми.

Далее автор отмечает, что на протяжении своей длительной истории, жители степей накопили богатый опыт обучения и воспитания, создали своеобразные обычаи и традиции, определенные стереотипы поведения, в которых аккумулирован творческий опыт, устойчивые правила, нормы и принципы поведения.

Игривость, многозначительность, иносказательность, образность – характерные особенности речи казахов, по мнению Т.Т. Тажибаева, вызваны тем, что в условиях однообразной жизни неоглядной степи и огромной потребности людей в общении между собой, диалог всегда носил неторопливый характер, каждое высказывание наполнялось глубоким смыслом и образностью. Поэтому у казахов всегда почетом и уважением пользовались те, кто говорил рассудительно, мыслил логически, отмечал ученый.

Дальнейшее развитие кросс-культурных исследований в Казахстане предопределено научными изысканиями 70-90-х годов. Особенно большой резонанс в советской психологической науке имела, вышедшая в 1971 году монография Н.Д. Джандильдина «Природа национальной психологии», где казахстанский ученый дает обзор существующих психологических концепций, исследует такие понятия, как национальная психология, национальный характер, национальное чувство, национальные предрассудки и др.

Изучая национальный характер своего народа, Н.Д. Джандильдин формулирует очень важный вывод для кросс-культурной психологии, что национальный характер представляет собой

явление не биологическое, не продукт географической среды, он не имеет никакой связи с расовыми признаками человека, не является порождением некоей мифической «национальной субстанции». Единственной сферой действительности, где надо искать подлинный решающий детерминант национального характера, по мнению Н.Д. Джандильдина, являются условия жизни самой нации, своеобразие окружающей ее исторической среды [32, 133].

Специфические черты национального характера, считает ученый, представляют собой сгусток отпечатков своеобразных особенностей образа хозяйственной деятельности и быта, общественного уклада и природных условий, культуры, верований, формы его общения с другими на психике, образующих его людей, на их привычках, вкусах, поведении, в некоторой степени и на складе мышления, способе восприятия явлений внешней среды и реакции на них [32, 136].

Изучая развитие теории и методологии кросс-культурных исследований в казахстанской психологии, нельзя обойти вниманием исследования М.М. Муканова, изучавшего проблемы национального мышления и интеллекта представителей казахского этноса. В своей докторской диссертации «Психологическое исследование рассудка в историко-этническом аспекте» он пришел к выводу, что инвариантная сторона в интеллекте присутствует на всех этапах исторического процесса и является условием и опорой психического развития личности независимо от ее этнопсихологических особенностей [33].

М.М. Муканов отмечает, что историческое развитие рассудочной (мыслительной) деятельности не является функцией только хронологического времени, поскольку та или иная эпоха вызывает у соответствующей общности ту или иную потребность. В целях удовлетворения этой потребности люди проявляют активность, что служит источником развития их рассудочной деятельности. Иногда сотни лет активной деятельности какого-либо этноса могут дать больше в развитии рассудка, чем тысячелетняя история других народов, проходивших без заметных изменений. Такая трактовка имеет важное значение для правиль-

ного применения принципа историзма, особенно в исследовании внутреннего мира представителей традиционной культуры.

По результатам своих исследований М.М. Муканов пришел к выводу, что, рассудок людей прошлого отличается от современного в основном в структурном плане мыслительной деятельности (в понятийно-семантическом аспекте), по другим же характеристикам он идентичен последнему, что приводит к признанию как гомогенности, так и к гетерогенности психической деятельности.

Внутренняя умственная деятельность М.М. Мукановым была проанализирована на материале отгадывания загадок. При изучении способностей испытуемых к когнитивной и оценочной эмпатии, а также к рефлексии им было показано, что вопреки частым утверждениям о том, что у представителей традиционной культуры не развит внутренний мир (внутренняя дискуссия с самим собой в плане эмпатийно-рефлексивных процессов) в той или иной мере он развит у представителей данной категории лиц [33].

Таким образом, казахстанская психологическая наука имеет глубокие традиции кросс-культурных исследований своего и других народов, которые нашли достойное продолжение в исследованиях ученых современного Казахстана.

Сегодня в Казахстане формируются собственные исследовательские подходы к изучению проблем кросс-культурной психологии. Однако в целом в стране, к сожалению, до сих пор еще не выработаны методологические программы кросс-культурного исследования, отсутствуют опытно-экспериментальные модели, оригинальные методики. Пока нет единой психологической концепции, охватывающей исследование не только национально-этнических, но и собственно-психологических различий народов Казахстана. Тем не менее, можно констатировать, что сегодня кросс-культурная психология развивается.

Вопросы для самопроверки

1. Охарактеризуйте особенности становления и развития кросс-культурных исследований в российской психологии.

2. Обоснуйте вклад Л.С. Выготского, Л.А. Лурии в развитие кросс-культурных исследований.
3. Отметьте особенности развития кросс-культурных исследований в Казахстане.
4. Критически оцените современное развитие кросс-культурных исследований в Казахстане.

РАЗДЕЛ 5

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

5.1 Методология организации кросс-культурных исследований

Любая наука развивается динамично и прогрессивно, если она, с одной стороны располагает творческими идеями, а с другой – точными, надежными методами, позволяющими проверять эти идеи.

Методы научных исследований – это те приемы и средства, с помощью которых ученые получают достоверные сведения, используемые для построения научных теорий и выработки практических рекомендаций.

Сила науки во многом зависит от совершенства методов исследования, от того, насколько они *надежны*, как быстро и эффективно данная отрасль знаний способна воспринять и использовать у себя все самое новое, передовое, что появляется в методах других наук. Особенно это касается такой науки как кросс-культурная психология, явления которой настолько сложны и своеобразны, настолько труднодоступны для изучения, что на протяжении всей истории этой науки ее успехи непосредственно зависели от совершенства применяемых методов исследования.

Со временем в ней оказались интегрированными методы самых разных наук – психологии, философии, культурологии, этнологии, биологии, математики, географии, лингвистики и др.

Кросс-культурная психология – это отрасль знаний, которая опирается, прежде всего, на исследования для проверки теорий и порождения знаний.

Поэтому методы, используемые здесь для сбора и обработки данных, сами должны отвечать таким критериям, как валидность

и надежность. Только тогда полученные в ходе исследования данные могут считаться достоверными.

Заключение об истинности исследования могут быть сделаны лишь после того, как результаты исследований пройдут проверку на многочисленные наборы критериев валидности и надежности.

Валидность – одна из важнейших характеристик психологической диагностики, один из основных критериев ее качеств. Оно означает степень, в которой открытие, система мер или статистическая величина точна или выражает то, что предназначена выражать.

Проблема валидности возникает в ходе разработки и практического применения метода (методики) исследования, когда требуется установить соответствие между степенью выраженности интересующей культурной особенности и критериями и показателями (методом, методикой) ее изучения.

Валидность указывает, что именно измеряет методика и насколько хорошо она это делает: чем валиднее методика, тем лучше отображается в ней феномен, ради изучения которого она создается.

Надежность кросс-культурных исследований – фундаментальная характеристика этих исследований, показывающая, в какой степени представительны полученные научные результаты, насколько они устойчивы при повторных исследованиях.

Надежность кросс-культурных исследований заключается в правильности и точности выбранных методик, в репрезентативности выводов.

Надежность исследования достигается путем:

1) *привлечения большого количества экспертов из разных этнических, социальных, культурных групп при оценке культурных особенностей представителей конкретной культуры;*

2) *совмещения результатов экспертных оценок с самооценками, с самосознанием представителей конкретной культурной общности;*

3) *использования различных взаимодополняющих и взаимопроверяющих друг друга методик, методических подходов;*

4) *репрезентативности исследования.*

В математической статистике репрезентативность – это главное свойство выборочной совокупности, состоящее в близости ее характеристик (состава, средних величин, дисперсии и др.) соответствующим показателям генеральной совокупности, которую выборочная совокупность представляет.

Так, например, при анализе особенностей евреев важно учитывать, что представители этой национальности живут как на территории Израиля, так и в других странах мира. И было бы не совсем корректно по данным изучения евреев, проживающих в какой-то конкретной стране, делать обобщающие выводы об их психологии без проведения аналогичных исследований в государствах, где проживает большинство представителей этого народа.

Надежность означает степень, в которой открытие, система мер или статистическая величина является постоянной. Если обнаруженные факты не надежны и не валидны, они не причисляются к достоверным.

Этот набор критериев, которым должны отвечать полученные результаты, относится ко всем кросс-культурным исследованиям.

Второй набор критериев, которым должны отвечать полученные данные, относится к множественным исследованиям на одну и ту же тему. При этом не имеет значения, насколько хорошо проведено единичное исследование, результаты его не будут приняты как достоверные или принципиальные, поскольку каждое исследование поведения человека проводится в определенных условиях или в научных рамках, которые ограничивают полученные результаты.

Чтобы результаты исследования поведения человека были признаны истинными, фактически одно и то же исследование требуется провести неоднократно, с различными участниками, в различных условиях, с использованием различных параметров.

Тот принцип, что полученные в результате исследования данные могут быть ограничены его параметрами и условиями, относится ко всем областям психологии. Само существование многочисленных систем измерений для сходных конструкций (например, самооценка, интеллект, личность) предполагает воз-

возможность того, что различие методов может повлечь за собой различие полученных данных. Даже статистические процедуры, используемые для анализа данных в рамках психологического исследования, входят в число параметров и условий результата, и результаты могут измениться при изменении этих процедур.

Раш (Ruch, 1995) провел исследование взаимоотношений между экспрессивным поведением и аффективным переживанием), поместив добровольцев в три ситуации с употреблением алкоголя и показывая им слайды с карикатурами или мультфильмы. В эксперименте были задействованы пять различных аналитических процедур, некоторые из них были направлены на анализ данных от субъекта (анализ данных от каждого участника), а другие – на межличностные отношения (отношения между участниками группы). Результаты, полученные с использованием этих методов, отличались друг от друга, и анализ данных от субъекта дал больше признаков связи между экспрессивными действиями и субъективным опытом.

Таким образом, этот эксперимент показал, что для того, чтобы результаты исследования поведения человека были признаны истинными, одно и то же исследование должно быть проведено неоднократно, с различными участниками, в различных условиях, с использованием различных параметров. Если исследователь получает один и тот же результат, несмотря на изменение нескольких параметров исследования, то только тогда можно утверждать, что результаты являются надежными, то есть – это значит, что они последовательно повторяются во всех экспериментах. Эти эксперименты могут быть проведены тем же исследователем или исследовательской группой.

5.2 Основные цели и направления кросс-культурного исследования

Основные цели кросс-культурного исследования были впервые озвучены американским социальным психологом Э. Аронсоном [34].

Первая цель, по его мнению, состоит в том, чтобы выяснить, насколько то или иное психическое явление или процесс представляются всеобщими и потому являются применимыми к объяснению поведения и пониманию функционирования психики всех людей. Такие исследования направлены на поиск общего, которое объединяет людей независимо от их культурной принадлежности, воспитания, социального устройства общества, географических условий.

Вторая цель, – считает Э. Аронсон, направлена на поиск различий между людьми, принадлежащими к различным культурам, и проверке того, как культура влияет на их основные психические явления и процессы [34, 71–72].

Подобная раздвоенность целей кросс-культурного исследования, состоящая в одновременном поиске сходства и различий, нашла методологическое выражение в двух концептуальных научных подходах, впервые предложенных в 1954 г. американским лингвистом К.Л. Пайком и которые были обозначены как «etic»- и «emic»-подходы из имеющих древнегреческое происхождение названий наук – фонетики и фонематики. Чуть позже различия между «etic» – и «emic»-подходами были сформулированы известным канадским кросс-культурным психологом Дж. Берри.

Дж. Берри считал, что «etic»-анализ человеческого поведения ориентирован на изучение универсальных свойств психики людей, проявляющихся в любой культуре. «Emic»-анализ направлен на поиск кросс-культурных различий и сравнение психических особенностей людей. Намечая стратегию, необходимую для достижения валидности кросс-культурных исследований, он считал, что необходимо проведение ряда «emic»-исследований, организованных по единой программе, а затем проведение обобщений в рамках «etic»-исследований [34, 253–254].

При использовании «etic»-подхода изучаются две или несколько культур, для объяснения межкультурных различий и межкультурного сходства, используют единицы анализа и сравнения, которые считаются свободными от культурного влияния. При этом исследователь занимает позицию внешнего наблюдателя.

Стремясь дистанцироваться от культуры, он строит структуру исследования заранее, формулирует гипотезу и категории для ее доказательства.

При использовании «etic»-подхода изучается только одна культурная общность, используются специфичные для культуры единицы анализа и термины носителей культуры; изучаются любые элементы культуры с точки зрения носителя этой культуры, участника внутрикультурного взаимодействия; исследователь заранее не может знать, какие единицы анализа он будет использовать, при этом структура исследования разворачивается постепенно, непредсказуемо [3, 38–40].

Выбор того или иного научно-исследовательского подхода определяется целью и предметом исследования, а также научными предпочтениями ученого. Однако, как далее отмечает Дж. Берри, ни один исследователь не может ориентироваться только на один подход, потому что в реальности ни один исследователь не может быть свободен от влияния родной культуры. В связи с этим его основной задачей является преодоление этноцентризма при проведении подобных исследований.

Известный американский психолог Д. Мацумото отмечает, что etic- и emic-идеи представляют собой противоположные полюса человеческого поведения: универсальность на одном полюсе и культурная относительность – на другом [3].

По мнению, Дж. Берри, наблюдая и интерпретируя поведение, люди часто пытаются вместить его либо в «etic»-, либо в «emic»-категорию. Для иллюстрации он приводит следующий пример: «Предположим, вы ведете разговор с представительницей иной культуры. Беседуя с ней, вы замечаете, что она избегает контакта глаз, когда говорит, и не смотрит на вас, когда говорите вы. В тех редких случаях, когда она все же смотрит в вашу сторону, ее взгляд быстро перемещается на какой-то другой объект, если ваши глаза встречаются. Со своих культурных позиций вы можете предположить, что она не испытывает особо позитивных чувств к вам или к интеракции с вами.

Вы можете даже почувствовать себя оскорбленным и отказаться от попыток продолжать с ней отношения. Вы можете не

пытываться к ней доверия или чувства близости. Но, возможно, она просто происходит из культуры, в которой прямой взгляд не приветствуется или считается признаком высокомерия или неуважения. Быть может, она избегает контакта глаз не из-за каких-либо негативных чувств, а из почтения и вежливости по отношению к вам» [34, 41].

Различия между представителями двух культур состоят во внешних поведенческих реакциях. Так, например, в культуре США принято смотреть своему собеседнику прямо в глаза, если американец хочет быть вежливым, установить и поддерживать контакт. В японской культуре, наоборот, вежливость, контактность демонстрируется избеганием прямого и долгого зрительного контакта.

Следовательно, наблюдаемое внешнее поведение относится к «emic»-проявлениям, а внутренние причины, определяющие это поведение (проявление вежливости и доброжелательности), относятся к «etic»-проявлениям. Таким образом, в каждой культуре люди стараются быть вежливыми, но внешние проявления вежливости различны – отмечал Д. Мацумото.

Г. Триандис отмечает универсальность «etic»-проявлений, отражающие универсальность человеческого познания в трех основных областях: люди одинаково понимают сходство всех ассоциативных форм социального поведения (поддержка, одобрение, поощрение) и их отличие от диссоциативных (избегание, агрессия); люди во всех культурах отличают поведение, присущее старшим по должности (критика, приказы, распоряжения), от поведения, означающего подчинение (выполнение распоряжений, конформизм); люди осознают различие между близостью (то есть самораскрытием) и формализованностью (выполнение того, что требует этикет) [34, 23].

Следовательно, «emic»- подход – это культурно-специфический подход, который стремится понять явления, а «etic»- это универсалистский, объясняющий изучаемые явления, это две переменные, обусловленные культурой.

В контексте изучения особенностей кросс-культурных исследований Д. Мацумото выделяет два направления.

Первое направление – этнологическое исследование, предполагающее глубинное изучение какой-то одной культуры и требующее погружения исследователя в эту культуру в течение продолжительного времени. Подобные исследования, считает американский психолог, проводятся в основном антропологами, которые, как правило, живут среди представителей другой культуры. Это дает им возможность понять их обычаи, традиции, верования, образ жизни и деятельности.

Они могут проводить сравнения с другими культурами на основе собственного знания и опыта других исследователей, а также на основе научных сведений о других культурах. Этот подход напоминает изучение конкретного случая, только единицей анализа выступает культура, – считает Д. Мацумото [34, 106]. Он разделяет многие преимущества изучения конкретного случая, включая богатство и сложность получаемых данных, а вместе с тем и недостатки в отношении возможности генерализации. Тем не менее, этнологические исследования вносят большой вклад в область кросс-культурных исследований, дополняя существующие исследования проверки гипотезы специфическими психологическими переменными.

Второе направление, выделяемое Д. Мацумото – это кросс-культурное сравнение, предполагающее анализ и сопоставление поведенческих и психологических особенностей выборки индивидов из двух или более культурных групп [3, 43].

Исходя из этого, он выделяет три вида кросс-культурных исследований. Первый вид определяется тем, что они проводятся с целью проверки гипотез о культурной детерминации интересующей ученого психологической переменной. В этом случае основной задачей исследователей является поиск различий по этой переменной между культурами. Такие исследования направлены на фиксирование существования различий.

Второй вид кросс-культурного исследования направлен на установление причин возникновения культурных различий. Проводя подобные исследования, психологи не просто ищут различия по избранным переменным, но и проводят измерения других переменных, которые могут выступать причиной куль-

турной вариабельности. Таки исследования используют экспериментальные методы.

Третий вид исследования ориентирован на экологический анализ и определение типа культуры. В этом случае исследователи выделяют в качестве единицы анализа страну или культуру, определяют усредненные для каждой культуры значения и таким образом определяют тип культуры [34, 105–106].

Примерами анализа экологического уровня могут служить исследования культурных ценностей, проведенные Г. Хофстеде более чем в 50 культурах, также исследование связи между индивидуализмом – коллективизмом и частотой сердечных приступов в восьми культурах, проведенные Г. Триандисом, исследование взаимосвязи между четырьмя культурными аспектами и распространенностью шести заболеваний, проведенные Д. Мацумото и Флетчер в 1994, а также исследование Мацумото связи между культурными аспектами и отношением к эмоциям в 15 культурах.

По мнению Д. Мацумото в интерпретациях, основанных на базе исследования экологического или индивидуального уровня, существуют важные различия. Взаимосвязь между культурной переменной и избранной переменной (например, индивидуализм и частота сердечно-сосудистых заболеваний) на экологическом уровне не обязательно означает, что такая взаимосвязь существует на индивидуальном уровне. Эта взаимосвязь может существовать или не существовать на индивидуальном уровне в рамках изучаемых культур, а если существует, то может быть, как прямой, так и обратной [3].

5.3 Основные требования к проведению кросс-культурных исследований

В свое время российский психолог А.Р. Лурия, проводивший первые кросс-культурные исследования в СССР, сформулировал три основных требования к проведению таких исследований в сфере изучения познавательных процессов. Сегодня эти тре-

бования поддержаны и расширены всеми корифеями кросс-культурной психологии.

Первое требование относится к предмету исследования в области кросс-культурного сравнения решения мыслительных задач. «Следует изучать не столько то, к чему, в конечном счете, приводит решение той или иной задачи, сколько то, как протекает сам *процесс* ее решения, какие приемы применяются при ее решении, какими мотивами направляется решение задачи и в каком отношении находится содержание этой задачи к реальной практике представителей тех народов, с которыми проводится данное исследование», – отмечают М. Коул и С. Скрибнер [35, 7].

Второе требование состоит в том, что исследователи должны знать реальную социально-экономическую и культурную среду, условия конкретной практической деятельности изучаемых культур.

Третье требование связано с использованием как можно более разнообразных, динамически меняющихся приемов исследования протекания познавательных и интеллектуальных процессов у представителей разных культур. Совершенно необходимо, по мнению А.Р. Лурия, варьировать условия, в которых предлагается экспериментальная задача, переходить от практического решения задач к вербальному, от решения задач с помощью экспериментатора к самостоятельному решению, менять содержание задач, привязывать их к конкретной практике своих испытуемых.

Четвертое требование к кросс-культурным исследованиям было сформулировано Д. Мацумото, выдвинувшему требование конгруэнтности выборки по социально-демографическим характеристикам. В частности, он отмечал «чтобы исследование было методологически правильным, исследователи должны убедиться, что сравниваемые ими выборки являются каким-то образом равноценными по внекультурным переменным», – отмечает он [3, 108].

Например, если в кросс-культурном исследовании в одной стране изучалась выборка студентов престижного университета в большом городе, то и в другой стране необходимо сформировать

охожую по социально-демографическим параметрам выборку, так как бессмысленно изучать в этом случае сельскую молодежь.

Пятое требование к проведению кросс-культурных исследований заключается в соблюдении правила, что тексты заданий, предъявляемые представителям различных культурных групп, должны быть лингвистически эквивалентны.

В связи с этим в кросс-культурном исследовании при проверке гипотез необходимо соблюдать все процедуры проведения опроса на языке респондентов. Опросники, тесты, инструкции к заданиям необходимо переводить на тот язык, который является родным для исследуемых. Кроме того, нужно также соотносить смысл и значения понятий и терминов, непосредственно, применяемых в данном исследовании. Д. Мацумото по этому поводу отмечает, что «если понятие имеет разное значение для людей из разных культур и если оно измеряется различными способами в разных культурах, то сравнения бессмысленны. Следовательно, кросс-культурные исследователи должны четко осознавать проблеме равноценности в отношении своих концептуальных определений и эмпирической операционализации переменных» [3, 109].

Шестое требование связано с проведением повторного исследования. В связи с тем, что культуры находятся в постоянном развитии, поэтому кросс-культурным психологам необходимо изучать динамику культурных изменений для того, чтобы понять, какие психологические процессы происходят в данной культуре, в каком направлении они развиваются.

Седьмое требование было предложено Американской Психологической Ассоциацией и Британским Психологическим Обществом. Согласно этому требованию, психологи должны сделать все возможное, чтобы не причинять вреда участникам исследований; при планировании исследования экспериментатор должен оценивать его этическую приемлемость.

В связи с тем, что очень часто при проведении кросс-культурного исследования очень трудно объективно оценить этическую приемлемость проводимых исследований, то требуется тщательная подготовка и подробные консультации с психо-

логами, принадлежащими к изучаемой этнокультурной общности.

Это значит, что исследователь должен, как можно подробнее описать процедуру эксперимента испытуемым, прежде чем, они примут участие в эксперименте. Он также должен заручиться их согласием на основе полной информации, подтверждающей, что они готовы принять в нем участие. И только, если научный совет постановит, что эксперимент не подвергает участников ненужному риску можно его начинать. При этом все его участники должны быть проинформированы о том, что они в любой момент могут свободно выйти из эксперимента. Наконец, после завершения эксперимента необходимо подробно рассказать испытуемым о его целях и процедуре, не скрывая обмана.

Единственное исключение из этого правила – случаи, когда такая обратная связь расстроит людей, скажем, если они поймут, что были глупы или жестоки; вся информация, полученная от отдельных участников, должна быть строго конфиденциальной, если только участники не дадут согласия сделать ее общедоступной. Она должна быть использована только для служебного пользования.[3].

5.4 Классификация методов кросс-культурного исследования

Все социально-психологические методы, используемые в кросс-культурной психологии объединены в больших восемь групп.

Самым распространённым методом исследования является *наблюдение*, предполагающее целенаправленную и систематическую фиксацию различных проявлений психологических, в том числе культурных особенностей людей без вмешательства в процесс их жизни и деятельности, взаимодействия, общения и взаимоотношений как внутри культурной общности, так и вне ее. Принято выделять следующие виды наблюдения:

- сплошное и выборочное; включенное и простое;

- неконтролируемое и контролируемое (при регистрации наблюдаемых событий по заранее отработанной процедуре);
- полевое (при наблюдении в естественных условиях) и др.

При изучении психологии людей особенно ценны наблюдения первых дней, недель и месяцев.

В кросс-культурных исследованиях ученые пытаются понять культурные особенности группы людей, наблюдая за ней со стороны (невключенное наблюдение), исключив из своего сознания все предвзятые мнения, позитивные или негативные установки, предубеждения и стереотипы. При включенном наблюдении исследователь сам взаимодействует с наблюдаемыми людьми, но пытается не влиять на ситуацию.

Анкетирование в кросс-культурной психологии может использоваться как основной метод исследования и как дополнительный в комплексе с другими психологическими методиками. Оно может содержать элементы тестового исследования, представленные в открытом или скрытом виде.

Устный опрос, применяется, когда для исследования важен не только формальный ответ, но и реакция, которой он сопровождался, тон, поза, интонация, жесты и др. Письменный опрос проводится, как правило, в форме анкетирования и позволяет опросить большое число респондентов.

Умение применять эту методику заключается в том, чтобы знать предмет, который интересует исследователя, как изучать его, как и какие вопросы задавать, убедиться в том, насколько достоверны полученные ответы.

Опрос по анкете предполагает жестко фиксированный порядок, содержание и форму вопросов, ясное указание способов ответа, причем они регистрируются опрашиваемым либо наедине с самим собой (заочный опрос), либо путем общения с анкетером – опрос «лицом к лицу» (калька с английского – face to face) [36].

Анкетные опросы классифицируют прежде всего по содержанию и конструкции задаваемых вопросов. Различают открытые опросы, когда респонденты высказываются в свободной форме; в закрытом опросном листе все варианты ответов заранее предусмотрены. Полузакрытые анкеты комбинируют обе процеду-

ры; экспресс-опрос применяется в обследованиях общественного мнения и содержит всего 3–4 пункта основной информации плюс несколько пунктов, связанных с демографическими, социальными, религиозными характеристиками опрашиваемых.

Опрос по почте отличают от анкетирования на месте, в первом случае ожидается возвращение опросного листа по заранее оплаченному почтовому отправление, во втором – исследователь сам собирает заполненные листы. Групповое анкетирование отличается от индивидуализированного. В первом случае анketируют сразу до 30–40 человек: исследователь собирает опрашиваемых, инструктирует их и оставляет для заполнения анкет, во втором – он обращается индивидуально к каждому респонденту. Организация «раздаточного» анкетирования, как правило, проводится по месту работы, учебы.

При проведении опросов не надо забывать, что с их помощью выявляются субъективные мнения и оценки, которые подвержены колебаниям, воздействиям условий опроса и других обстоятельств. Чтобы минимизировать искажения данных, связанных с этими факторами, любую разновидность опросных методик следует практиковать в сжатые сроки. Нельзя растягивать опрос на долгое время, так как к концу опроса могут измениться внешние обстоятельства, а информация о его проведении может передаваться опрашиваемыми друг другу с какими-то комментариями, и эти суждения станут влиять на характер ответов тех, кто позже попадет в состав респондентов.

Одним из важных методов исследования, предполагающим получение информации об изучаемых кросс-культурных особенностях людей в ходе непосредственного общения как с ними самими, так и с их культурным и социальным окружением является *беседа*.

Чтобы беседа была успешной необходимо, чтобы она носила целенаправленный характер и проводилась с различными категориями людей. Так, мнение мелкого бизнесмена о психологических особенностях населения может отличаться от мнения рабочего, ученого и др. Это связано с тем, что различные культурные, социальные группы людей, с одной стороны, включены

в систему строго определенных межличностных отношений. С другой, – представители различных социальных, культурных, религиозных, групп по-разному воспринимают национально-психологические особенности других людей.

В ходе бесед важно уметь правильно ставить нужные исследователю вопросы, систематизировать и осмысливать полученные сведения.

Интервью – проводимая по определенному плану беседа, предполагающая прямой контакт интервьюера с респондентом (опрашиваемым), причем запись ответов последнего производится либо интервьюером (его ассистентом), либо механически (на пленку).

Имеется множество разновидностей интервью: документальные интервью (изучение событий прошлого, уточнение фактов), интервью мнений, цель которых – выявление оценок, взглядов, суждений; особо выделяются интервью со специалистами-экспертами, причем организация и процедура интервью с экспертами существенно отличаются от обычной системы опроса.

По технике проведения существенно разнятся свободные, нестандартизированные и формализованные (а также полустандартизированные) интервью. Свободные интервью – это длительная беседа (обычно более часа) без строгой детализации вопросов, но по общей программе («путеводитель интервью»).

Нарративное интервью – направляемый интервьюером свободный рассказ, повествование о жизни. Текст такого повествования подлежит качественному анализу.

Наконец, по способу организации можно указать на групповые и индивидуальные интервью. Групповые интервью – это планируемая беседа, в процессе которой исследователь стремится вызвать дискуссию в группе. Сравнительно недавно начали пользоваться популярностью техники квазиинтервью в «фокус – группах».

Методы изучения личности представителей различных культур с помощью различных личностных тестов и опросников.

В последние годы современное понимание кросс-культурных исследований тесно связано, прежде всего, с понятием психоло-

гического тестирования, которое сегодня очень широко используется и для изучения многих культурных феноменов.

Тест – это стандартизованное, часто ограниченное во времени испытание, предназначенное для установления количественных и качественных индивидуально – психологических различий. Основной особенностью данной психодиагностической методики является ее измерительно-испытательная направленность, что позволяет проводить количественную и качественную оценку изучаемого психологической особенности. Тест является измерительным инструментом для оценки одной или нескольких психологических характеристик, поэтому он нашел широкое применение в кросс-культурной психологии [37].

Процедуру диагностики с использованием тестов можно разделить на три этапа:

- выбор теста, определяемый целью исследования, степенью достоверности и надежности самого инструмента;
- проведение обследования с соблюдением инструкций и стандартности условий;
- интерпретация результатов, которая определяется теоретической конструкцией самого метода.

Особое направление в психологическом тестировании связано с разработкой тестов личности. Основу личностных тестов составляют тесты, созданные для измерения аффективных или неинтеллектуальных аспектов поведения.

Личностные тесты охватывают сферу измерения характеристик, подобных эмоциональной устойчивости, направленности, ценностных ориентаций, предпочтений, мотивации, интересов и др.

Личностные тесты представлены тремя группами: опросниками, ситуативными тестами и проектированным тестированием.

В кросс-культурной психологии выработаны общие требования к тестам. Методика как измерительный инструмент должна иметь:

- однозначную формулировку предназначения, предмета и области применения;

- описание контингента, на котором проводилась разработка метода (пол, возраст, образование, профессиональный опыт, принадлежность к определенной культуре и др.);
- цель применения методики (исследование культурных различий);
- инструкции в виде однозначного алгоритма;
- стимульный материал и ключи для обработки, описание процедуры обработки, включающей статистическое обоснование методики;
- тестовые шкалы, проверенные на репрезентативной выборке испытуемых;
- статистические показатели надежности и валидности в заданной области применения теста;
- средства контроля за достоверностью результатов;
- документацию для проведения промежуточных этапов обработки результатов;
- однозначную формулировку выводов и интерпретации результатов измерения.

При изучении особенностей личности особенно в такой деликатной сфере, как культурная, этническая принадлежность, чувства, предпочтения, необходимым условием применения тестов является учет мотивации испытуемого на обследование и знание способов ее поддержания [3].

Эмпирическое исследование, проведенное с помощью тестов, построено на основе опроса мнения респондентов о качествах их личности, взаимоотношениях другими людьми, установках, ожиданиях и других социально-психологических явлениях. Подобное исследование предполагает сравнение ответов и оценок двух и более групп респондентов, принадлежащих к разным культурным общностям. Основным способом математической обработки полученных результатов является корреляционный анализ.

Использование психоаналитических методик для интерпретации культурной или этнической сущности человека, например анализ сновидений, символов, верований.

Один из основоположников психоанализа К. Юнг через понятие «коллективное бессознательное» выводит понятие «архетип»

и вносит в него смысл унаследованной тенденции к образованию мифологических (религиозных) представлений. Он отмечает, что они могут значительно колебаться в деталях, не теряя при этом базовую схему. Этнографически у разных народов они обнаруживаются в похожих до деталей верованиях, обрядах, мифах. Они открываются человеку во сне, в трансе, в мистических откровениях и, в конце концов, представлениях и учениях.

Таким образом, К. Юнг считает, что индивидуальная психика является не только продуктом личного опыта, но и обладает трансличным измерением, которое хранит модели и образы – архетипы всех мировых религий и мифологий. Психическое здоровье человека, его творческий потенциал в значительной мере зависит от сознательного диалога между эго и архетипическими символами коллективного бессознательного [38, 180].

Изучение невербальных форм общения, типичных для различных культурных общностей. С помощью анализа невербальных способов общения психологи стараются проникнуть в тайну межкультурных различий. Для эффективного межкультурного диалога. Для межкультурного общения необходимо хорошо знать символическое значение невербальной коммуникации – оптико-кинетические, пространственно – временные и такесические средства общения.

Оптико-кинетические средства общения – зрительно воспринимаемые движения человека, включающие в себя: жесты-движения, передающие психические состояния говорящего или думающего про себя человека; мимику – движения мышц лица, отражающие внутреннее эмоциональное состояние; пантомимику – динамические состояния позы в конкретный момент общения; контакт глаз – интенсивность, длительность и частота обмена взглядами со стороны собеседников. Выполняя выразительно-регулятивную функцию в межкультурном общении, они становятся основными, ведущими.

Однако в межкультурном общении необходимо учитывать, что один и тот же жест в разных культурах может иметь совершенно разное значение. В связи с этим возможны самые разные недоразумения.

Так, например, Г. Триандис приводит такой исторический пример, когда в 1991 г. произошла встреча министра иностранных дел Ирака Азиза и госсекретаря США Бейкера, во время которой они пытались прийти к какому-то компромиссу, чтобы избежать военного столкновения. Бейкер очень ясно и четко сказал, что если Ирак не уйдет из Кувейта, то тогда США применят военную силу против Ирака. Брат Хусейна, присутствовавший на этих переговорах, обратил внимание только на то, что сказал Бейкер, а не как он это сделал. Поэтому он поспешил успокоить брата тем, что американцы не станут нападать, они только говорят. Однако через шесть дней после такого сообщения началась операция «Буря в пустыне».

Таким образом, подчеркивает Г. Триандис в результате этой кросс-культурной ошибки Ирак потерял тысячи жизней и потерял огромные убытки

В. Сухарев отмечает, что жест приглашения у японцев совпадает с нашим жестом прощания. Указательный жест японцев является жестом попрошайки у американцев. Поэтому американцы, не понимая его смысла, очень часто жалуются на вымогательство японских портье в отелях.

Если в Голландии вы повернете пальцем у виска, подразумевая какую-то глупость, то вас не поймут. Там этот жест означает, что кто-то сказал очень остроумную фразу. Говоря о себе, европеец показывает на грудь, а японец – на нос.

В некоторых странах Африки смех – это показатель изумления и даже замешательства, а не вовсе появление веселья, как принято у многих народов. В США жест «ноль», образованный большим и указательным пальцем говорит о том, что все нормально, «отлично», «Ок». Когда американский президент Р. Никсон в Бразилии во время речи показал этот жест, то его не поняли, потому что в Бразилии этот жест является непристойным. А в Японии этот же жест означает деньги. В Португалии же и в ряде еще стран он воспринимается как неприличный [39].

В разных культурах по-разному используют взгляд в общении. У каждого из них свое присущее, только им понимание взгляда. У индейцев племени навахо при общении не принято

смотреть в глаза другу другу. У ряда племен южноамериканских индейцев говорящий и слушающий смотрят в разные стороны, и если рассказчик обращается к большой аудитории, то он обязан повернуться к слушателям спиной и обратить свой взгляд вглубь хижины. А жители Южной Европы имеют высокую частоту взгляда, что может показаться оскорбительным для других народов.

У японцев не принято смотреть прямо в глаза друг другу. Разговаривая, они смотрят на шею или на подбородок собеседника. Женщины при этом не имеют права смотреть в глаза мужчинам, а мужчины – женщинам. У арабов, наоборот, считается верхнеуважением, если не смотреть на того, с кем разговариваешь. А у кенийского племени луо зять и теща во время разговора поворачиваются друг к другу спиной. Американцы стараются смотреть в глаза тогда, когда хотят убедиться, что партнер по общению их правильно понял. В Англии не принято пристально смотреть в глаза своему собеседнику [39].

Э. Эриксон, изучая русскую литературу, в частности «Войну и мир» Л.Н. Толстого, отметил особую выразительность глаз, присущую русским, их использование ими «как эмоционального рецептора, как алчного захватчика и как органа взаимной душевной капитуляции». Это дало ему повод назвать русских одной из самых «глазеющих наций» [40].

В Америке, например, мигание двумя глазами означает согласие или одобрение. В восточных культурах такое подмигивание считается дурной привычкой и может обидеть человека. У казахов контакт глазами также играет огромную роль в общении. Так, традиционно младший по возрасту не должен смотреть прямо в глаза старшему. В то же время женщинам с самых давних времен не возбранялось смотреть в глаза мужчине, равному или младшему по возрасту.

Таким образом, изучение невербальных форм общения является одним из важных методов кросс-культурного исследования.

Контент-анализ личного, биографического материала с целью раскрытия мотивов поведения, чувств, установок, стереотипов, предубеждений.

Изучение и анализ личных и биографических документов позволяет исследователю разобраться во многих важных сторонах культурной, социальной и психической жизни, способствует выявлению норм и ценностей, характерных для определенной культуры в конкретную историческую эпоху, получению сведений, необходимых для описания тех или иных социальных структур, определению динамики взаимодействия между культурными и социальными группами, отдельными индивидами и др. [41, 52].

Документом считается специально созданный человеком предмет, предназначенный для передачи или хранения информации. В это понятие не включены такие важные источники информации, как предметы материальной культуры и быта.

Методика изучения личных документов связана с механизмом сбора различной личной и социальной информации. Особенностью этой методики – это существующая доля субъективности, которая присутствует в личных документах. Как правило, эта степень субъективизма коренится в двух проблемах.

Первая проблема – проблема искажения информации при трансляции мысли и при письменной ее фиксации. Формирование любого личного документа, будь это документ-заявление или дневник, связано с вопросом того, насколько соответствуют реальные намерения составителя документа и действительное положение дел.

Вторая проблема – проблема определения источниковой ценности личных документов в их возможности быть исходным материалом для выведения гипотезы или открытия каких-либо социальных закономерностей. Эта проблема связана с обязательностью выявления мотивов составителей личных документов, а также с выяснением того, насколько мотивы составителя представлены в документе [41].

Одной из разновидностей психологического тестирования являются *проективные методики*, под которыми понимается совокупность исследовательских процедур, позволяющих получать научно обоснованные показатели о тех или иных проявлениях человека (его установок или мотивов) [42].

Проективные методики выступают таким средством, с помощью которого можно выявлять истинные намерения и мотивы людей, что особенно важно при изучении культурных особенностей. В основном в психологии выделяют четыре основания, которые позволяют преодолевать защитные реакции человеческой психики, скрытые мотивы его сознания и поведения:

1. Ассоциации, основанные на гипотезе, что быстрая реакция на предлагаемый стимул (слово, часть предложения, картинку) будет сдержана в меньшей степени, поэтому позволит лучше выявить скрытую установку и мотив.

2. Фантазии, которые включаются для организации свободных ассоциаций, для вызова у испытуемого неопределенных стимулов (загадочная история, неясная картинка и др.). Имеется в виду, что, сообщая какой-то рассказ или описывая рисунок, испытуемый будет неосознанно сообщать установки и мотивы, что позволит значительно глубже понять его структуру личности.

3. Концептуализация, выражаемая через предоставление испытуемому двусмысленного или неопределенного стимула для формирования ситуации, когда реакция человека на стимул уточняется более-менее однозначно.

4. Классификация представлений о мотивах или установках испытуемого, которую можно получить с помощью отнесения ряда событий, понятий, явлений к какому-то классу, имеющему позитивную или негативную окраску, одобряемому или отвергаемому в обществе и др.

Таким образом, основные черты проективных методик можно выразить через неопределённость и неоднозначность используемых стимулов, через устранение ограничений в выборе ответа, через констатацию того, что нет правильных и неправильных ответов. В проективных методиках применяются способы, разработанные с целью получения информации о личности человека, позволяя последнему иметь возможность любым способом реагировать на предоставляемые задания. Поэтому они все равно имеют широкое хождение в исследованиях, несмотря на то, что субъективны при интерпретации получаемых данных, не

стандартизируемы, характеризуются недостаточным уровнем валидности в силу расплывчатости своих теоретических оснований, используемых при составлении проективных тестов и др. [42, 26].

В кросс-культурных исследованиях часто применяют тест Роршаха, ТАТ, серию рисуночных тестов «Автопортрет, «Дом, дерево, человек», «Дерево» и др. Однако при проведении этих методик нужно помнить, что интерпретация проективных тестов представляет большие трудности и содержит в себе много субъективного даже в рамках одной и той же культуры – и тем более, когда приходится иметь дело с людьми, принадлежащими к другой культуре и опирающимися на иную картину мира.

Эксперимент в кросс-культурной психологии представляет собой метод исследования, в процессе которого сначала специально создаются условия для изучения тех или иных особенностей, а затем наблюдаются и фиксируются результаты их влияния на различные стороны жизни, деятельности и поведения людей. Экспериментальное исследование нацелено на выявление причин и последствий социально-психологических или культурных влияний.

Исследователь, проводящий эксперимент, манипулирует какой-либо переменной, предъявляемой испытуемым, и затем наблюдает эффект данной манипуляции на другую переменную, с которой не производится никаких манипуляций. Переменная, которой манипулируют, называется независимой переменной. Другая переменная, которая изменяется, называется зависимой переменной.

Экспериментальное исследование предполагает обязательное сравнение двух групп: контрольной (где эксперимент не проводился) и экспериментальной (где эксперимент проводился). Математическая обработка результатов исследования также проводится с помощью корреляционного анализа.

Выделяют три вида экспериментов: естественный, лабораторный, ассоциативный.

Как отмечает Л.Г. Почебут «Проведение эксперимента в кросс-культурной психологии является трудоемким, требует

особой тщательности и такта со стороны исследователей» [43, 42–48]. В кросс-культурных исследованиях чаще всего используются полевые эксперименты – исследования в естественных условиях, а не в лаборатории.

Естественный эксперимент в кросс-культурной психологии впервые был предложен американским психологом Р. Лапьером. В 1934 г. он путешествовал по Америке с молодыми супругами китайцев. За время путешествия они остановились в 67 отелях и пообедали в 184 ресторанах. Один раз им отказали в приеме. Через шесть месяцев, которые прошли со времени их путешествия, Р. Лапьер разослал 250 писем владельцам тех самых отелей и ресторанов с единым вопросом: как они отнесутся к тому, что представители китайского этноса будут их посетителями? Лапьер получил 92 % негативных ответов [11].

Естественный эксперимент Р. Лапьера стал прототипом целой серии похожих исследований. В дальнейшем было разработано несколько основных методик исследования отношения к определенной культурной группе. Так, для изучения отношения к той или другой группе используют технику, предложенную Р. Бохнером: В один и тот же день в «Рекламе» появляются два аналогичных объявления: «Молодая семья без детей снимет небольшую квартиру. . .». Объявления отличаются только указанной в них национальностью супруга. Даются два номера телефона, по которому помощники экспериментатора фиксируют количество звонков. Чем больше будет звонков на какое-то конкретное объявление, тем, как считает автор, лучше будет отношение к указанной в объявлении культурной, расовой и этнической группе

За рубежом довольно распространен методика «Метод утерянных вещей», которая в ее первичном виде состояла в разбрасывании в публичных местах большого количества будто – бы утерянных писем с написанным адресом и указанным адресатом. Прохожий стоит перед выбором – или отправить письмо, или проигнорировать его существование. Тот выбор, который сделает прохожий, является индикатором того, как он относится к пер-

ание, которой адресовано письмо. Отправка письма свидетельствует о положительном отношении. И, соответственно, чем больше писем будет получено по указанному адресу, тем позитивней будет отношение к определенной культуре. Письма подписывались таким образом, чтобы сразу, смотря по имени и фамилию адресата, можно было догадаться о его культурной или этнической принадлежностях [11].

Лабораторные эксперименты начали свое развитие с методики «Подбора черт» или «свободного описания», разработанной американскими психологами Д. Катцем и К. Брейли. В исследовании приняли участие студенты Принстонского университета, которым было предложено выбрать из 84 черт наиболее характерные для десяти культурных групп – белых американцев, негров, китайцев, англичан, немцев, итальянцев, ирландцев, японцев, евреев и турок. После первоначального выбора испытуемых просили вернуться к составленным ими десяти спискам и отметить пять качеств, являющихся наиболее типичными для членов каждой группы.

Вариант методики, предложенный Д. Катцем и К. Брейли, сегодня трансформировался в методику «Создания свободных портретов», то есть в самостоятельное произвольное формулирование респондентами набора типичных характеристик представителей любой культурной группы. Сегодня существует также вариант методики, когда экспериментатор в инструкции подчеркивает возможность употребления в свободной описи не только черт характера и признаков, характерных, с точки зрения респондента, для определенной культурной группы особенностей поведения, языка, внешнего вида, одежды и др. Информация, полученная с помощью такой техники, дает возможность составить целостный и разносторонний образ (стереотип) любой культуры, который существует у любого народа.

В современной кросс-культурной психологии выделяют такие основные разновидности ассоциативного эксперимента: 1) направленный ассоциативный – ограничено количество реакций на слово- стимул, а также определен класс реакций (напри-

мер, на стимул должна быть и реакция, которая выражена существенно); 2) свободный ассоциативный – ограниченное количество реакций, но в выборе собственное самых реакций исследуемые свободные; 3) свободный ассоциативный с множеством реакций – в этом случае исследуемый не ограничен в количестве реакций, ни в их направленности, больше того, экспериментатор стимулирует максимальное разнообразие и численность реакций.

Кроме этого, выделяются два основных направления использования ассоциативного эксперимента:

1. Кросс-культурный сравнительный анализ ассоциаций, которые вызывает определенный стимул. Примером этого типа исследования может быть изучение культурной и этнической специфики ассоциаций, где стимулами использовались названия цветов. В результате исследования выяснилось, например, что стимул «желтый» у россиян ассоциируется с одуванчиком, у украинцев – с подсолнечником, у французов – с золотом и яичным желтком, у американцев, казахов и киргизов – с маслом, а у узбеков – с просом. На стимул «красный» россияне дают такие этнокультурно – специфические реакции, как «октябрь», «партизан» американцы – «цвет кожи», поляки – «шапочка». Белый цвет у американцев вызывает ассоциацию «дом».

2. Изучение этнического сознания и этнических стереотипов. Схема проведения такого исследования очень простая: исследуемому называются слова-стимулы, среди которых есть названия культурных и этнических групп (желательно, в множестве) – «россияне», «украинцы», «казахи» и др., в зависимости от цели исследований. Ассоциативный эксперимент проводится, как правило, на большой выборке и на основе полученных данных строится таблица частотного распределения слов-реакций на каждое слово-стимул. Самое большое количество одинаковых реакций на один и тот самый стимул-название культурной группы и будет определять стереотип [43].

В кросс-культурной психологии довольно часто использовался «Цветовой тест отношений». Для внедрения теста с целью изучения отношений между группами респонденту выдают набор цветных карточек теста М. Люшера (восемь карточек)

и список (в простейшем варианте с восьми наименований) тех культурных, этнических групп, отношение к которым нужно выяснить [43].

В других вариантах методики вместо карточек теста М. Люшера использовались карточки с геометрическими фигурами или другим стимульным материалом, поскольку главной целью в этом исследовании есть не ассоциативный эксперимент, а сопоставление отношений, которые декларируются с реально действующими. Тестирования проводится индивидуально и без ограничения времени. Эксперимент проводится в три этапа: на первом этапе испытуемому предъявляют набор карточек и список культурных групп. Предлагается рассмотреть их и к каждой группе подобрать соответствующий цвет. Давая инструкцию, экспериментатор должен подчеркнуть, что при подборе цвета респондент не должен ориентироваться на любые чисто внешние признаки (цвет национальной одежды или цвет национального флага). После выполнения этого задания исследуемому предлагают разложить карточки по уровню предпочтения.

3. Когда испытуемый заканчивает раскладку цветов, ему предлагают список культурных групп (желательно, чтобы он также был в форме набора карточек), который показывали на первом этапе и предлагается разложить их по вкусам (что и будет декларированной системой культурных вкусов).

Результаты всех трех этапов эксперимента фиксируются в протоколе. Интерпретация полученных данных базируется на идее, согласно которой у человека существует декларативная система культурных и этнических вкусов и реальная, которая определяет ее поведение в этой сфере. Они могут совпадать, в случае четкого осознания респондентом истинной иерархии его этнических вкусов, но и могут значительно отличаться. Последовательность операций с обработки результатов такая – данные третьего этапа интерпретируются как декларативная система вкусов. В результатах раскладки первого этапа берут культурную группу, которая имеет наивысший ранг в декларированной системе (3 этап) и устанавливают, с каким цветом она ассоциируется. Потом выясняют, какое место этот цвет занимает в системе вкусов цветов

(2 этап) – оно будет отвечать рангу данной культуры в реальной иерархии культурных вкусов [43].

Аналогичная процедура проводится для культурной, этнической группы, которая занимает второе место в декларативной системе, потом – третье и дальше, к восьмому месту.

Таким образом, устанавливается реальная система культурных, вкусов. Эту систему необходимо сравнить с декларированной иерархией. Сравнительный анализ проводится в каждой культурной группе. Сравняется различие рангов декларативной и реальной иерархии. Здесь также можно увидеть различие рангов, которая занимает каждая культурная группа как в одной, так и во второй системах (декларированной и реальной), определив показатель адекватности осознания отношения к культурным группам.

В 1925 году Э. Богардусом была создана методика, направленная на изучение «социальной дистанции» для характеристики близости или отчужденности социальных (культурных, этнических) общностей, отдельных людей. Методика направлена на определение установки индивида, который демонстрирует отношение к определенной культурной группе. Сегодня в кросс-культурной психологии используются модифицированные варианты этой «Шкалы социальной дистанции» [8].

Таким образом, рассмотренные методы и методики широко используются при проведении кросс-культурных исследований. Однако нужно понимать, что они представляют далеко не полный перечень психологических методик, которые можно использовать при изучении различных культурных феноменов. Однако и обозначенных методик достаточно для того, чтобы понять, как осуществлять исследования, что конкретно следует изучать в рамках обозначенного исследовательского интереса.

5.5 Специфика кросс-культурных исследований

Г. Триандис отмечает, что для того, чтобы кросс-культурное исследование отвечало всем требованиям строгого научного исс-

исследования, оно должно соответствовать следующим требованиям: исследование должно включать много одинаковых (сходных) характеристик в изучаемых культурах, а различия нужно искать в структуре сходных характеристик. Тесты должны пройти проверку на применимость как внутри культуры, так и кросс-культурную. Конкурирующие гипотезы должны проверяться; «etic»-конструкты измеряться эмпирическими процедурами с исключением «emic»-пунктов в каждой культуре; при исследовании должны соблюдаться этические нормы; исследователи должны стремиться ответственно контролировать свои этноцентристские и андроцентристские пристрастия [10, 67].

В современной психологии сегодня условно выделяют два основных типа исследований:

1. Стандартные экспериментальные и эмпирические исследования, которые проводятся с помощью различных экспериментальных методов и методик на примере представителей одной культурной группы и не предполагают межкультурного сравнения.

2. Кросс-культурные исследования, которые состоят в том, что подбирается любая психологическая методика, адекватная поставленной задаче, и с ее помощью проводятся исследования двух или нескольких групп.

Условно можно выделить два основных плана, используемых в кросс-культурных исследованиях

Первый план: сравнение двух и более естественных или отобранных методом рандомизации групп из двух популяций.

Второй план: сочетание плана сравнения 2 двух и более групп с лонгитюдом, при котором сопоставляются не только различия в особенностях поведения этих групп, но изучается процесс изменения этих особенностей под влиянием времени либо времени и дополнительных внешних факторов.

Кросс-культурные исследования в психологии проводятся параллельно в нескольких группах испытуемых, принадлежащих к разным культурам.

Затем результаты, полученные в разных группах, сравниваются и анализируются.

Акцент, в подобных исследованиях, в зависимости от ориентации исследователя, делается или на поиск отличий в результатах выборки, или на подчеркивании похожести каких-то существенных моментов.

По мнению Д. Мацумото кросс-культурные исследования, прежде всего, направлены на изучение поведения человека в контексте культуры [3].

Такой взгляд на специфику кросс-культурных исследований акцентирует внимание на двух их основных аспектах – описании разнообразия человеческого поведения в мире и попытке связать индивидуальное поведение с культурным окружением, в котором оно проявляется.

Дж. Берри и А. Пуртинга считают, что кросс-культурное исследование в психологии является точным, систематическим сравнением психологических переменных в различных культурных условиях с целью определить причины и условия разнообразного поведения; кросс-культурное исследование сосредоточивается на эмпирическом исследовании представителей разнообразных культурных групп, обладающих различным опытом, который приводит к предсказуемым и важным различиям в поведении; кросс-культурное исследование, это, прежде всего, сравнительное изучение того, как культура и психика дополняют друг друга [4].

Сегодня кросс-культурные исследования проводятся в рамках различных отраслей психологии: общей психологии, изучающей обусловленные культурой особенности восприятия, памяти, мышления; психологии личности, изучающей особенности темперамента, направленности, ценностных ориентаций, определяемых культурой; возрастной, гендерной, экономической, политической и др.

Особое место занимает социальная психология, в рамках которой сравнению подвергаются не только закономерности поведения индивидов, малых групп, организаций, обусловленных их включенностью в культурные общности, но и психологические характеристики самих этих общностей.

Предметом кросс-культурных исследований являются особенности психики людей с точки зрения их детерминации социокультурными факторами, специфичными для каждой из сравниваемых этнокультурных общностей.

Гипотезы, которые формируются при проведении кросс-культурных исследований, выражают причинно-следственные отношения между культурными факторами и психическими особенностями. Культурные факторы считаются причиной различия психических свойств индивидуумов, принадлежащих к разным культурам.

Существует обоснованное предположение об обратном влиянии психических особенностей индивидуумов на характер культуры народов, к которым эти народы принадлежат. В частности, такие гипотезы можно выдвинуть в отношении темпераментных, интеллектуальных и ряда других психических особенностей, наследственная детерминация которых весьма существенна.

Кроме того, биофизические факторы также влияют на индивидуально-психологические различия. Однако классические кросс-культурные исследования проводятся в рамках парадигм: “культура—причина, психические особенности — следствие”.

Таким образом, для правильного планирования кросс-культурного исследования следует,

– во-первых, определиться с тем, какие особенности психики могут быть потенциально подвержены влиянию культурных факторов, а также выявить множество параметров поведения, соответствующих этим особенностям психологии их представителей.

– Во-вторых, требуется дать операциональные, а не теоретические определения понятиям “культура” и “культурный фактор”, а также описать множество этих факторов, которые предположительно могут повлиять на различия в психических особенностях и поведении людей, принадлежащих к разным культурным общностям.

– В-третьих, следует выбрать адекватный метод исследования и адекватную методику для измерения особенностей поведения людей, принадлежащих к разным культурам.

– В-четвертых, следует определиться с объектом исследования.

Кроме того, важнейшее значение имеет отбор или выбор групп из популяций, которые были бы репрезентативны с точки зрения принадлежности к сопоставляемым культурам.

Главная проблема планирования кросс-культурного исследования – конструирование или выбор методики для регистрации параметров поведения, валидных по отношению к описанию к изучаемым психическим особенностям. Любая психологическая измерительная методика является продуктом культуры, чаще всего – западной, и может иметь адекватное значение только в контексте этой культуры.

Первая задача исследователя – добиться высокой (содержательной) валидности методики, иначе испытуемые попросту не будут “включаться” в процесс исследования. То, что многие авторы считают достижением конструктивной (концептуальной) валидности, является не чем иным, как свидетельством того, что обобщенные представления об исследуемом психическом явлении у лиц, принадлежащих к изучаемым культурным группам, соответствуют теоретическим представлениям исследователя.

В «кросс-культурном треугольнике» необходимо добиться универсальности поведенческих признаков, измеряемого свойства и их высокой валидности (рисунок 3).

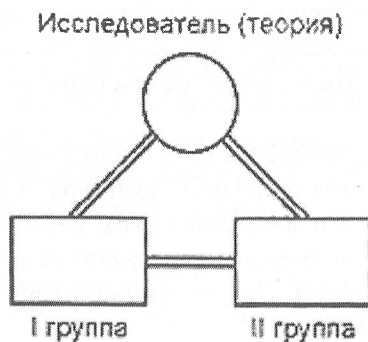

Рис. 3. Кросс-культурный треугольник

Для того чтобы избежать “культуральной односторонности”, в кросс-культурной психологии предложены два подхода: конвергентный и дивергентный.

Конвергентный подход состоит в том, что исследование проводят представители всех культурных групп, которые являются объектом изучения. Каждый исследователь разрабатывает свой тест, который затем предъявляется каждой исследуемой группе.

Дивергентный подход состоит в учете представлений о природе явления, сложившихся у исследователей, принадлежащих к разным культурам, при составлении одной методики. Этот подход возможен лишь при разработке методики, где разнородность мнений не повлияет на ее надежность и валидность (например, при составлении опросников на ценностные ориентации) [4].

Идеалом большинства западных исследователей является создание универсальных или свободных от культуры методик.

Д. Кэмпбелл и О. Вернер в поисках создания такой методики, создали так называемую «Технику двойного перевода». Эта техника основана на процедуре, предложенной в 1970 Р. Брислин и обозначаемой им как «обратный перевод». Он заключается в том, что Протокол (тест или опросник) составляется на родном языке исследователя, затем переводчик или сам исследователь переводят его на язык предполагаемых респондентов, а потом другой человек переводит этот протокол обратно на язык оригинала. Если версия, полученная в результате обратного перевода, идентична оригиналу, то версии на обоих языках считаются равноценными. Если же идентичность не достигнута, тогда процедура повторяется до тех пор, пока версия обратного перевода не станет идентичной оригиналу [3, 111].

Г. Триандис так более детально описывает эту технику «Двойного перевода» Д. Кэмпбела и О. Вернера. Он указывает, этот метод основан на следующем положении: об одной и той же вещи можно сказать по-разному, поэтому аккуратное изменение исходного языка исследовательского проекта никак не повредит самому исследованию, но будет способствовать преодолению трудностей самого перевода. Например, исследователь начинает с английского текста (А) и просит человека, знающего оба языка,

перевести его на японский (Я). Затем он просит другого человека, знающего оба языка, перевести японский текст на английский, чтобы получить текст (А1). Теперь можно сравнить тексты А и А1, чтобы определить расхождение. Если расхождения существенны, исследователь может «усреднить» текст, давая новый вариант А2, который удовлетворяет целям исследования, но ближе к варианту А, чем к А1.

После этого другого человека, знающего оба языка, просят перевести текст А2 на японский язык, что дает вариант А1. Затем еще один переводчик, знающий оба языка, переводит текст А1 на английский — получается текст А3. Исследователь сравнивает тексты А2 и А3, если они не совпадают, он продолжает процесс переводов, получая текст А4. Перевод продолжается до тех пор, пока обратный перевод не станет похож на «приемлемый текст» исходного языка [10, 14].

Тест переводится с языка оригинала на язык культурной группы, а затем другой переводчик независимо переводит этот текст на язык оригинала. Рассогласования используют для устранения недостатков в формулировке утверждений.

Второй прием, предложенный Д. Кэмпбеллом и О. Вернером — «децентрация», а именно, исключение из оригинального текста методики понятий и выражений, которые сложны для перевода или специфичны для культуры, к которой принадлежит автор методики [3].

Успешный обратный перевод предоставляет исследователям протоколы, являющиеся наиболее близкими лингвистическими эквивалентами двух или более различных языков. Однако они могут быть не совсем точными. Например, переводя английское слово *anger*, например, можно найти его лингвистический эквивалент в русском языке или на суахили. Но будет ли он иметь те же оттенки значения, ту же силу и интерпретацию на этих языках, как и на английском?

Такие тонкие различия существуют всегда и неизбежны при проведении кросс-культурного исследования. Поэтому кросс-культурным исследователям нужно иметь представление о проблемах языковой эквивалентности, чтобы не спутать языковые

различия с культурными, которые они желают найти. Достижение «абсолютной» эквивалентности между двумя языками невозможно, и этот факт нужно учитывать при оценке кросс-культурного исследования.

В связи с этим в кросс-культурной психологии все методики делят на «культурно-специфичные» и «универсальные» – культурно-независимые.

К числу методик таких методик, «свободных от влияния культуры» относят «Прогрессивные матрицы» Дж. Равена, «Культурно-свободный тест» (*CFT*) Р. Б. Кеттелла, опросники Г.Ю. Айзенка *EP* и *EPQ*, тест МакКрея и Косты «Большая пятерка» (*Big Five*) и ряд других [4].

К числу специализированных методик относится «Атлас аффективных значений», созданный Ч. Осгудом в 1975 г.

Атлас содержит свыше 620 объективных индикаторов субъективных культур, которые являются результатом обобщения кросс-культурных исследований психосемантических структур юношей и подростков. Однако даже этот атлас создавался на основе «универсальной» психологической концепции – теории метода «Семантического дифференциала» Ч. Э. Осгуда [44].

Большинство же методик являются культурно-зависимыми, т.е. предназначенными для изучения особенностей представителей той культуры, где была создана эта методика, для изучения особенностей другой культуры она не подходит.

Поэтому большинство психологов считает, что попытки создания методик, свободных от влияния культуры, сродни поискам «вечного двигателя».

Процесс разработки измерительной методики для кросс-культурного исследования можно разделить на 3 этапа:

- 1) выбор группы «надкультурных» (универсальных) переменных и создание культурно-универсальной методики;
- 2) выделение культурно-специфических переменных и дополнение методики; лабораторный, ассоциативный
- 3) корректировка методики путем ее кросс-культурной валидации.

Такую кросс-культурную валидизацию и модификации прошла вышеуказанная «Методика измерения социальной дистанции» Е.С. Богардуса, получившая большую популярность в странах постсоветского пространства при проведении исследований.

Что касается непосредственно Казахстана, то здесь нет ни одной методики, разработанной специально для кросс-культурных исследований. Часто применяются модификации метода «Семантический дифференциал» Ч. Э. Осгуда (В. Ф. Петренко), модификации «Теста личностных конструктов» Дж. Келли (Г. У. Солдатовой).

В последние годы казахстанскими психологами активно используются оригинальные методики Т.Г. Стефаненко «Типы личностной идентичности», «Культурно-ценностный дифференциал» Г. У. Солдатовой, С.В. Рыжовой и др. [11].

Таким образом, изучение особенностей организации и проведения кросс-культурных исследований открывает новые возможности для изучения сходства и отличий психологических характеристик представителей всех культурных, этнических, групп, проживающих в современном Казахстане, а также отношений, складывающихся между ними, что предопределяет дальнейшее развитие мультикультурного государства.

Вопросы для самопроверки

1. Раскройте основные требования к проведению кросс-культурных исследований.
2. Дайте интерпретацию классификации основных методов кросс-культурных исследований.
3. Обоснуйте особенности конвергентного и дивергентного подходов к кросс-культурным исследованиям.
4. Перечислите основные техники создания культурнезависимых методик.
5. Рассмотрите этапы процесса разработки измерительной методики для кросс-культурного исследования.
6. Охарактеризуйте особенности планирования и надежности кросс-культурного исследования.
7. Опишите использование естественного эксперимента в кросс-культурных исследованиях.
8. Охарактеризуйте требования, предъявляемые к лабораторным методам кросс-культурного исследования.

РАЗДЕЛ 6

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

6.1 Культурные синдромы, выделенные Г. Триандисом

Для классификации культур в контексте изучения кросс-культурных исследований американскими психологами Г. Триандисом и Г. Хофстеде были предложены такие понятия, как «культурный синдром» [10] и «измерение культур» [4, 430-431].

По определению Г. Триандиса «культурный синдром» – это определённый набор ценностей, установок, верований, норм и моделей поведения, которыми одна группа культур отличается от другой [10, 196].

Всего он выделил три культурных синдрома: *«простота – сложность»*, *«индивидуализм-коллективизм»* и *«открытость-закрытость»*.

6.2 Культурный синдром «Простота-сложность»

Опираясь на исследования Холла, одного из первых психологов, предположившем, что культуры отличаются представлением о времени и ориентацией в нем, Г.Триандис пришел к выводу, что, чем более сложной является культура, тем более внимательнее люди относятся к такому параметру, как время.

Он проанализировал среди представителей разных культур отличия в том, как они пользуются временем и как это проявляется в их реальном поведении.

В разных культурах, – считает Г. Триандис, – люди по-разному воспринимают время, несмотря на то что технически и объективно время должно быть для всех одним и тем же [10].

Представления о времени различны в разных типах культур. Так, например в западных культурах время понимается как линейный вектор от прошлого через настоящее к будущему.

Во многих культурах Востока время рассматривается как непрерывность повторяющихся циклов в природе и человеческой жизни. В западных культурах принято делать одно дело в единицу времени и разговоры вести последовательно, а не одновременно. В других культурах (например, Саудовская Аравия) вполне приемлемо вести разговоры одновременно с несколькими людьми.

Триандис обратил внимание, на то, что, чем более сложной считается культура, тем более специфичны в ней роли, в менее сложных культурах роли более диффузны, размыты. Например, в сложных культурах от продавца ожидается определенная модель поведения, основанная на его социальной роли, и покупателя совершенно не интересуют религиозные взгляды продавца, его партийная принадлежность и др. д. В менее сложных культурах, например в Иране, религиозная принадлежность человека – главный определяющий фактор его социального поведения, и это может влиять на оценку его социальной роли окружающими.

Сложность культуры определяется развитием социальных отношений и уровнем материально – технического развития. В сложной культуре социальные роли четко определены и специфичны, время воспринимается как важная составляющая жизни общества. В простой культуре социальные роли размыты и неопределенны.

Различия в ориентации во времени и перспективе часто становятся источником путаницы и раздражения для людей, оказавшихся в чужой культуре. Многим представителям культур, в которых пестуется пунктуальность и уважается время, трудно приспособиться к системе общественного транспорта в США, который не всегда приходит по расписанию и вовремя! [10].

Однако люди из других культур, где время не играет столь существенной роли и часто возникают очереди, по-видимому, придают меньше значения отклонениям в расписании, рассматривают их как тривиальные и ожидаемые. Время не является значимой величиной.

Г. Триандис приводит данные следующего эксперимента, подтверждающие специфику отношения ко времени в «простых» и «сложных» культурах. Испытуемым в разных странах задавали один и тот же вопрос: «Если у вас назначена встреча с другом, как долго вы намерены ждать его?». Представители «сложных» культур (США, Япония) дали ответ в минутах, в Греции и Италии – в часах, а в Латинской Америке – в сутках.

В своей книге «Культура и социальное поведение» он описывает событие, произошедшее в Японии в 1990 году, когда учитель нанес удар ученице по голове тяжелой дверью за то, что она опоздала на 2 минуты и убил ее [10, 204].

Как далее отмечает Г. Триандис – это событие вызвало неоднозначную реакцию в японском обществе. Статьи были полны ужасов, но в то же время понималось поведение учителя, который хотел показать ученикам, что нужно ценить время и приходить без опозданий [10, 205].

Следовательно, японская культура является не только сложной, но и, по определению Триандиса – жесткой. В подобной культуре от людей требуют такого поведения, которое бы соответствовало бы нормам, принятым в данном обществе.

Формированию «жесткой» культуры в Японии способствовало конфуцианское учение, изолированная география, культурная гомогенность. В Японии существуют правила, нормы и обычаи «корректного поведения», вследствие которого японцам не позволяют делать что-то по – своему усмотрению, как например опоздание в класс. В тоже время жесткость культуры, – признает американский психолог, – имеет много преимуществ. Так например Токио считается одним из самых безопасных городов мира, хотя по размерам он сравним с Нью-Йорком, но уровень убийств здесь ничтожен по сравнению с этим американским городом [10].

Таким образом, в результате разного отношения ко времени может возникнуть разного рода непонимание. В частности, при опоздании представители «сложных» культур будут воспринимать – это как неуважение к ним лично.

Таким образом, все эти различия, определяемые сложностью и простотой культуры необходимо учитывать и понимать в культурном контексте.

6.3 Культурный синдром «Индивидуализм – коллективизм»

Наиболее известным показателем культурной вариабельности является такой культурный синдром как «индивидуализм – коллективизм» (ИК) [3]. Он является показателем того, в какой степени культура пробуждает, питает и удовлетворяет потребности, устремления, желания и ценности автономного и уникального существа в большей мере, чем нужды группы.

В кросс-культурной психологии этот показатель используется наиболее часто для объяснения различий между культурами.

Представители индивидуалистических культур считают себя независимыми и автономными индивидами, тогда как представители коллективистских культур видят себя прочно связанными с другими людьми.

В индивидуалистических культурах личные потребности и цели берут превосходство над нуждами других людей. В коллективистской культуре индивидуальные потребности приносятся в жертву интересам группы.

Таким образом, «индивидуализм – коллективизм» можно рассматривать как основной пример попытки идентифицировать значимый показатель культурной вариабельности и выработать приемы измерения его влияния в различных психологических доменах.

Изучение данного культурного синдрома приобрело популярность более ста лет назад.

Первые экспериментальные исследования «индивидуализма – коллективизма» были проведены Г. Хофстеде в 70-х годах XX века на примере изучения ценностей у нескольких тысяч служащих филиалов международных корпораций в 66 странах. Затем были проведены подобные исследования с акцентом на изу-

чении ценностных ориентаций студентов колледжей в двадцать одной культуре. Затем Г. Триандис повторно провел изучение индивидуализма – коллективизма еще в пятнадцати культурах и выявил культурные различия по этому параметру [10].

Одно из наиболее известных исследований «ИК» было проведено Г. Хофстеде (1980, 1984), который проанализировал данные анкеты, оценивающей ИК-тенденции среди работников международной корпорации с филиалами более чем в 50 странах [3].

Страны ранжировались согласно тому, в какой степени люди одобряют «ИК» – ценности. Так, согласно этому исследованию, США, Австралия и Великобритания оказались наиболее индивидуалистическими; Колумбия, Венесуэла и Пакистан – самыми коллективистскими.

Объясняя эти различия, Триандис, Бонтемпо и др. предположили, что культурные различия по «ИК» связаны с различиями в отношениях «Я» – своя (внутренняя) группа в противовес отношениям «Я» – чужая (внешняя) группа.

Индивидуалистические культуры, как правило, имеют больше внутренних групп. Поскольку индивидам доступны многочисленные внутренние группы, их члены не слишком привязаны к какой-либо одной внутренней группе. Представители этих культур, как правило, выходят из групп, которые предъявляют к ним слишком высокие требования, и их отношения внутри их групп отмечены высоким уровнем независимости или отчужденностью [10].

В коллективистских культурах, намного больше зависящих от эффективного функционирования групп, преданность члена внутренней группе выше. Поэтому здесь поддерживаются стабильные отношения со своими внутренними группами, чего бы это ни стоило, и демонстрируют высокий уровень независимости с представителями своих групп.

Таким образом, «индивидуалистическая» культура – это культура, в которой индивидуальные цели ее членов не менее, если не более важны, чем групповые.

«Коллективистская» культура характеризуется тем, что в ней групповые цели превалируют над индивидуальными. «Индивидуалистическая» культура способствует самореализации [10].

В «коллективистских» культурах неповторимость и уникальность – это вторичный факт. Групповая деятельность – доминирующая, ответственность разделяется между членами группы. Каждый из них подчинен коллективу. Гармония и кооперация основаны на коллективной деятельности.

В «индивидуалистических» культурах люди заботятся в первую очередь о себе и о членах своей семьи. В «коллективистских» – люди должны заботиться о своей группе в обмен на преданность. В «индивидуалистических» культурах личная «Я-идентичность» превалирует на групповой или «Мы-идентичностью», поведение личности определяется ее мотивацией к достижению. В коллективистских – самое главное – это принадлежностью к группе

Таким образом, к индивидуалистской культуре можно отнести ту культуру, в которой индивидуальные цели ее членов не менее, если не более важны, чем групповые. Коллективистская культура, наоборот, характеризуется тем, что здесь групповые цели превалируют над индивидуальными [5, 45].

Каждая из этих культур имеет свои достоинства и недостатки. Преимущества коллективистской культуры заключаются в том, что здесь обычно ниже уровень преступности, алкоголизма, наркомании – забота о детях, поощрение взаимной зависимости. Для иллюстрации этого вывода Д. Мацумото ссылается на исследования, проведенные Р. Нерролом, который отмечал, что, если у подростка есть хотя бы 5 домов, где он может без спросу залезть в холодильник (степень принятия его в этих домах), то вероятность того, что он станет преступником равна нулю [3].

В тоже время коллективистской культуре свойственны авторитаризм, давление на личность, авторитарные режимы, ценность отдельной личности, человеческой жизни низкая, конкуренция между отдельными группами за власть, в результате которой о народе никто не думает.

Преимуществом же индивидуализма, наоборот, является акцент на правах личности, демократия, мультикультурализм.

Наказывается один человек и только за свои проступки. Личность может развивать свои таланты и это выгодно обществу.

Однако в тоже время для индивидуалистических культур характерны следующие недостатки, во-первых, одиночество, во-вторых, разводы, часто распространён нарциссизм. Моральные законы отсутствуют, все держится на законах. Все это в комплексе приводит к росту сердечно-сосудистых заболеваний, суицидов, отчуждению, одиночеству и др.

Проведенные исследования Н.М. Лебедевой в 1994-995 годах показали, что для представителей русской диаспоры в странах ближнего зарубежья (Казахстан, Узбекистан, Азербайджан) характерны черты, присущие индивидуалистским культурам: сдержанность, холодность, разобщенность. И наоборот, при контакте с культурами индивидуалистического типа (страны Балтии) они показали черты коллективизма – гостеприимство, общительность, жертвенность [5].

Многие исследования демонстрируют полезность и необходимость использования параметра «индивидуализм – коллективизм» при объяснении культурных различий в поведении представителей разных культур.

Например, «ИК» использовался для прогнозирования культурных различий в экспрессии, восприятии и предпосылках эмоции, изучения культурных различий в коммуникации в отношениях членов внутренних и внешних групп в четырех культурах.

Исследование Ли и Боустера (1992) продемонстрировало различные влияния темпа речи на восприятие надежности говорящего в индивидуалистических и коллективистских культурах [5].

Хэмилтон, Блуменфельд (1991) сравнили стили научения в классах начальных школ в Америке и Японии.

Американские учителя адресовали свои наставления отдельным ученикам как во время занятия со всем классом, так и в моменты их самостоятельной работы. В отличие от них, японские учителя, наоборот, постоянно обращались к группе как к коллективу. Даже когда дети работали индивидуально, японские преподаватели постоянно удостоверялись в том, что все они трудятся над одним и тем же заданием.

Лунг (1988) использовал параметр «ИК» для сравнения представителей США и Гонконга в отношении избегания конфликта.

Проведенное им исследование показало, что представители коллективистской культуры, чаще вступали в конфликты, споры с незнакомым человеком, чем представители индивидуалистической культуры.

Таким образом, все эти исследования показали важность параметра «индивидуализм – коллективизм» в концептуализации, прогнозировании и объяснении культурных различий.

Ху (1984, 1988), разработал шкалу *INDCOL* для измерения ИК-тенденций индивида в связи с шестью коллективами (супруги, родители и дети, родственники, соседи, друзья, коллеги и одноклассники).

Результаты затем суммировались по пунктам внутри каждого коллектива, а потом по всем коллективам с целью разработать «Общий показатель коллективизма» (*General Collectivism Index, GCI*) [3].

Коллективистская культура

1. Жертвенность: цели группы выше личных целей. Понимание себя как продолжения группы.
2. Участие в делах группы первостепенно.
3. Вознаграждения за групповые достижения.
4. Меньше личное и групповое богатство.
5. Конформизм в отношении явных групповых норм.
6. Ценятся любовь, общественное положение и работа.
7. Высокая степень кооперации внутри группы, низкая – вне группы.
8. Акцент на «вертикальных отношениях» (ребёнок-родитель, работник-работодатель).
9. Воспитание посредством частых советов и вмешательства в личную жизнь ребёнка.
10. При достижении поставленных целей больше ориентируются на людей.

11. Люди предпочитают скрывать межличностные конфликты.
12. Много индивидуальных обязательств перед своей группой, но при этом высокий уровень социальной поддержки, ресурсов и обеспечение безопасности.
13. Меньше друзей, но дружба более глубокая, на всю жизнь, предполагающая множество обязательств.
14. Гармония внутри группы, но уровень конфликта с членами других групп потенциально выше.
15. Стыд (внешний фактор) как наказание.
16. Низкие темпы экономического развития и индустриализации.
17. Меньше социальных патологий (преступления, суицид, жестокое обращение с детьми, насилие в семье, психические заболевания).
18. Меньше заболеваемость.
19. Более счастливые браки, меньше разводов.
20. Меньше конкурентной борьбы.
21. Сосредоточение внимания скорее на благополучии семейной группы, нежели на широком общественном благе.

Индивидуалистическая культура

1. Гедонизм; приоритет достижения личных целей.
2. Понимание себя как отдельного от группы.
3. Человек в первую очередь полагается на себя самого.
4. Вознаграждения за личные достижения.
5. Больше личное и культурное богатство.
6. Степень конформности в отношении групповых норм ниже.
7. Большой ценностью обладают деньги и собственность.
8. Высокая степень кооперации как с членами своей группы, так и с членами других групп.
9. Акцент на «горизонтальных отношениях» (друг-друг, муж-жена).
10. Воспитание, предполагающее привязанность, независимость ребёнка и его право на личную жизнь.

11. При достижении поставленных целей больше ориентируются на задачу. Люди предпочитают открыто разрешать межличностные конфликты.

12. Много индивидуальных прав, мало обязательств перед группой, но при этом меньше поддержки, ресурсов, обеспечения безопасности со стороны группы.

13. Легко заводят друзей, но отношения менее глубокие.

14. Межличностные конфликты случаются чаще внутри группы.

15. Вина (внутренний фактор) как наказание.

16. Выше темпы экономического развития и индустриализации.

17. Выше уровень всех категорий социальных патологий.

18. Выше показатели заболеваемости.

19. Менее счастливые браки, больше разводов.

20. Больше конкурентной борьбы.

21. Больше забота об общественном благе [3].

Г. Триандис, отвечая на вопрос, какая же культура лучше, индивидуалистическая или коллективистская, писал, что «ни та, ни другая не желательны» [10, 222]. Так, он в пример ставит этнические чистки, которые практиковались боснийскими сербами по отношению к представителям исламского населения, когда были реализованы крайние формы коллективизма (моя группа во всем хороша; другая – во всем плоха). В то же время высокие показатели отклоняющегося поведения, преступность, бродяжничество, разводы, эгоистическое поведение, являются крайними формами индивидуализма, которые в XXI которые приобретают невиданные масштабы. Поэтому сегодня необходимо осмысление этого синдрома, чтобы культуры включали бы лучшее, как элементы как индивидуалистических, так и коллективистских культур.

6.5 Культурный синдром «Открытость-закрытость»

Кроме культурных синдромов «простота – сложность», «индивидуализм-коллективизм» Г. Триандисом был выделен еще один культурный синдром – «открытость-закрытость» [10].

В закрытых культурах люди должны вести себя в соответствии с общепринятыми групповыми нормами, поэтому нарушившие эти норм преследуются. Для «открытых» культур, наоборот, характерна большая терпимость к отклонению в поведении от общепринятых норм в данном обществе. К закрытым культурам принято относить Японию, Грецию, в свое время СССР считался закрытой культурой. Что же касается открытой культуры, то сюда относят такие страны, как Гонконг, Таиланд.

Для людей из закрытых культур значимы предсказуемость, определенность и безопасность: им важно знать, что другие люди намерены делать, и, если те поступают непредсказуемо и неожиданно, это психологически травмирует членов закрытых культур.

Поэтому они чаще ощущают чувство тревоги и угрозы, они боятся, что их поведение может быть рассмотрено как не соответствующее общепринятым в их культуре нормам. Они склонны воспринимать людей из открытых культур как недисциплинированных, своевольных и капризных, в то время как люди из открытых культур, в свою очередь, трактуют поведение представителей закрытых культур как негибкое и бескомпромиссное.

Представители открытых культур более терпимы к отклонению поведения индивидов от общепринятых норм.

В открытых культурах, чтобы чего-то достичь, необходимо быть свободным, в том числе и от ограничивающих индивидуальное творчество и деятельность норм.

В закрытых культурах, если человек нарушает общепринятые в данной группе нормы, он вынужден их соблюдать и требовать их соблюдения от других членов группы. В открытых же культурах, чтобы чего-то достичь нужно быть свободным от многих условностей, которые ограничивают индивидуальное творчество.

Говоря об источниках «закрытости» Г. Триандис выделяет культурную гомогенность, а открытость, по его мнению, определяется культурной неоднородностью или маргинальностью. Это предположение он делает из того, что данный параметр очень

близок к параметру, выдвигаемому Г. Хофстеде – «избегание неопределенности», согласно которому культуры, у которых был высок этот показатель отличались высокой однородностью.

Подобный анализ, – считает американский психолог, – помогает избавиться от собственного этноцентризма при анализе поведения людей из других культур [5].

6.5 Психологическое измерение культур по Г. Хофстеде

Американский психолог Г. Хофстеде дополнил классификацию, предложенную Г. Триандисом. Проведя гигантскую работу, проанализировав 116000 анкет, он пришёл к выводу, что существуют ещё три фактора, влияющих на психологию людей различных культур. Это «дистанция власти», «избегание неопределенности» и «маскулинность – феминность» [4].

Под «избеганием неопределённости» Хофстеде понимает стремление максимально упорядочить окружающий мир, отношения между людьми, свести к минимуму хаос и неопределённость как в настоящем, так и в будущем.

При высоком уровне избегания неопределённости имеют место нетерпимость к резким переменам, эмоциональность, групповая поддержка, традиционность, что характерно для стран Ближнего Востока, Греции, Франции, Испании, Израиля, Японии, Кореи и др. К странам с низким уровнем избегания неопределённости, проявляющейся в склонности к риску, переменам, умению к ним адаптироваться относятся Дания, Великобритания, Ирландия, Сингапур).

Культуры с высоким уровнем «избегания неопределенности» (в основном культуры коллективистского типа) имеют очень низкий уровень толерантности к неопределенности, что выражается в высоком уровне тревожности и тенденции к «выбросу энергии» (агрессивному поведению). Индивидам из таких культур свойственна высокая потребность в формализованных правилах

и нормах поведения. Данные культуры характеризуются низкой толерантностью к людям или группам, с отличающимися идеями или поведением.

Для культур с высоким уровнем «избегания неопределенности» характерна выраженная тенденция в внутригрупповую согласию. В этих культурах предпочитают сдерживать агрессию, избегать конфликты и конкуренцию, присутствует тенденция к внутригрупповой согласию [4].

Что касается культур с низким уровнем избегания неопределенности, то они имеют более низкий уровень стрессов, принимают разногласия в своей среде и характеризуются большей склонностью к риску.

Представители культуры с высоким уровнем «избегания неопределенности» больше сопротивляются любым изменениям, имеют более высокий уровень тревожности, нетерпимы к двусмысленности, больше беспокоятся о будущем, считают верность своему правительству самой большой добродетелью, имеют низкую мотивацию к достижению, не склонны к риску [4].

Таким образом, систематизируя особенности представителей с высоким уровнем избегания неопределенности, можно выделить следующие их особенности:

- высокий уровень тревоги у населения
- высокий уровень стрессов
- большое эмоциональное сопротивление переменам
- лояльность по отношению к работодателю считается добродетелью
- боязнь поражения
- правила нельзя нарушат никогда
- стремление избежать риска
- конкуренция между работниками не одобряется на эмоциональном уровне
- подозрительное отношение к иностранцам в качестве менеджеров..

Для представителей культуры с высоким уровнем и «избегания неопределенности» характерны:

- более низкий уровень тревоги у населения
- готовность жить сегодняшним днём
- меньше связанных с работой стрессов
- меньше эмоциональное сопротивление переменам
- лояльность по отношению к работодателю не считается добродетелью
- надежда на успех
- правила можно нарушать из прагматических соображений
- большая склонность к риску
- конкуренция между работниками должна быть честной
- больше симпатии отдаётся индивидуальному и авторитарному решению [4].

Следующее измерение культуры, предложенное Г. Хофстеде – это «дистанция власти», определяемая как «степень неравномерности распределения власти с точки зрения членов данного общества» [5]. Этот параметр измеряет отношения между начальством и подчинёнными, между людьми, обладающими властью, и подчиненными.

Представители культур с большой «дистанцией власти» считают, что власть – это наиболее важная часть общественной жизни. В таких культурах акцент делается на принуждении, характерны авторитарность и конформность, жёсткий стиль управления, страх перед начальством (африканские страны, Индия, Турция, Филиппины, Бельгия, Франция, Югославия).

Сравнивая показатели по шкале «дистанция власти» с результатами других кросс-культурных измерений, Хофстеде пришел к выводу, что родители из культур с высоким уровнем «дистанции власти» поощряют в своих детях обязательность и исполнительность, а студенты данных культур демонстрируют более конформное поведение и более авторитарные установки, чем в культурах с низкой «дистанцией власти» [4].

Таким образом, для культур с большой дистанцией власти характерны следующие особенности:

- послушанию детей придаётся большое значение

- индивиды рассматривают авторитарный подход как социальную норму
- рабочие боятся высказывать несогласие с начальством
- больше нравится директивный и мотивирующий начальник
- формальное участие работников в процессе возможно без неформального совета с ним.

Сравнивая это измерение с данными Г. Триандиса, Хофстеде пришел к выводу, что члены культуры с низкой дистанцией власти рассматривают уважение к личности и равенство как условия «пути к благоденствию», а члены культур с высокой дистанцией власти рассматривают в качестве таких условий такт, услужливость и деньги. Другими словами говоря, «путь к благоденствию» в понимании членов культур с низкой дистанцией власти включает знания, любовь, счастье, а в понимании членов культуры с высокой дистанцией власти – родовитость, наследство, хитрость.

Таким образом, для культур с низкой дистанцией власти характерны следующие особенности:

- демократизм, малое количество «перегородок» между начальством и подчинёнными
- главное внимание уделяется убеждению, а не принуждению.
- родители придают меньшее значение послушанию детей
- студенты высоко ценят независимость
- авторитарный подход среди студентов является следствием личностных особенностей преподавателя
- сильная производственная этика: не верят, что человек может не любить работать
- работники в меньшей степени боятся выражать несогласие с начальством
- больше нравится такой начальник, который непосредственно участвует в делах
- возможен неформальный совет с работниками без из формального участия в процессе.

Низкая дистанция власти характерна для таких стран как Австрия, Дания, Израиль, Германия, США, Канада.

Следующий параметр, выделенный Г. Хофстеде при проведении своих исследований – это «маскулинность – феминность».

Высокий уровень маскулинности («мужественности») культуры означает высокую ценность в данной культуры материальных вещей, власти и представительства. В такой культуре существуют традиционная полоролевая дифференциация, мужчины занимают доминирующее положение в обществе.

Культуры, в которых в качестве главных ценностей превалирует сам человек, его воспитание и смысл жизни, считаются феминными (или основанными на «женском начале»). Низкий уровень маскулинности (феминность, «женственность») культуры – слабо выражены гендерные стереотипы, женщины в целом имеют тот же статус, что и мужчины.

В культурах маскулинного типа подчеркивается различие в половых ролях, исполнительность, амбициозность и независимость.

В культурах феминного типа половые роли обычно не столь строго фиксированы и упор делается на взаимную зависимость и служение друг другу.

Г. Хофстеде сопоставлял измерение «маскулинность – феминность» с результатами кросс-культурных исследований, которые показали, что люди в маскулинных культурах имеют более сильную мотивацию к достижению, в работе они видят смысл жизни, склонны считать интересы компании своими собственными интересами и центром своей личной жизни, способны очень напряженно работать. В данных культурах существуют значимые расхождения в оценке мужчин и женщин, занимающих одно и то же положение, в сторону более высокой оценки мужчин, а признание, успех и конкуренция рассматриваются как главные источники удовлетворенности работой.

Иногда люди из разных культур смотрят друг на друга со взаимным пренебрежением: для представителей маскулинных культур люди из феминных культур недостаточно деятельны, а для вторых первые недостаточно заботливы и щедры.

Примерами могут служить Швеция (феминная культура), которая помогает бедным странам больше других стран в мире, и Япония (маскулинная культура), которая по этому показателю «скупер» всех [3].

Культуры маскулинного типа – Австралия, Австрия, Колумбия, Германия, Великобритания, Ирландия, Италия, Япония, Мексика, Филиппины, Южная Африка, Швейцария, Венесуэла, США, Канада и др. Культуры феминного типа – культуры Чили, Коста – Рики, Дании, нидерландов, Норвегии, Швеции и др.

Используя данные измерения, необходимо помнить, что со временем общества и культуры претерпевают значительные изменения. Согласно данным исследований, студенты в Японии в настоящее время более являются индивидуалистами, чем коллективистами, несмотря на то, что в целом японская культура коллективистская [3].

Таким образом, для стран с низким показателем маскулинности характерны:

- вера в групповые решения
- более слабая мотивация достижения
- студенты ориентируются в жизни на веления долга
- люди рассуждают в терминах «свой – чужой»
- групповые решения более привлекательны
- фатализм
- работники в качестве главных целей в жизни называют

долг, опыт и престиж

- моральные обязательства по отношению к компании
- работники стремятся к послушанию и порядку

И наоборот, для стран с высоким показателем маскулинности характерны:

- вера в индивидуальные решения
- сильная мотивация достижения
- студенты ориентируются на наслаждения жизни
- люди рассуждают в терминах универсализма
- индивидуальные решения более привлекательны
- вера в собственные силы

– работники в качестве главных целей в жизни называют удовольствия, влечения и безопасность

– преобладают отношения расчёта

Глобализация, рост миграций и социальной мобильности способствуют распространению индивидуализма в обществе. Так, например, проведенные исследования показали, что у мигрантов одни культурные элементы в процессе аккультурации в новом обществе исчезают, а другие, наоборот, укрепляются. Как отмечает Г.М. Лебедева, ученые высказывают гипотезу, согласно которой наиболее отличные культурные отличия, например в одежде в процессе аккультурации исчезают, среднеотличные (обычай питания) адаптируются и трансформируются, а наименее отличные – внутренние, к которым относятся религиозные верования, ценности усиливаются [5]. Следовательно, не следует ожидать изменений в сторону, например, нивелирования. Следовательно, не следует ожидать изменений в сторону, например, нивелирования культурных особенностей. Поэтому проблема психологического измерения культурных синдромов, отражающих ценности, установки, нормы, модели поведения и др. остается актуальной.

Вопросы для самопроверки

1. Рассмотрите понятие «культурный синдром».
2. Опишите основные психологические измерения культуры.
3. Сделайте вывод о достоинствах и недостатках измерения «индивидуализм» и «коллективизм».
4. Раскройте понятие культурный синдром «открытость-закрытость».
5. Охарактеризуйте вклад Г. Хофстеда в исследование психологического измерения культур.
6. Продемонстрируйте на примерах реализацию психологического измерения «маскулинность – феминность».

РАЗДЕЛ 7

КУЛЬТУРА И ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

7.1 Основные понятия гендерных исследований

В последнее время в кросс-культурных исследованиях большую популярность стали приобретать исследования, в центре внимания которых находятся проблемы, связанные с изучением гендерного поведения. Сегодня гендер рассматривается как социально – биологическая характеристика, которая дает возможность делить весь мир на мир мужчин и женщин.

Вследствие этого, в современной кросс-культурной психологии гендер определяется как сложный социокультурный конструкт, детерминирующий различия в ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках мужчин и женщин.

В контексте исследования гендера сегодня принято выделять два понятия – пол и гендер и их производные.

Понятие «пол» (биологический пол) обозначает биологические и физиологические различия между мужчинами и женщинами, проявляющиеся в анатомических, физиологических, гормональных и биохимических половых различиях.

Понятие «гендерные роли», определяющее связанные с биологическими функциями роли, используется для описания собственных мужчинам или женщинам форм и паттернов поведения. На основании этих отличий вступают в действие все имеющиеся коллективные образы, включая ценности, культурные убеждения и ожидания, что приводит к мужским и женским различиям при социализации и дифференциации ролей.

Понятие «гендерная идентичность» выявляет степень осознания и принятия индивидом своей половой принадлежности и соответствующих половых ролей. Половая идентичность мужчин характеризуется осознанием, что они, прежде всего, мужчины и

идентификацией с мужским родом. Женская гендерная идентичность определяется осознанием женщиной себя как женщины, способной реализовать себя в определенных формах поведения, свойственных только женщинам идентификацией с женским родом.

Эмоционально-когнитивный компонент гендерной идентичности определяется влиянием экологических, социально-политических контекстов, которые в свою очередь определяются типом экономики, направленной на обеспечение пропитанием, и все возрастающим влиянием аккультурации, которому подвергается большинство культур, в основном, со стороны внешних средств массовой коммуникации, Интернета и других средств телекоммуникации, которые приводят к значительному изменению стереотипов, идеологии и практики в других культурах (рисунок 4).

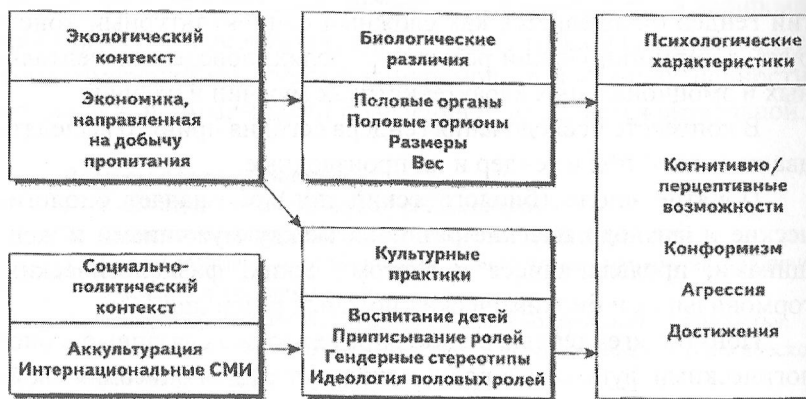

Рис. 4. Связь между контекстными переменными и гендерными различиями поведения

Что касается понятия «психологический пол», то он чаще всего используется для характеристики тех форм и паттернов поведения, которые являются общепринятыми для мужчин или для женщин в контексте данного конкретного общества или культуры.

Термин «гендерные роли» показывает то, насколько человек принимает и следует формам поведения, присущим в той или иной культуре.

Понятие «гендерная идентичность» раскрывает то, насколько человек осознает или признает тот факт, что он принимает те или иные гендерные роли.

Термин «гендерные стереотипы» используется для описания типичных психологических и поведенческих характеристик, традиционно приписываемые мужчинам и женщинам в определённых культурах.

Однако сегодня существуют значительные индивидуальные и психологические различия в отношении этих ролей и стереотипов в связи с тем, что не все люди вписываются в стереотипы, определяемые традиционными половыми и гендерными ролями, принятыми в обществе. Это, например, женщины или мужчины с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

В контексте кросс-культурного исследования гендера большую актуальность приобретает изучение влияния культуры, ее особенностей на гендер.

Эти исследования начинались с 50-60-х годов XX века в США с движения за права женщин, которое заставило общество по-новому взглянуть на их роль в обществе. В то время почти все исследования, посвященные изучению проблем женщины, проводилось в основном учеными-мужчинами. Вследствие этого, исследования отличались односторонностью и непониманием, что между мужчинами и женщинами существует очень много различий, что женская психология отличается от мужской.

Сегодня подобными исследованиями занимаются ученые, как мужчины, так и женщины и исследования проводятся на двух выборках, что дает возможность расширить подходы, приводит к многочисленным дискуссиям и критике.

Таким образом, в конце XX и начале XXI веков гендерные исследования прочно заняли важное место среди тем, рассматриваемых в контексте кросс-культурных исследований [3].

Одновременно с этим произошел пересмотр общепринятых взглядов и в отношении к культурным нормам, определяющих

особенности мужского и женского стереотипов и поведения. Однако и сегодня, несмотря на многочисленные исследования и полученные результаты в этой области, современная психология до сих пор не может однозначно ответить, действительно ли формы поведения мужчин и женщин, типичные для многих культур, являются абсолютными для других.

7.2 Теории и методы тендерных исследований в кросс-культурном контексте

Основу теоретико-методологических аспектов проведения гендерных исследований в кросс-культурном аспекте составляют современные многофакторные теории (Д. Мацумото, Дж. Берри, Г. Триндис), в центре внимания которых находится изучение основных атрибутов маскулинности и феминности. Многочисленные экспериментальные и эмпирические исследования, основанные на этом подходе, подтверждают его объективность, надежность.

Сегодня в кросс-культурной психологии используются новые методики оценки личности, способствующие исследованию гендерных представлений в разных культурных группах. Так, например, в последнее время широко используется пятифакторная модель личности (McCrae & Costa), направленная на изучение пяти основных характеристик – экстраверсии, согласия, сознательности, эмоциональной устойчивости и открытости.

Кроме этого, в современный период широко используется множество новых методик, в центре внимания которых, изучение самых различных аспектов и проявлений гендерного поведения мужчин и женщин, принадлежащих к разным культурам и проживающих в разных странах.

Отправной точкой для современных кросс-культурных исследований гендерных особенностей служит вывод, сформулированный Д. Мацумото, что гендерные особенности в кросс-культурном аспекте нужно изучать в четырех областях – это изучение гендерных стереотипов; гендерных ролей и «Я-концепции»;

исследований Г. Хофстеде, а также изучение психологических гендерных различий, включающих особенности, связанные со способностями в сфере восприятия, решения пространственных и когнитивных задач, конформности и подчинения, агрессии и других психологических конструкторов [3].

В современных обществах до сих пор сохраняются гендерные стереотипы, основанные на традиционных формах гендерной дифференциации: мужчина должен быть сильным, независимым, самостоятельным, эмоционально сдержанным, тогда как женщина должна быть зависимой, слабой, заботливой, эмоциональной.

Наибольшую известность в области изучения гендерных стереотипов в кросс-культурном аспекте получили исследования американских психологов Р. Уильямса и Беста, которые с помощью «Контрольного списка прилагательных» (КСП), провели опрос 3000 жителей 30-ти стран самых разных [4, 90]

Таблица 2

100 прилагательных из культурно-универсального контрольного списка

Ассоциирующиеся с мужчинами		Ассоциирующиеся с женщинами	
1	2	3	4
Самовластный	Оппортунистич- ный	: t Болтливая X	Обидчивая
Агрессивный	Забавный	Боязливая	Осторожная
Активный	Остроумный	Внушаемая	Очаровательная
Безразличный	Отважный	Возбудимая	Покорная
Безрассудный)	Предприимчи- вый	Восприимчивая	Понимающая
Неразборчивый в средствах	Прогрессивный	Глупая	Привередливая
Умелый	Проницательный	Добрая	Придирчивая
Демонстративный	Пунктуальный	Добросердечная	Приятная
Жадный	Практичный	Жеманная	Пугливая

1	2	3	4
Жесткий	Рационалистич- ный	Зависимая	Робкая
Жестокий	Реалистичный	Изменчивая	Смущающаяся
Изобретатель- ный	Решительный	Кроткая	Сексуальная
Индивидуалис- тичный	Самодовольный	Легкомысленная	Беспокойная
Инициативный	Серьезный	Любопытная	Жалеющая себя
Ищущий удо- вольствия	Склонный к беспорядку	Манерная	Суеверная
Крепкий	Склонный к рisku	Мечтательная	Склонная прощать
Ленивый	Скупой	Мягкая	Скромная
Любящий командовать	Суровый	Наделенная воображением	Слабая
Надменный	Уверенный в себе	Недовольная	Теплая
Надоедливый	Упрямый	Нежная	Терпеливая
Находчивый	Непреклонный	Неинтеллигентная	Искушенная
Негибкий	Флегматичный	Непостоянная	Чуткая
Недружелюбный	Циничный	Непостоянная	Эмоциональная
Обладающий разносторон- ними интересами	Шумный	Нервная	Обидчивая

В ходе проведения исследования испытуемым было предложено отметить те прилагательные, которые в большей степени характерны для женщин, и те, которые характерны для мужчин. При этом они должны были отметить те прилагательные, которые с их точки зрения характерны для типичных представлений о мужчинах или о женщинах, принятых в их культуре.

Систематизируя и обобщая полученные ответы, Р. Уильямс и Бест пришли к выводу, что, если более двух третей респондентов из той или иной страны указывали одно и то же прилагательное, как связанное с характеристикой определенного пола, данная

характеристика считалась общепринятой в соответствующей культуре. Затем, сопоставляя полученные данные, соответствующие культурам в целом, исследователи решили, что если та или иная характеристика является общепринятой более, чем для двух третей изучаемых культур, можно считать, что существует кросс-культурный консенсус относительно данной характеристики для описания мужчин или женщин. Полученные результаты выявили высокий уровень культурной общности во взглядах на характеристики, которые приписываются как мужчинам, так и женщинам.

Степень совпадения типичных описаний мужчин и женщин, полученных от представителей различных культур, оказалась очень высокой. По каждой стране прилагательные, связанные со стереотипными представлениями о мужчинах и женщинах, в отношении которых проявлялся высокий уровень единства мнений, оценивались с использованием системы учета аффективных значений («*Affective meaning scoring system*») [4].

Все участвующие в исследовании независимо от культурной принадлежности показали один и тот же результат, что используемые ими прилагательные, устойчиво связанные со стереотипом мужчины, несли в себе больше действия и силы, чем прилагательные, которые связывались со стереотипом женщины. Однако в таких странах, как Япония, Южная Африка, Нигерия не наблюдалось панкультурного влияния предпочтительности мужского стереотипа, а в Италия, Перу, Австралия – женского.

Одновременно Р. Уильямс и Бест провели еще один тип анализа полученных результатов. Чтобы выяснить, как данные прилагательные распределяются по своему аффективному или эмоциональному значению, для каждой страны они произвели оценку прилагательных по таким показателям, как предпочтительность, сила и активность. И в этот раз они также увидели поразительное сходство относительно мужских и женских стереотипов. Так, например, во всех изучаемых странах характеристикам, которые традиционно ассоциируются с мужчинами, приписывалась большая сила и активность, по сравнению с характеристиками, ассоциирующимися с женщинами.

Таким образом, проведенное исследование показало, что разделение труда, связанное с различием воспроизводящих функций мужчин и женщин, явилось причиной различий в формах поведения, что, в свою очередь, привело к различию в психологических характеристиках.

Исследования, проведенные Р. Уильямсом и его коллегами по изучению гендерных стереотипов, получили дальнейшее развитие. В частности, ими были проанализированы данные предыдущих исследований, собранные в 25 странах с помощью опросника «КСП» и на основе Пятифакторной модели личности, включающей пять основных личностных измерений, известных также под названием «Большой пятерки» [4].

Анализируя полученные результаты исследования, психологи выявили, что мужчины во всех исследуемых культурах характеризуются более высокими показателями по всем измерениям, кроме «социального соответствия»; в то же время среди женщин независимо от культурной принадлежности показатели по данному измерению намного выше, чем среди мужчин.

Кроме того, исследование показало, что различия, касающиеся гендерных стереотипов, наиболее глубоки в тех странах, которые характеризуются более традиционным, иерархически организованным типом общества, для которых характерен более низкий уровень социального, экономического развития, невысокий процент женщин, получающих образование в высших учебных заведениях.

Р. Уильямс и его коллеги углубили свои исследования, повторно оценив полученные результаты, полученные ими ранее в 27 странах с помощью опросника «КСП» по измерительным шкалам пятифакторной модели. Затем они проанализировали выявленные различия между мужчинами и женщинами для каждой страны в отдельности. Ученые обнаружили, что полученные ими ранее результаты в целом подтвердились для всех стран. Кроме того, они сопоставили данные о гендерных различиях по данным шкалам с оценками по культурным шкалам, взятым из двух крупных работ, посвященных изучению ценностей, а также

с рядом демографических показателей и полученными ими ранее оценками, касающимися вопросов гендерной идеологии [4].

Исходя из анализа и систематизации полученных результатов исследования, Р. Уильямс и его коллеги пришли к выводу; что различия в гендерных стереотипах, выше в тех странах, которые характеризуются более традиционным, иерархически организованным типом общества, более низким уровнем социально-экономического развития, а также незначительным процентом женщин, обучающихся в высших учебных заведениях.

В странах же, характеризующихся стремлением к равноправию мужчин и женщин, дифференциация между мужскими и женскими гендерными стереотипами оказалась менее выраженной по всем пяти факторам.

Таким образом, анализируя результаты всех этих исследований можно сделать вывод, что в целом гендерные стереотипы достаточно стабильны во всех культурах. В соответствии с типичным образом, общепринятым во всех изучаемых культурах, мужчины воспринимаются как активные, сильные, самостоятельные и критически настроенные; склонные к доминированию, независимости, проявляющие такие психологические черты, как агрессивность, демонстративность и настойчивость. С точки зрения пятифакторной модели, образ мужчины ассоциируется с такими чертами личности, как экстраверсия, нейротизм и открытость.

Женщины воспринимаются как более пассивные, слабые, заботливые и адаптивные и характеризуются потребностью в подчинении, следовании авторитетам, опеке. Из пяти основных личностных факторов они характеризуются наиболее высокими показателями по шкале «социального соответствия».

Анализируя гендерные различия в Я – концепции, Д. Мазумото приводит результаты исследований, проведенных Р. Уильямсом и Бестом, которые просили студентов из 14 стран оценить 300 прилагательных опросника КСП с точки зрения того, описывают ли данные прилагательные их реальное или идеальное «Я». Кроме таких показателей, как предпочтительность, сила и активность, полученные ответы оценивались также по шкале маскулинность/фемининность.

Проведенное исследование показало, что оценки мужчин, соответствующие как своему реальному, так и идеальному «Я», оказались выше по показателю маскулинность, соответственно, оценки женщин оказались более высокими по шкале фемининность. Однако представления, как мужчин, так и женщин о своем идеальном «Я» оказались более высокими по шкале маскулинности, чем фактическое описание самих себя, то есть женщины также в большей степени хотели бы видеть себя обладающими психологическими чертами, традиционно ассоциирующимися с мужчинами [3, 181-185].

По оценкам измерений, связанных с эмоциональными факторами (предпочтительность, сила, активность), «Я – концепция», характерная для мужчин, отличалась более высокими оценками по шкале силы. В некоторых странах наблюдалось относительное сходство между оценками мужчин и женщин по всем трем измерениям, тогда как в других странах имели место значительные расхождения. Р. Уильямс и Бест высказали предположение, что уровень расхождений связан с такими переменными, как социоэкономический статус, религия и процент женщин, работающих вне дома.

Таким образом, результаты исследования показали кросс-культурную стабильность гендерных различий, характеризующихся целым рядом универсальных психологических конструктов.

В целом же анализ полученных результатов этих исследований позволили Дж. Берри и его коллегам сделать вывод, что высокая степень согласия относительно мужских и женских стереотипов доказала действие психологических универсалий, определяющих гендерные особенности [4]. Следовательно, наличие универсально распространенных гендерных стереотипов дает возможность предполагать, что существуют эволюционно обусловленные культурные параллели, определяемые разделением труда между мужчинами и женщинами, и общность этих психологических характеристик, является следствием универсальной формы разделения труда.

Если говорить об исследованиях Г. Хофстеде, проведенного широкомасштабный опрос сотрудников крупной транснациональной корпорации, то они, прежде всего, были посвящены изучению профессиональных ценностей. На основе полученных результатов Хофстеде было выделено четыре измерения, описывающих культурные различия. Одним из наиболее важных измерений была шкала – маскулинность (МА), которая отражала степень, в которой та или иная культура формирует, поощряет и сохраняет ценностные различия между мужчинами и женщинами. Полученные высокие показатели маскулинности среди представителей определенной культуры свидетельствовали о том, что принятые в данной культуре представления о профессиональной деятельности и работе на предприятиях ассоциируются с мужским полом.

Исследование показало, что наиболее высокие оценки по шкале маскулинность были выявлены в Японии, Австрии, Венесуэле и Италии. И, наоборот, низкие оценки по шкале МА характерны для таких стран, как Дания, Нидерланды, Норвегия и Швеция, которые отличаются минимизацией половых и гендерных различий, связанных с работой.

Таким образом, проведенное Г. Хофстеде исследование показало, что культурные нормы, описывающие типы поведения, характерные для мужчин и женщин, оказывают на представителей данных культур различное психологическое влияние, результаты которого непосредственно отражаются на их поведении в повседневной жизни [3, 181].

7.3 Психологические гендерные различия в разных культурах

Почти все исследования гендерного поведения, проведенные в кросс-культурном контексте, доказывают, что типичные для мужчин и женщин формы поведения, появившиеся в результате биологических и физиологических различий, становятся источником различий, относящихся к области психологии и менталитета.

Анализ литературы показал, что ряд исследователей (Д. Мацумото, Дж. Берри, А. Пуртинга и др.) выделяют три области их проявления – перцептуальные/пространственные/ когнитивные способности; конформность и подчинение; агрессивность. Результаты изучения этих областей привели исследователей к выводу, что, несмотря на существование гендерных различий, характерных для всех культур, в каждой из данных областей различия между мужчинами и женщинами проявляются по-разному в зависимости от данной культуры.

Так, например, многие психологи утверждают, что у мужчин лучше развиты математические способности и пространственное воображение, чем у женщин, которые отличаются более развитыми лингвистическими способностями. И действительно, анализ результатов тестирования, проведенных в европейских странах по стандартизированным методикам, подтверждает правомерность этой точки зрения. Об этом в свое время писал и российский психолог А. Анастаси, что у подростков мальчиков лучше развиты математические способности, а у девочек – лингвистические.

В то же время исследования, проведенные Дж. Берри, показали, что у мужчин и женщин из народности эскимосов – иннуитов, проживающих в Канаде, нет подобных различий. Канадский психолог высказал предположение, что превосходство мужчин в пространственном мышлении типично для культур, которые характеризуются «компактностью» (относительной гомогенностью), оседлым образом жизни и формами сельского хозяйства, основанными на земледелии, в то время как превосходство женщин характерно для кочевых культур более открытого типа, живущих в основном за счет охоты и собирательства.

Психологические гендерные различия также реализуются в гендерных ролевых стереотипах, согласно которым женщины более конформны и склонны к подчинению, чем мужчины. Данный стереотип обусловлен тем, что согласно традиционным представлениям, мужчина – это «глава семьи», поэтому он имеет власть и авторитет. Женщины же, занимающиеся ведением домашнего хозяйства, обязаны подчиняться мужчине.

Однако исследования показателя конформности у представителей 17 культур, проведенные Дж. Берри показали, что степень, в которой данный стереотип соответствует действительности, в значительной степени варьирует от культуры к культуре. По данной психологической характеристике между изучаемыми культурами были обнаружены явные различия, связанные, по мнению исследователей, с культурным концептом компактности, как и в случае уровня развития пространственных способностей.

Одним из стереотипов гендерных различий в поведении является вывод, что мужчины более агрессивны, чем женщины. Действительно, как показывает практика, мужчины совершают больше преступлений, связанных с проявлением агрессивности и насилия.

Исследования, направленные на изучение биологических коррелятов агрессии, доказали, что у мужчин развитие агрессивности происходит вследствие повышения уровня тестостерона. Однако исследования, проведенные Дж. Берри, М. Сигалл, выявили, что гормональный фактор лишь до некоторой степени может влиять на уровень роста агрессивности, когда организм человека «уже готов к половым различиям, культура может заглушать или усиливать их». Исходя из этого, они пришли к выводу, что именно культура и социальная среда могут способствовать развитию агрессивных тенденций или, наоборот, сдерживать их [4].

Ряд исследователей не согласны с этой точкой зрения. Они считают, что мужская агрессия, представляющая собой компенсаторный механизм, помогает растущему мальчику разрешить конфликт между идентификацией с матерью и другими лицами противоположного пола, воспитывающими его в детском возрасте, и необходимостью вступить в зрелый возраст в качестве мужчины, который наиболее остро проявляется в период полового созревания. Согласно данной модели, агрессивность – это «гендерно – маркирующая» форма поведения.

Вне зависимости от того, какие конкретные механизмы ответственны за формирование гендерных различий, связанных с агрессивным поведением, совершенно очевидно, что гендерные стереотипы, определяются кросс-культурными различиями.

При изучении гендерных различий в разных культурах особый интерес представляют исследования предпочтений при выборе партнера. Одним из интересных исследований предпочтений при выборе партнера в кросс-культурном аспекте является исследование, проведенное Бассом и его коллегами, которые собрали данные по 37 выборкам общим числом 10 000 респондентов из 33 стран. Испытуемых просили отметить свои предпочтения в двух списках потенциальных характеристик партнера, проставив оценки в порядке предпочтения. Как показало исследование, участвующие в опросе мужчины и женщины, на первое место поставили такие характеристики, как «добрый и понимающий», на второе – «умный», на третье – «интересная личность», на четвертое – «здоровый» и «верующий» на последнее. Исследование также показало, что независимо от культурной принадлежности опрашиваемые женщины, оценивали способность партнера – хорошо зарабатывать выше, чем мужчины. В то же время мужчины независимо от культурной принадлежности оценивали физические данные партнера выше, чем женщины [4].

Кроме того, существуют культурные различия в вопросе оценки целомудрия. Так, например, если для представителей северо-европейских культур эта характеристика невесты оказалось неважной, то для мужчин, проживающих в Китае, Индии, Иране очень важно, чтобы невеста была целомудренной.

Культура также оказывает большое влияние не только на предпочтения при выборе партнера, но и на такое чувство, как любовь. Исследования кросс-культурных психологов показали, что романтическая любовь выше ценится в тех культурах, в которых не так прочны родственные связи и меньше – в культурах, где отношения между партнерами в браке подкрепляются прочными родственными связями. Например, японская молодежь ценит романтическую любовь меньше, чем студенты из Западной Германии, а оценки американских студентов занимают промежуточное положение между первыми и вторыми. В то же время американские студенты по сравнению с молодыми шведами проводят более резкую границу между любовью и сексом.

В 1993 году исследователь Дион провел изучение особенностей понимания любви и близости в Канаде и США, которые традиционно относят к индивидуалистическим обществам, а также в Китае, Индии, Японии, традиционно относящихся к коллективистским культурам. Исследование показало, что в индивидуалистических культурах больший акцент делается на романтической любви и личной самореализации в браке. Однако индивидуализм делает достижение этих результатов проблематичным. Коллективистские культуры, наоборот, благоприятствуют укреплению близости, но она, как правило, растрачивается на множество родственных связей.

В 1993 году Кауппинен – Торопайненом и Грубером в рамках исследования гендерных особенностей было проведено кросс-культурное исследование враждебного поведения мужчин по отношению к женщинам. В исследовании участвовали женщины, проживающие в США, Скандинавии и бывшем Советском Союзе. Проведенное исследование показало, что наибольшее количество сведений о враждебном поведении мужчин по отношению к женщинам отметили жительницы США. Женщины из Скандинавии имели меньше проблем психологического характера и находились в более благоприятном окружении по работе, чем американки. Что же касается женщин из бывшего Советского Союза, то исследование показало, что они подвергались сексуальным домогательствам меньше, чем респонденты из других стран.

Проведенное в 2010 году в Казахстане З.М. Балгимбаевой кросс-культурное исследование гендерных предубеждений показало, что в целом у казахстанских мужчин существуют гендерные предубеждения относительно женщин. Причем у уйгуров, они выражены сильнее, чем у мужчин-казахов и особенно мужчин-русских [45].

Сингапурским психологом Уордом было проведено кросс-культурное исследование отношения к жертвам изнасилования в 15 странах. Исследование показало, что представители Великобритании, Германии и Новой Зеландии проявили благосклонную позицию по отношению к жертвам изнасилования. В то время

студенты из Турции, Мексики, Зимбабве, Индии и в особенности Малайзии выразили неодобрительное отношение к ним. В Индии жертв изнасилования убивают или изгоняют из общин. Как это произошло совсем недавно в 2016 году в Малайзии, когда изнасилованную девушку просто забили до смерти камнями [3].

Анализируя подобные отношения к женщинам, можно сделать вывод, что отношение к жертвам изнасилования отражает общее отношение к женщине, которое в целом более благоприятно в странах с более современной полоролевой идеологией и менее благоприятное в странах, где невысок процент женщин, занимающихся работой вне дома, и низок уровень грамотности.

Сегодня в XXI веке эта проблема приобрела особую актуальность в связи с тем, что современная женщина начинает занимать все более активную позицию в обществе. Например, в ряде развитых стран женщины становятся руководителями государств (Англия, Бразилия, Никарагуа, Латвия и др.). В США на пост президента баллотировалась женщина. Но и в странах с традиционно маскулинной культурой постепенно также происходят изменения в отношении к женщине.

Следовательно, в контексте изучения влияния культуры на гендер можно увидеть новые аспекты развития социума, глубже проникнуть в суть происходящих процессов. Социально-экономические, политические и культурные изменения, происходящие в современном обществе, появление новых ценностей приводят к переосмыслению полоролевого поведения представителей разных культур. Поэтому очень важно сегодня проводить кросс-культурные исследования гендерного поведения.

Мужчинам и женщинам всегда будут свойственны специфические гендерные роли в любом обществе и в любой культуре. Любой тип культуры способствует проявлению тех или иных различий в поведении между мужчинами и женщинами, а также различий, связанных с их ролью, обязанностями и ответственностью в обществе. То, что представляется верным в отношении одной культуры, может не соответствовать положению дел в другой. Конкретные механизмы, лежащие в основе данных различий, должны стать предметом дальнейших исследований, в

которых должен будет учитываться сложный характер взаимодействия между биологическими, культурными и психологическими факторами.

Таким образом, кросс-культурные исследования гендера – это относительно новая область психологических исследований, которое позволит нам глубже изучить роль, которую играет культура в создании и поддержании гендера и гендерных различий.

Вопросы для самопроверки

1. Дайте характеристику кросс-культурным гендерным исследованиям.
2. Опишите психологические гендерные различия в разных культурах.
3. Проясните на примерах влияние культуры на гендер.
4. Раскройте основные теории и методы гендерных исследований в кросс-культурном контексте.
5. Сделайте вывод о существовании связи между контекстными переменными и гендерными различиями поведения.

РАЗДЕЛ 8

КУЛЬТУРА И ЛИЧНОСТЬ

8.1 Современное понимание взаимосвязи культуры и личности

Человек формируется как личность, выделяя себя из природы, определяя отношение к окружающему миру в процессе становления своего сознания и самосознания.

В современной психологии личность рассматривают, прежде всего, как человека, взятого в системе таких его психологических характеристик, которые социально обусловлены, проявляются в общественных по природе связях и отношениях являются устойчивыми, определяют нравственные поступки человека, имеющие существенное значение для него самого и окружающих.

По определению С.Л. Рубинштейна, личность – это конкретный, исторически, живой индивид, включенный в реальные отношения к реальному миру, существенными, определяющими, ведущими для человека в целом являются не биологические, а общественные закономерности его развития» [46, 635].

Следовательно, личность – это понятие, выработанное для отображения социальной природы человека, рассмотрения его как субъекта социокультурной жизни, определения его как носителя индивидуального

Следовательно, личность и культура – это два взаимосвязанных понятия, которые не могут существовать друг без друга и которые оказывают огромное влияние друг на друга. Личность формируется под влиянием культуры, но в то же время личность – это носитель культуры, но и деятель, так как именно личность создает культуру.

Личность и культура соотносятся как субъект и объект культуры. Вне их активного взаимодействия становление того и другого невозможно.

Личность в этом взаимодействии является объектом воздействия культуры. Ребёнок учится действовать как человек, взаимодействовать с другими людьми, учится мыслить, чувствовать и выражать свои мысли и чувства словами. Осваивая предметы культуры, человек учится действовать по-человечески. Воспринятые формы деятельности или какие-либо всеобщие нормы культуры, организуют сознательную волю отдельного человека, упорядочивают её проявления вовне. Следовательно, человек изначально становится объектом культуры.

Но в то же время человек является и её субъектом. Как субъект культуры, он существует с тех пор и до тех пор, пока он активно производит и воспроизводит свою реальную жизнь в формах, созданных им самим или другими людьми, в формах, принадлежащих той системе культуры, её контексту, в которой она вписана. Данное условие может быть выполнено только тогда, когда индивид будет способен адекватно воспринимать смысл произведений культуры. Именно восприятие смысла, деятельность в соответствии с ним и будут актами культуры [3].

В той ситуации, когда человек не создает культуру, а формально потребляет её, оставаясь лишь объектом культуры, он не может стать ее субъектом. Только индивид, продуцирующий истинно человеческие ценности, служащий человеческим целям и идеалам, и осуществляющий их в своей жизнедеятельности, может быть субъектом культуры, а, следовательно, человеком как таковым, личностью. В этом смысле, личностью может быть назван индивид, который овладел формами преобразования не только внешней природы, но и внутренней – формами деятельного развития самого себя.

Таким образом, личность выступает как своеобразный объект, субъект и продукт культуры, как потребитель культуры, как производитель и транслятор культуры (см. Рисунок 5).

Рис. 5. Соотношение личности и культуры

Человек как продукт культуры является сознательным общественным существом. В отличие от животных он входит в мир культуры с ее нормами и ценностями, где становление его личности происходит в процессе инкультурации и социализации. Существенным звеном в этом процессе является овладение человеком речью, представляющей универсальное средство общения. Благодаря ей осуществляется и сохраняется смысл человеческого общения, осваиваются модели поведения, происходят усвоение культурных норм, аккумуляция научных знаний, приобщение к искусству. Так создается культурно-речевая среда, речевая общность людей и совокупность используемых этой общностью культурных элементов (обычаев, традиций, символов, ценностей, норм).

Усвоение и ретрансляция культурных навыков, обеспечивающая сохранение целостности общества и культуры способствует процессу социализации, благодаря которому происходит адаптация личности к социокультурной среде.

Таким образом, среда, социум обуславливают первоначальное усвоение культурных образцов и ценностей. В дальнейшем в процессе обучения, деятельности, получения информации из окружающего общества, из СМИ человек извлекает суть происходящих в мире конфликтов и противоречий, вырабатывает свою жизненную позицию, что дает право выбора, возможность активно и сознательно участвовать в культурном обмене и созидании (см. Рисунок 6).

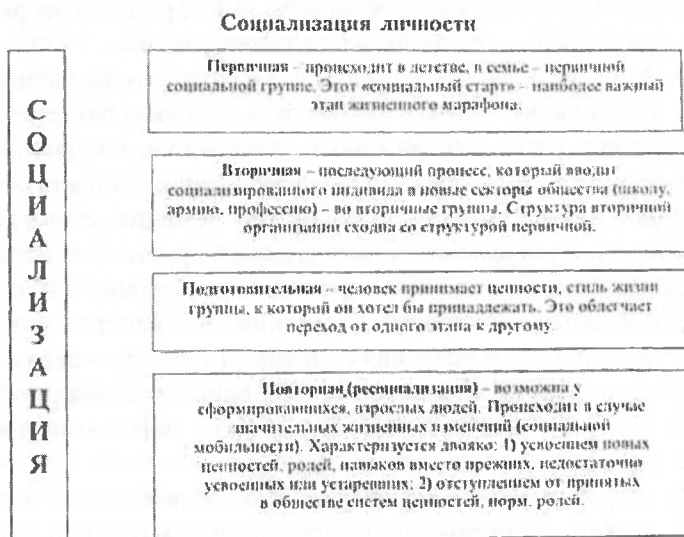

Рис. 6. Социализация личности

Культура также обуславливает формирование морального сознания человека, корнями своими уходящее в общественное бытие личности. Как отмечал С.Л Рубинштейн «Свое психологически реальное выражение оно получает в том, какой внутренний смысл приобретает для человека все то, что вокруг него и в нем самом» [46, 640].

Процесс формирования человека не заканчивается с достижением возрастной зрелости, он продолжается на протяжении

всей жизни. В итоге формируются те компоненты, синтез которых обуславливает сущность и содержание личности.

Таким образом, можно сделать вывод, что «личность – это внутренняя социальность, раскрывающая в себе все проявления культуры человечества». При этом это не просто человек, а «коллективный человек» (К.Г. Юнг), не личность, – а коллективная личность.

В американской и европейской психологии было выдвинуто несколько подходов, имеющих целью отразить специфику взаимодействия культуры и личности, и был разработан ряд методов для изучения характера их взаимоотношения.

М. Мид, Р. Бенедикт разработали фундамент научного подхода к изучению культуры и личности, на котором базируется метод кросс-культурного сравнительного исследования личности.

Они хотя и признавали роль врожденных биологических факторов в формировании личности, тем не менее, они считали, что личность культурно обусловлена и формируется под влиянием сил, функционирующих в специфической культурной среде.

Такой взгляд предполагает, что личность является скорее результатом обучения и усвоения основных психологических механизмов функционирующих в культуре, благодаря участию индивида в типичных для данной культуры практиках, чем функцией биологических и эволюционных факторов.

Во второй половине XX века в психологии начинает доминировать подход, согласно которому личность выступает в качестве самостоятельного необусловленного культурой явления и, соответственно, в качестве зависимой переменной в экспериментальных исследованиях. Именно такой взгляд на личность лежит в основе психоаналитической теории З. Фрейда, послужившей теоретической базой для гуманистического подхода А. Маслоу и Роджерса, теории черт Оллпорта, бихевиористского подхода Скиннера и когнитивного подхода Роттера, Бандуры и Мишеля [10].

Хотя каждый из этих подходов предлагает собственное понимание механизмов развития личности, их объединяет взгляд на личность, как на нечто постоянное и в значительной степени независимое от внешних обстоятельств и ситуаций.

В этом случае независимыми переменными являются различные культуры, которые сравниваются между собой по параметрам, соответствующим исследуемым чертам или измерениям личности.

В отличие от первого подхода этот подход трактует личность как универсальную этическую категорию, феномен, которому должен придаваться равный масштаб и значение в любой рассматриваемой культуре.

Другой подход к пониманию особенностей взаимоотношений между культурой и личностью характерен для культурной психологии, которая рассматривает культуру и личность не как отдельные друг от друга феномены, а как единую систему, элементы которой взаимно обуславливают и развивают друг друга.

Культурно – психологический подход базируется на предположении, что психологические процессы личности, не просто испытывают влияние со стороны культуры, а полностью определяются ею. В то же время – совокупность личностей, действующих согласованно, формирует культуру.

Этот подход, как видим, отрицает общечеловеческие культурные универсалии, а также биологические и генетические механизмы, обуславливающие общность всех людей.

Представители данного подхода считают, что так как не существует двух одинаковых культур, между личностями – представителями этих культур должны быть фундаментальные различия; ведь культура и личность взаимно обуславливают друг друга в пределах соответствующей культурной среды.

Таким образом, существует оппозиция между кросс-культурным подходом, подчеркивающим, что все наблюдаемые различия являются лишь поверхностным, а в сущности всех людей, все культуры объединяет единая природа.

Сегодня существует много исследований, указывающих на универсальность некоторых аспектов личности, но в то же время много данных и в пользу существования индигенной личности [10].

Также много исследований, свидетельствующих о существовании культурных различий, касающихся таких аспектов лич-

ности, которые принято связывать с представлениями об общечеловеческих этических ценностях.

8.2 Кросс-культурные исследования личности

В течение долгого времени одним из точных методов изучения взаимосвязи культуры и личности считались кросс-культурные исследования. Типичная процедура такого исследования включала составление выборки из представителей одной, а также другой сравниваемой культуры, выбор инструмента измерения личности, тестирование представителей обеих групп и сравнение полученных результатов. Обнаруженные количественные различия в результате анализа ответов представителей двух культур по каждой из шкал теста, измеряющей ту или иную личностную характеристику, интерпретируются с точки зрения различий, касающихся ценностей, обычаев, образа жизни и особенностей поведения, существующих между двумя изучаемыми культурами.

Данный подход, хотя и достаточно примитивный с методологической точки зрения, позволил собрать большое количество интересной и полезной информации, свидетельствующей как о сходстве, так и о различиях, связанных с проявлениями личности в различных культурах.

При проведении кросс-культурных исследований личности встречаются проблемы, с которыми исследователь может столкнуться и которые он должен учитывать:

1. Свойства личности всегда индивидуально своеобразны. Для выявления своеобразия необходима индивидуальная ситуация. Однако условия эксперимента должны быть общими для всех. Выход – формирующий эксперимент.

2. Свойства личности – это свойства нравственно оцениваемые, поэтому испытуемый чрезвычайно напряженно контролирует свои проявления и, стремясь к положительной оценке, может обнаруживать не те свойства, какие ему в действительности присущи.

3. Экспериментатор заинтересован в более полном проявлении активности, но всякий эксперимент предполагает ее ограничение. Частично это устраняется в проективных методиках и анализе продуктов деятельности.

В области исследования личности существуют различные термины, такие, как мотив, черта и темперамент, относящиеся к устойчивым характеристикам человека.

Эти понятия подразумевают постоянство во времени и ситуациях, в паттерне поведения человека.

Предполагаемое происхождение этого постоянства не всегда одно и то же.

Темперамент, например, больше относится к биологической основе поведения, в то время как мотивы и черты личности могут быть связаны с влиянием социальной, окружающей среды.

Однако, как бы ни возникло предполагаемое постоянство, считается, что оно отражает психологическую предрасположенность человека, которая выражается в широком диапазоне его деятельности.

В связи с тем, что люди в отдельной культурной группе оказывают некоторое влияние друг на друга, но не на людей в других социальных средах, следует ожидать различий модальной индивидуальности в разных культурах.

Это означает, что кросс-культурные различия должны проявляться в той степени, в какой среднестатистический человек из культуры обладает определенной чертой [10].

Черты личности обычно измеряют с помощью личностных опросников для определения отдельных черт личности.

Важное эмпирическое подтверждение валидности определения черт в этих самозаполняемых опросниках было получено в результате исследования с помощью факторного анализа.

С помощью этого статистического метода информация, которая содержится в наборе пунктов, может быть сведена к ограниченному числу общих факторов или параметров. Считается, что каждый фактор представляет базовую психологическую черту.

При интерпретации кросс-культурных различий в распределении оценок исследователь должен выбирать между различными вариантами:

1. Наблюдаемое кросс-культурное различие по средней оценке – это адекватное отражение различия по той базовой черте, которая, как предполагалось, была измерена.

2. Различия вызваны ошибками в переводе некоторых вопросов со специфическим, культурно – обусловленным смыслом или других аспектов, которые не имеют прямого отношения к этим чертам.

3. Черты личности различаются в разных культурах.

Третий подход основан на гипотезе о том, что, что в разных культурах существуют разные наборы черт.

Следовательно, любое кросс-культурное сравнение исключено – нельзя сравнивать яблоки с апельсинами [10].

Второй подход наиболее расплывчатый; интерпретация зависит от того, как и насколько кросс-культурные изменения являются отражением аспектов, не связанных с конкретной чертой.

Исследователь, который направил опросник в две или более культурные выборки, должен решить, какое из этих трех объяснений избрать.

Ван де Вийвер и Ленг выделили несколько форм эквивалентности:

1. Структурная или функциональная эквивалентность: тест измеряет одну и ту же черту характера (или набор черт) в кросс-культурном отношении, но не обязательно с помощью одной и той же количественной шкалы. (Можно вспомнить шкалы Фаренгейта и Цельсия для измерения температуры).

2. Эквивалентность метрики или единицы измерения, иными словами, различия между оценками, которые получены в разных условиях, имеют одно и то же значение в различных культурах. (Одна и та же температура дает различные показания по шкале Цельсия и Кельвина, но, если температура изменяется, показатели на обеих шкалах меняются одинаково. В таких случаях метрика шкалы одна и та же).

3. Эквивалентность шкал, или полная эквивалентность оценок, то есть оценки имеют одно и то же значение в кросс-культурном отношении [3].

8.3 Экспериментальные исследования личности в кросс-культурном аспекте

Наиболее часто в кросс-культурном исследовании личности используют личностную анкету Г. Айзенка (EPQ), которая была разработана на основе «Личностного опросника Модели» (MPI) и «Личностного опросника Айзенка (EPI). Согласно EPQ, существуют четыре измерения личности: психотизм, экстраверсия, нейротизм и социальная желательность [47].

Согласно Айзенку, существует веское доказательство того, что первые три фактора имеют биологическое обоснование и формируют измерения темперамента.

Нейротизм или эмоциональность – это измерение, которое изменяется в пределах от неустойчивого поведения (с «легкой переменой настроения» и «обидчивостью» как характерными особенностями) – до таких стабильных характеристик, как вспыльчивость и стремление к лидерству.

Экстраверсией обозначают измерение, которое варьирует от общительности и превосходства, или экстравертированного поведения до тихого и пассивного, или интровертированного поведения.

Третье измерение – психотизм – на своих противоположных полюсах имеет упрямство и деликатность.

Это измерение является более поздним дополнением к теории Айзенка и концептуально несколько менее развито.

Социальная желательность относится к стремлению давать ответы, которые социально приемлемы и одобрены. Это стремление было упомянуто как наиболее важный детерминант ответов в личностных самозаполняемых опросниках.

Основная цель кросс-культурных исследований, проводимых с помощью EPQ – показать, проявляются ли при факторном анализе те же четыре фактора, которые первоначально были определены в Великобритании.

Если это действительно так, то можно переходить ко второй и третьей цели, а именно: вычислению локальных норм и интерпретации количественных кросс-культурных различий оценок по

четырем шкалам личности, которые были сформированы этими четырьмя факторами.

При типичном исследовании англоязычные вопросы тщательно переводят на другой язык, а затем обратно. Содержание вопроса следует адаптировать, если оригинальное значение не сохраняется при буквальном переводе, но это обычно требуется лишь для немногих вопросов.

Барретт, проводивший исследование в 1998 году, показал, что в среднем фактор подобия других тридцати трех стран по их набору данных был очень схож со структурой в Великобритании, по крайней мере, по измерениям экстраверсии и нейротизма [10].

Для психотизма средние индексы факторов подобия сохраняются на уровне немного ниже значения 0,90, что при существенном сходстве факторов часто используется в качестве указывающего критерия.

Проведенный Барреттом анализ свидетельствует о сходстве измерения личности, которое первоначально было исследовано в Великобритании, по меньшей мере, в ряде обществ с высоким уровнем грамотности, где применяли EPQ.

Другие авторы связали кросс-культурные различия средних оценок по каждому из этих четырех измерений с различными социальными и политическими приоритетами и климатическими факторами.

Например, исследователи полагают, что сильный стресс приводит к высокому нейротизму. Предположительно, политическая и экономическая нестабильность, война, военная оккупация и жаркий климат приводят к стрессу [10].

Так, например, в промышленно развитых западных странах показатель нейротизма обычно низкий; арабские страны, наоборот, демонстрируют высокие оценки. Однако нельзя исключить источники искажения, которые влияют на уровень оценок. Иногда случайно обнаруживаются резкие изменения содержания индивидуальных вопросов.

Некоторые из этих изменений могут возникнуть вследствие ошибок перевода, другие же можно объяснить культурными различиями.

Например, вопрос о запирании двери, как было обнаружено, не укладывался на шкале психотизма в Греции из-за того, что люди оставляют окна открытыми, что лишает смысла запирание двери.

Перемена значения вопроса может приводить к существенным изменениям частоты положительных ответов даже при незначительных влияниях на структуру фактора. Даже если подобные сдвиги происходят только для нескольких вопросов, вероятным результатом окажется значительное кросс-культурное различие.

Таким образом, даже высокое сходство факторов не гарантирует полной эквивалентности результатов исследований.

EPQ был построен на теории о важных измерениях личности, обоснованных в более ранних работах о темпераменте. Фактически, Айзенк, подобно некоторым другим европейским социальным психологам, не делал различий между темпераментом и основными измерениями личности.

Использование опросника Айзенка в кросс-культурных исследованиях принесло немало интересных результатов. Так, в ходе сравнительных исследований, включающих тестирование взрослых и детей, проведенных Айзенком и Чаном в Великобритании и Гонконге, было обнаружено, что среди взрослых жителей Гонконга отмечен более высокий уровень психотизма и социальной адаптации и более низкий уровень экстраверсии, чем среди взрослых жителей Великобритании. Для детей из Гонконга характерен более высокий уровень по шкале социальной адаптации и более низкий – по шкале экстраверсии и нейротизма, чем для британских детей. Айзенк и его коллеги также обнаружили различия по результатам тестирования между взрослыми жителями Великобритании и Румынии, между детьми из Дании и Великобритании, а также Ирана и Великобритании и Египта и Великобритании [4].

Целью большинства опубликованных исследований было определение валидности данного теста по отношению к тем культурам и странам, где проводилось пробное тестирование и где планируется проведение кросс-культурных исследований с его использованием. Результаты показали, что ученые, проводящие

полевые исследования, теперь располагают инструментом, который, безусловно, «работает» в различных кросс-культурных контекстах, измеряя те аспекты личности, которые принято считать в равной степени присущими всем людям. Однако такие исследования не могут предоставить ученым логического объяснения природы и причин кросс-культурных различий, обнаруженных с помощью данного теста.

Некоторые мелкомасштабные исследования темперамента у младенцев показали, что восточно – азиатские (японские и китайские) младенцы менее возбудимы и легче успокаиваются, когда они расстроены, чем американские младенцы европейского происхождения [3].

В одном из исследований Льюис, Рамсей и Каваками наблюдали реакции японских и американских младенцев на прививку.

В среднем, американские младенцы показывали более интенсивную реакцию плачем и другими признаками дискомфорта.

Однако замеры уровня кортизола (гормона, который больше вырабатывается в состоянии стресса) показывали более интенсивную реакцию среди японских младенцев [3].

Интерпретация этой обращенной направленности паттерна между явным поведением и биохимическими реакциями неясна, но несоответствие может служить предупреждением о том, что выводы о темпераменте как врожденной характеристике, которые сделаны на основе кросс-культурных различий паттернов социального поведения, неоднозначны даже для младенцев.

Был проведен ряд кросс-культурных исследований взрослых людей с использованием данных исследования темперамента, проведенного Павловым (ПИТ) [4].

При проведении исследований он руководствовался представлением, что измерения темперамента должны быть универсальными для разных культур, несмотря на культурно-обусловленные типы поведения, в которых эти измерения могут проявляться.

Это означает, что повсюду должны обнаруживаться одинаковые измерения темперамента.

«ПИТ» оценивает три измерения: силу возбуждения, силу торможения и подвижность, которые были выделены в трудах Павлова и его последователей. Каждое измерение, как предполагается, состоит из множества компонентов, которые также считают универсальными. Чтобы представлять область полностью, для каждого компонента были выбраны различные вопросы.

Важной особенностью «ПИТ» является то, что оно позволяет создать культурно – специфичные анкеты благодаря выбору вопросов из этой общей совокупности.

Среди данных, полученных в пятнадцати странах, три параметра, которые, как представлялось, были аналогичными, были найдены во всех странах, лишь при частично совпадающих наборах вопросов. Различия выборок по средним оценкам были невелики по одной шкале (сила возбуждения), но более выразительны для двух других шкал.

Стрелау предполагает, что эти различия «могли быть результатом различий культурного фона, которые представлены в этих пятнадцати выборках, но также могли быть недостатками методологии, например, в отношении репрезентативности выборок».

Хотя полевые исследования позволяют собрать значительный материал, касающийся кросс-культурных различий, они не дают практически никакой информации о том, какие культурные факторы являются источниками этих различий. Связаны ли обнаруженные различия с такими стабильными характеристиками, присущими конкретной культуре, как индивидуализм-коллективизм или статус – сила? Поэтому основной задачей дальнейших исследований в данной области должно стать выдвижение и проверка вероятных гипотез, позволяющих объяснить причины и процессы, стоящие за внешними проявлениями культурного сходства и различий.

Одним из наиболее подробно исследованных в ходе кросс-культурного изучения особенностей личности стал «Локус контроля». В свое время это понятие было введено Ротгером, высказавшим предположение, что люди различаются между собой по тому, в какой степени они склонны считать, что их поведение, а также характер взаимодействия с внешней средой и от-

ношений с окружающими находятся в пределах их собственного контроля.

Люди, склонные считать, что результаты их действий и складывающиеся отношения между ними и окружающими людьми определяются прежде всего особенностями их собственного поведения характеризуются внутренним локусом контроля. И наоборот, люди, воспринимающие происходящие с ними события как результат воздействия внешних по отношению к ним и не контролируемых ими факторов, характеризуются внешним локусом контроля. Таким образом, локус контроля может восприниматься как нечто внутреннее или внешнее по отношению к человеку. Успех, а также неудача в жизни могут произойти благодаря «навыку» или «удаче». Многие события, которые происходят в жизни людей, могут восприниматься ими как те, за которые они несут ответственность, или как те, что находятся вне их контроля.

Наиболее важным инструментом «Локуса контроля» является шкала интернальности -экстернальности Роттера, состоящая из двадцати трех вопросов, которые предлагают выбор между внутренними и внешними показателями [3].

Сегодня существует богатая традиция кросс-культурных исследований «Локуса контроля». В США, где часто проводят кросс-культурные исследования, постоянно обнаруживают, что афроамериканцы скорее «экстернальны», в отличие от американцев европейского происхождения (Дайел, 1984). На основании результатов обзора различных кросс-культурных исследований исследователи пришли к выводу, что евроамериканцы характеризуются более высоким уровнем внутреннего локуса контроля, чем афроамериканцы.

Низкий социально-экономический статус обычно сопровождается внешним контролем, но различие между черными и белыми остается и тогда, когда регулируются социально – экономические отличия.

Что касается других групп в США, таких, как латиноамериканцы, то «Локус контроля» часто зависит от уровня образования и социально-экономического статуса тестируемых выборов.

Различия между европейскими странами и США невелики, но есть явные различия между американцами и восточными азиатами. Так, например, японцы демонстрируют достаточно высокие показатели по «экстернальности» и низкие – по «интернальности».

Культурные различия, связанные с локусом контроля, зафиксированы и среди детей. Исследование, проведенное группой американских ученых, показало, что для американских детей типичен более высокий уровень внутреннего локуса контроля, чем для детей из Филиппин и Бразилии.

В общем, локус контроля представляет собой тенденцию поведения, которая соответствует обоснованным ожиданиям людей, принадлежащих к определенным группам, и учитывает их фактические условия жизни.

Концепция локуса контроля позволяет намного лучше объяснить роль культурного контекста при формировании личности, чем теории черт личности.

Ее можно воспринимать как предпосылку формирования социально-когнитивных точек зрения, где человека рассматривают как продукт взаимодействия организма и социального окружения.

В числе кросс-культурных исследований есть ряд работ, посвященных изучению самооценки и собственного достоинства. В ходе исследований, проведенных в США, получены многочисленные данные, свидетельствующие о присущей евроамериканцам глубоко укоренившейся тенденции постоянно поддерживать определенный уровень своей самооценки и собственного достоинства. С целью объяснения механизмов поддержания и повышения уровня собственной значимости, характерных для американцев, привлекаются такие концепты, как склонность к необъективности в собственную пользу, защитные атрибуции, а также иллюзорный оптимизм.

В 1993 году исследователь Рэдфорд провел исследование среди австралийских и японских студентов, направленное на сравнение уровня самооценки, связанного с процессами принятия решения. Результаты исследования показали, что австралийские студенты обладают более высоким уровнем самооценки.

Полученные результаты позволяют предположить, что самооценка связана с таким феноменом, как индивидуализм, а не является характерной чертой, присущей лишь американской культуре. Если самооценка действительно связана с индивидуализмом и коллективизмом, то, вероятно, индивидуализм способствует развитию определенного типа самооценки – причем именно того, который оказывается предметом измерения в психологических исследованиях, в то время как коллективизм способствует развитию совсем другого типа самооценки [4].

8.4 Культура и измерение черт личности

Наиболее популярной моделью измерения черт личности является Пятифакторная модель личности (*Five factor Model, FFM*), построенная на пяти независимых базовых измерениях личности – экстраверсии, нейротизма, социального соответствия, добросовестности и открытости.

Концепция пятифакторной модели личности сформировалась после того, некоторые исследователи отметили черты сходства основных измерений личности, выявленных в ходе многочисленных исследований, проводимых в рамках как одной культуры, так и кросс-культурного характера. Одним из наиболее значимых источников, подтверждающих обоснованность концепции «ПФМ», послужила работа, в которой был проведен факторный анализ словарного состава английских прилагательных, использующихся для психологического описания личности и применяемых как по отношению к самому себе, так и к другим людям.

Факторы, выделенные в результате такого анализа, в значительной степени совпали с данными анализа шкал, описывающих основные аспекты личности и применяемых в личностных опросниках. При дальнейшем изучении данного вопроса на материале других культур с использованием обоих методов – факторного анализа прилагательных соответствующего языка, а также измерений личности, полученных при использовании различных опросников, также были получены результаты, согласующиеся с

пятифакторной моделью. В частности, в результате многочисленных исследований, проведенных Г. Айзенком с использованием ЛОА, было получено большое количество данных, свидетельствующих о том, что шкалы экстраверсии и нейротизма соответствуют стабильным и универсальным характеристикам личности.

Результаты кросс-культурных исследований, проведенных в течение последнего десятилетия на материале различных стран и культур, доказывают универсальность данной методики. Валидность «ПФМ» подтверждается данными, полученными для значительного числа языков и культур, включая большинство европейских стран, в том числе и для России, а также таких стран, как Китай, Гонконг, Южная Африка, Израиль, Корея, Япония и др.

Представление об универсальности «ПФМ» означает признание того, что все люди обладают сходной структурой личности, которую можно охарактеризовать пятью чертами или измерениями, составляющими данную модель. Для объяснения свойства универсальности, присущего данной модели, некоторые авторы, в частности Макдональд, предлагают эволюционный подход. С этой точки зрения, причины универсальности структуры личности лежат как в сфере человеческих интересов, так и в нейрофизиологических механизмах, обуславливающих вариативность человеческих индивидуальных черт [4].

Следует обратить внимание на то, что данная эволюционная модель, а также предположение об универсальном характере пятифакторной модели личности не преуменьшает роли культурной и индивидуальной вариативности. Культура может оказывать существенное влияние на личность посредством наличествующих в рамках данной культуры ресурсов, социальных структур и социальных систем, которые индивид использует в конкретных условиях для достижения собственных целей. Следовательно, культура оказывает влияние на «средние уровни личности», а также на ценность, придаваемую тем или иным чертам личности в контексте данной культуры.

Культура «безусловно, связана с развитием определенных личностных характеристик, формирующихся путем адаптации, посредством которых личность выражает себя в мыслях, чув-

ствах и поведении» определяет (ситуативный) контекст и обеспечивает вариативность «конкретного наполнения» различных компонентов этого контекста, включая состав лиц, участвующих в конкретной ситуации, характер происходящих событий, место действия и т. д. [3].

Следовательно, культура играет существенную роль в формировании специфических форм поведения – конкретных совокупностей действий, которые индивид предпринимает для того, чтобы достичь своих аффективных целей, которые, по – видимому, можно рассматривать как универсальные. В качестве опосредующего механизма достижения этих универсальных целей в конкретных культурных условиях рассматривается универсальная структура личности.

Понятие «установка» в психологии часто определяется как выраженная направленность индивида положительно или отрицательно реагировать на определенный класс стимулов, ситуаций, событий. Очевидно, что установки не могут наблюдаться непосредственно, но могут быть выведены из внешнего наблюдения как вербального, так и невербального. В жизненной практике термин «установка» наиболее часто связывается с социальными событиями и с эмоционально окрашенными ответами индивида на эти события.

В российской психологии есть примеры изучения личностных установок с помощью «Опросника личностной зрелости», разработанного сотрудниками МГУ Л.Я. Гозманом и М. Крозом. Для выявления различных установок и отношений человека к миру, другим людям, к самому себе часто используется «Опросник самооотношения» (ОСО) В.В. Столина и С.Р. Пантилеева [48].

Анализ результатов «Опросника», состоящего из 57 утверждений, с которыми нужно согласиться или нет, проводится по 5 обобщенным шкалам и 7 дополнительным. Дополнительные шкалы направлены на измерение выраженности установки на те или иные внутренние действия в адрес «Я испытуемого». К обобщенным шкалам относятся следующие: шкала S, измеряющая интегральное чувство «за» или «против» собственного «Я»; шкала I, оценивающая самоуважение, представляющее собой оценочный

аспект самоотношения; шкала II – аутосимпатия, отражающая те или иные чувства в собственный адрес; шкала III, отражающая ожидания положительного или негативного отношения к себе окружающих; шкала IV – самоинтерес, – отражающая меру близости к себе, степень интереса к собственным мыслям и чувствам [48].

Методика исследования самоотношения (МИС), разработанная С.Р. Пантилеевым, состоит из 110 утверждений, с которыми нужно согласиться или нет. Наряду с выделением двух из пяти рассмотренных выше общих факторов (аспектов) самоотношения – Самоуважения и Аутосимпатии – в ней представлен еще один фактор – Самоуничижение, отражающий самообвинения и внутреннюю конфликтность. Помимо общих факторов, обработка ведется и по дополнительным (частным). Их всего девять [48].

Хотя основная масса исследований свидетельствует о существовании кросс-культурных различий, связанных с личностными характеристиками, которые являлись предметом изучения, сам факт, что одни и те же измерения личности присутствуют у представителей различных культур, может рассматриваться как свидетельство их универсальности.

8.5 «Я» в кросс-культурном контексте

Ответ на основной вопрос кросс-культурной психологии: «Меняется ли понятие личности в кросс-культурном смысле?» содержится в материалах исследования индийцев штата Орисса. Проведенные исследования доказали, что личность изменяется, благодаря социальным отношениям, в которые она вступает, и поэтому ее нужно описывать не столько с точки зрения устойчивых черт, сколько с точки зрения этих социальных взаимоотношений. Эти исследования доказали наличие связи между личностью и измерением индивидуализма и коллективизма [3].

При исследовании личности, которое было основано на антропологическом изучении человека и междисциплинарном рассмотрении личности, была сделана попытка соединить пси-

хологию личности и социальную психологию. Подобное исследование провел Г. Триандис, проанализировав три аспекта личности (индивидуальный, публичный и коллективный) и как они представлены по трем измерениям разных культур (коллективизм – индивидуализм, стесненность – свобода и культурная сложность). Изучив большое количество литературы, он пришел к выводу, что, чем более индивидуалистичный характер имеет культура, тем чаще происходит «выбор» индивидуальных «Я», и тем реже происходит выбор коллективного «Я». Социальная «стесненность» связана с высоким уровнем выбора коллективного «Я», хотя, чем сложнее культура, тем чаще осуществляется выбор индивидуального и публичного «Я». Для объяснения этих паттернов предлагалось изучение детского воспитания, экологических и культурных факторов [10].

Интересное исследование было проведено Кагицибаси (1990, 1996), которая провела различие между взаимодействующим «Я» и автономным «Я». Взаимодействующее «Я» развивается в обществах с «семейной моделью эмоциональной и материальной взаимозависимости». Это общество, как правило, с традиционной сельскохозяйственной экономикой и коллективистским стилем жизни; члены семьи должны полагаться друг на друга в случае болезни и заботиться о пожилых людях [3].

Для индивидуалистических западных культур с «семейной моделью независимости», где члены семьи могут жить отдельно друг от друга без серьезных последствий для их благополучия, характерны автономные «Я». Кагицибаси выделила третью категорию «Я», которая развивается в «семейной модели эмоциональной взаимозависимости». Этот тип личности она назвала автономно – взаимодействующим «Я», который характерен для урбанизированных коллективистских культур, в которых, несмотря на рост материальной независимости и социализацию в сторону большей автономии, сохраняется эмоциональная взаимозависимость членов семьи. По мнению Кагицибаси, сегодня эта третья модель получает большое развитие, она позволяет проявлять как родственные отношения, так и автономность при взаимодействии человека с обществом в целом [3].

Двойное различие между независимым «Я» и взаимозависимым «Я» получило поддержку в работах Маркуса и Китаемы, которые утверждают, что люди в разных культурах имеют поразительно различные модели личности. Эти модели влияют на восприятие себя и других, на познание, эмоции и мотивации.

В общем, западная концепция личности – это концепция человека автономного и атомизированного, составленного из набора дискретных черт, способностей, ценностей и мотивов, который стремится к самостоятельности и независимости от других.

Напротив, в восточных культурах тяготеют к родственности, связанности и взаимозависимости, что основано на концепции «Я» – не как дискретной сущности, а как сущности, которая неразрывно связана с другими сущностями. Человек становится «целым» лишь тогда, когда располагается на своем месте в социальной ячейке. Независимая же модель личности подразумевает, что люди считают себя уникальными, преследуют свои собственные цели и стремятся к самовыражению. Люди с взаимозависимой моделью «Я» стараются принадлежать и соответствовать целому и преследовать цели других, а также занимать свое истинное место. В более поздних публикациях это же различие было исследовано как теоретически, так и эмпирически [4].

Китаема, Мацумото, представляя коллективную конструкционистскую теорию личности, утверждают, что «многие психологические тенденции и процессы одновременно являются и результатом, и поддержкой коллективного процесса, посредством которого представления о личности предписываются и воплощаются теми же самыми способами, благодаря которым определяются и переживаются в каждом культурном контексте социальные действия и ситуации» [3].

Очень интересное исследование было проведено Казенс, который использовал в своей работе тест из двадцати утверждений, и в котором респондентам предлагали двадцать раз ответить на вопрос: «Кто я такой?». Анализ ответов показал, что американские студенты включали в свои ответы больше описаний черт личности, а японские – больше типов специфического поведения. Студентам, кроме этого, также была представлена модифицированная вер-

сия, в которой студентов просили описать себя в специфических ситуациях. Как показало исследование, японские студенты дали такие описания, которые имели больше черт личности.

Шкалу, разработанную Китаемой для оценки независимости и взаимозависимости, также использовал Ван ден Хейвел и Пуртинга для выборок греческих студентов сельского и городского происхождения и голландских студентов. Голландские студенты, которых обычно классифицируют как независимых, получили значительно более низкие результаты для взаимозависимой модели «Я».

Д. Мацумото подвергает сомнению главную предпосылку, которая лежит в основе анализа Маркуса и Китаемы, а именно, что Япония более коллективистское, а США более индивидуалистическое общество. Среди восемнадцати исследований, в которых формально изучались различия между Японией и США по параметру индивидуализм-коллективизм, только одно дало подтверждение этому положению, а семнадцать – слабое подтверждение или отсутствие подтверждения общераспространенному мнению о том, что японцы обладают преимущественно коллективистскими ценностями. В аналогичном обзоре пятнадцати исследований Такано и Осака пришли к такому же выводу. Более того, согласно Мацумото, исследования различий в моделях «Я» на выборах японцев и американцев часто не обнаруживали ожидаемых результатов. Следовательно, ни предполагаемая взаимосвязь между параметром И – К и моделью «Я», ни кросс-культурные различия моделей «Я» не были в точности установлены [3].

Таким образом, в кросс-культурной психологии существует множество теорий, выделяющие личностные различия, обусловленные ситуацией. Сходство основных измерений черт личности, как бы они ни определялись, обеспечивают общую психологическую основу различий внешних, присущих культуре паттернов поведения людей. С другой стороны, многие кросс-культурные психологи считают, что имеются существенные различия в структуре личности в разных культурах, даже то, что в западной психологии называется личностью, по сути, является культурной характеристикой.

Вопросы для самопроверки

1. Опишите современное понимание взаимосвязи культуры и личности.
2. Рассмотрите наиболее известные проведенные кросс-культурные исследования личности.
3. Дайте интерпретацию экспериментальным исследованиям личности в кросс-культурном аспекте.
4. Обоснуйте роль культуры в измерении черт личности.
5. Раскройте понимание «Я» в кросс-культурном контексте.

Раздел 9

КУЛЬТУРА И ЭМОЦИИ

9.1 Понятие и особенности эмоций

Эмоциями называются такие психические процессы, в которых человек переживает свое отношение к тем или иным явлениям окружающей действительности. В эмоциях получают свое отражение также различные состояния организма человека, его отношение к собственному поведению и к своей деятельности. Следовательно, эмоции—особый класс свойственных личности психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний, ощущений приятного или неприятного, отношения человека к миру и людям, процесс и результаты его практической деятельности.

Трудно представить себе жизнь, лишенную эмоций и чувств. Мы ценим удовольствие при просмотре спортивного матча, наслаждение от прикосновения возлюбленного, радость, разделенную с друзьями и др. Даже наши негативные и неприятные чувства важны нам—мы печалимся, когда с нами нет наших возлюбленных, горюем, если умирают близкие, злимся, когда нас оскорбляют, чувствуем страх в незнакомой ситуации, испытываем стыд или чувство вины, когда всем становится известно о наших грехах. Эмоции расцветивают наши жизненные впечатления. Они сообщают нам о том, кто мы, в каком состоянии наши взаимоотношения с другими людьми, подсказывают нам те или иные формы поведения. Эмоции наполняют события смыслом. Не будь эмоций, эти события превратились бы в сухие скучные факты нашей биографии.

Мир эмоций подчеркивает огромные различия между людьми. На вопрос, как мы классифицируем и называем эмоции, выражаем и чувствуем их, каждый человек в той или иной

культуре ответит по-разному. Эти отличия в значительной степени определяют то разнообразие, которое мы видим и, что более важно, чувствуем, наблюдая за людьми как представителей разных культур.

При кросс-культурных исследованиях главным является следующий вопрос: как найти равновесие между эмоциями как психологическими состояниями, которые, возможно, являются инвариантными в разных культурах и эмоциями как социальными конструкциями, которые существенно различаются в разных культурах.

При определении эмоций выделяют следующие их особенности.

– *Субъективный характер.*

Отношение, которое выражается в эмоциях, всегда носит личный, субъективный характер. Взглянув в окно, мы видим, что сад покрыт снегом, и устанавливаем связь между появлением снега и временем года в суждении «наступила зима». Эта связь между объектами внешней действительности установлена в процессе мышления. Но, отразив путем мышления эту объективную связь, один человек может испытать чувство радости, что наступила зима, а другой, наоборот, чувство сожаления, что кончилось лето.

В этих различных чувствах выражается субъективное, личное отношение людей к объективной действительности: одним данный предмет или событие нравится и вызывает у них чувство удовольствия, другим тот же самый предмет или событие не нравится и вызывает неудовольствие.

– *Крайнее многообразие качественных особенностей.*

Следующий, довольно неполный перечень эмоциональных состояний, поскольку они получили выражение в речи человека, позволяет судить о чрезвычайно большом числе и разнообразии эмоций:

– *Пластичность.*

Одна и та же по своему качеству эмоция, например радость или страх, может переживаться человеком во многих оттенках и степенях в зависимости от причин, ее вызвавших, объектов

или видов деятельности, с которыми она связана. Человек может испытывать радость при встрече с другом, в процессе интересующей его работы, любясь величественными картинами природы, наблюдая веселые и непринужденные игры детей, читая книгу и т.п. - но все эти проявления радости очень различны по своему качеству и степени.

– *Связь с внутриорганическими процессами.* Эта связь имеет двоякий характер: 1) внутриорганические процессы являются сильнейшими возбудителями многих эмоций, 2) все без исключения эмоции в той или иной форме и степени находят свое выражение в телесных проявлениях. Тесная связь эмоций с процессами жизнедеятельности организма была подмечена очень давно

– *Связь с непосредственным переживанием собственного «Я»* [49].

Даже самые слабые эмоции захватывают всего человека в целом, сопровождаются острыми ощущениями собственной личности в ее органической целостности и противопоставленности внешней среде.

Поскольку в своих взаимоотношениях со средой человек пассивно испытывает изменения, вызванные в нем внешними воздействиями, его эмоции приобретают характер эмоциональных состояний; когда же эмоции связаны с активными проявлениями личности и выражаются в деятельности, направленной на изменение среды, они выступают как отношения к внешней действительности. И эмоциональные отношения и эмоциональные состояния всегда испытываются человеком как его непосредственные переживания, которые при всей своей действенности и огромной роли в жизнедеятельности человека часто остаются неосознанными, составляя глубинные основы его личности, его склонностей, интересов, темперамента и характера [50].

При кросс-культурных исследованиях главным является следующий вопрос: как найти равновесие между эмоциями как психологическими состояниями, которые, возможно, являются инвариантными в разных культурах и эмоциями как социальными конструкциями, которые существенно различаются в разных культурах [3].

9.2 Универсальность эмоций

На протяжении многих лет ученые спорили об универсальности выражения эмоций. Многие современные кросс-культурные психологи, изучая эти вопросы, обращаются к исследованиям Ч. Дарвина, в частности, к его эволюционной теории, отраженной в его работе «О происхождении видов». В этой работе Ч. Дарвин выдвинул гипотезу, что люди происходят от других, более примитивных животных, таких как человекоподобные обезьяны и шимпанзе, и что типы нашего поведения, дошедшие до настоящего времени, отбирались в процессе эволюционной адаптации [4].

В следующей работе «Выражение эмоций у человека и животных» Дарвин выдвинул предположение, что выражение эмоций на лице, как и другие типы поведения, является врожденным и это следствие эволюционной адаптации. Для кросс-культурной психологии особенно важен его вывод, что люди одинаково выражают эмоции на лицах, независимо от расы и культуры. Более того, отмечал ученый, те же выражения эмоций на лице можно обнаружить и у животных.

Согласно Дарвину, мимические выражения эмоций у людей имеют одновременно коммуникативное и адаптационное значение и способствуют выживанию видов, обеспечивая человека информацией о его собственном состоянии и взаимодействии с окружающей средой, а также поставляя социальную информацию другим членам сообщества [4].

В начале 1950-х годов был проведен ряд исследований, проверявших идеи Ч. Дарвина об универсальности выражения эмоций.

В то же время существовала и другая точка зрения, выдвинутая М. Мид и Р. Бердвистелл, доказывавших, что эмоции могут быть и не универсальными. Они исходили из предположения, что выражения эмоций на лице должны усваиваться подобно языку. Поскольку языки отличаются, то и выражения лица в разных культурах не одинаковы [3].

Так продолжалось вплоть до 1960-х годов, пока американские психологи П. Экман и У. Фризен и почти одновременно с ними К. Изард провели ряд прикладных исследований, которые положили конец этим спорам. Они провели ряд исследований четырех различных типов, которые сегодня называют исследованиями универсальности.

На первом этапе своих экспериментов Экман и Фризен отобрали фотографии мимических выражений эмоций, которые, по их мнению, могли бы быть универсальными. Исследователи показали эти фотографии испытуемым в пяти различных странах (США, Аргентина, Бразилия, Чили и Япония) и попросили испытуемых определить каждое выражение. Ученые предполагали, что универсальные выражения, отображенные на фотографиях, будут названы одинаково, если же выражение является специфическим для культуры, у представителей разных стран возникнут разногласия.

Полученные результаты исследования обнаружили очень высокий уровень сходства интерпретации шести эмоций гнева, отвращения, страха, радости, печали и удивления – у представителей всех пяти стран. Изард чуть позже провел подобное исследование в других странах и получил схожие результаты [3].

Эти исследования подверглись критике, их оппоненты отмечали, что основная проблема этих исследований в том, что культуры, охваченные экспериментом, были письменными, индустриальными и относительно современными. Поэтому, возможно, испытуемые усвоили как интерпретировать выражения, отображенные на фотографиях. Наличие в этих культурах масс-медиа: телевидения, радио, прессы еще более усиливало такую возможность. Кроме того, исследование критиковали за использование общих для изучаемых культур визуальных стимулов.

Чтобы ответить на эту критику, Экман, Соренсон и Фризен провели похожие эксперименты в двух бесписьменных племенах Новой Гвинеи. Учитывая особенности испытуемых, Экман и его коллеги были вынуждены несколько изменить условия эксперимента. Вместо использования эмоциональных концептов они разрешали испытуемым выбирать истории, которые бы лучше

всего описывали выражения лица. Когда испытуемых с Новой Гвинеей просили идентифицировать эмоции, отображенные на фотографиях, исследователи получали результаты, очень близкие к результатам испытуемых из письменных индустриальных обществ. Таким образом, ответы папуасов с Новой Гвинеей, принадлежавших к бесписьменной культуре, дали второй источник доказательств в пользу универсальности [14].

П. Экман с коллегами пошли еще дальше. В своих экспериментах на островах Новой Гвинеей они просили разных испытуемых изобразить эмоции, которые те могут переживать. Фотографии этих выражений доставили в США и предъявили американским испытуемым, никто из которых ни разу не видел папуасов Новой Гвинеей. Их попросили обозначить эмоции, отображенные на фотографиях. Исследователи вновь получили результаты, очень близкие результатам первой серии экспериментов. Оценки эмоциональных выражений, запечатленные на фотографиях папуасов Новой Гвинеей, принадлежавших к бесписьменной культуре, стали третьим источником в пользу доказательства универсальности [4].

Все проведенные исследования строились на оценках выражения эмоций лица и предположениях ученых о том, что испытуемые одинаково оценят эмоции, отображенные на фотографиях, в том случае, если их выражения универсальны. Однако оставался все еще не разрешенным вопрос, действительно ли на лицах людей спонтанно появляются универсальные выражения переживаемых ими эмоций. Чтобы ответить на него, Экман и Фризен провели исследование в США и Японии. Они показывали испытуемым стимулы, вызывающие сильный стресс, и скрытой камерой снимали выражения их лиц, при этом участники экспериментов не подозревали о съемке.

Последующий анализ видеозаписи показал, что американцы и японцы в самом деле совершенно одинаково выражают эмоции на лице и эти выражения в точности соответствуют выражениям, признанным универсальными в аналитическом исследовании. Так что результаты спонтанных выражений стали четвертым

источником доказательства оригинального ряда универсальных эмоций [4].

Крупные исследования, включающие эксперименты с приматами и слепыми от рождения детьми, также поддерживают доводы в пользу универсальности. Исследования с приматами подтверждают тезис Дарвина об эволюционном базисе выражения эмоций на лице. Эксперименты со слепыми от рождения детьми показывают, что визуальное усвоение не служит причиной сходства выражений лиц в пределах одной культуры или в разных культурах. Вместе эти исследования создают прочную доказательную базу, убедительно показывая, что выражения эмоций на лице являются универсальными и биологически врожденными.

Эксперименты со слепыми от рождения детьми показывают, что визуальное усвоение не служит причиной сходства выражений лиц в пределах одной культуры или в разных культурах [4].

Хотя эти четыре серии экспериментов дают веские доказательства и их результаты традиционно входят в исследования по универсальности эмоций, однако такой базы оказалось недостаточно для прочной поддержки кросс-культурными психологами тезиса универсальности.

9.3 Культурные отличия выражений лица

Д.Мацумото отмечает, что несмотря на то, что выражения эмоций на лице могут быть универсальными, однако многие из нас чувствовали неуверенность, когда интерпретировали выражения лиц представителей другой культуры. Несмотря на то, что мы видим, что выражение эмоций у представителей другой культуры часто совпадают с нашим выражениям, тем не менее мы видим и существующие различия [3].

Экман и Фризен, изучая эти вопросы, предположили, что культурные различия обусловлены определенными правилами, которые определяют соответствие выражения каждой эмоции тем или иным социальным обстоятельствам.

Они провели исследование, чтобы подтвердить существование культурных правил выражения и выяснить их роль в появлении культурных различий в выражении эмоций. В своем исследовании, они показывали фильмы американским и японским участникам, вызывающие сильный стресс, и в это время их выражения лица записывали на видео. На самом деле этот эксперимент устраивался в двух ситуациях. В первой испытуемым просто предъявляли стимулы. Во второй ситуации в комнату входил старший по возрасту и статусу экспериментатор и просил испытуемых просмотреть фильм еще раз, но теперь в присутствии исследователя, который будет за ними наблюдать. Реакции испытуемых снова записывали на видео.

Анализ записи показал, что американцы в целом также проявляли негативные эмоции—отвращение, страх, грусть и гнев, а японцы все без исключения улыбались в этой ситуации. Полученные данные свидетельствуют о том, как универсальные, биологически врожденные выражения эмоций взаимодействуют с обусловленными культурой правилами выражения, формируют соответствующие эмоциональные выражения.

В первом случае, когда культурные правила не действовали, американцы и японцы одинаково выражали свои эмоции. Во второй ситуации действие правил выражения заставляло японцев улыбаться, чтобы не оскорбить старшего по возрасту и статусу исследователя, несмотря на то что они, несомненно, испытывали негативные эмоции.

Эти открытия особенно важны, поскольку и в первом эксперименте, когда обнаруживались сходства между культурами, и во втором эксперименте, когда обнаружились отличия, — испытуемые были одни и те же.

Таким образом, выражение эмоций на лице подвергается двойному влиянию универсальных, биологически врожденных факторов и специфических для данной культуры усвоенных правил выражения. При возникновении эмоции в программу выражений аффектов лица, где хранится информация о прототипах мимических конфигураций для каждой из универсальных эмоций, поступает сообщение. Эти прототипы и составляют уни-

версальную сторону выражения эмоций, будучи биологически врожденными. В то же время сообщение поступает в область мозга, где хранятся усвоенные правила культурного выражения эмоций. Выражение, появляющееся в результате, одновременно отражает влияние двух факторов. Когда правила выражения эмоций не задействованы, то на лице появляются универсальные выражения эмоций. Однако в зависимости от социальных обстоятельств правила выражения могут оказывать свое воздействие, нейтрализуя, усиливая, ослабляя, ограничивая или маскируя универсальные выражения. Этот механизм объясняет, как и почему люди могут отличаться в своих выражениях эмоций, несмотря на то что у всех нас одна и та же база выражения эмоций.

9.4 Современные кросс-культурные исследования эмоций

После публикаций исследований об универсальности эмоций ученые направили свои усилия на развитие методов измерения выражений лица без опоры на самооценку, которые не всегда оказывались надежными. Имея в руках созданные Экманом и Фризенем мощные инструменты как «Система кодирования мимических действий», ученые стали проводить интенсивные исследования в других областях психологии-детской, социальной, физиологической, а также в психологии личности и патопсихологии.

Как отмечает Дж. Берри, в последние годы был проведен целый ряд интересных кросс-культурных экспериментов, посвященных изучению выражения эмоций, существенно расширивший знания о влиянии культуры на эмоциональные выражения и правила выражения. Например, Штефан и де Варгас сравнивали эмоциональные выражения у американцев и костариканцев, предлагая испытуемым из обеих стран оценить 38 эмоций в терминах комфортности и дискомфорта, которые они бы испытывали, выражая эти эмоции в кругу семьи или в кругу незнакомых людей. Опрашиваемые также заполняли шкалу самооценки,

измерявшую независимость и зависимость выражения эмоций, а также оценивали положительные и отрицательные эмоции.

Результаты исследований показали, что американцы чувствовали себя более комфортно, чем костариканцы, как в независимом, так и во взаимозависимом выражении эмоций. Костариканцы чувствовали себя значительно менее комфортно в выражении негативных эмоций [4].

Исследователи также зафиксировали существование культурных различий в выражении эмоций среди этнических групп в США. В эксперименте Д. Мацумото американцы были разделены на четыре крупные этнические группы: евро-, афро-, латиноамериканцы и американцы азиатского происхождения. Участникам опроса предлагалось оценить допустимость универсальных выражений лица в различных социальных ситуациях [3].

Полученные результаты показали, что белые считают презрение более допустимым, чем азиаты, отвращение – более допустимым, чем чернокожие и латиноамериканцы, гнев – более допустимым, чем латиноамериканцы, а грусть как более допустимой, чем чернокожие и азиаты. Кроме того, белые американцы считают выражение эмоций публично и в присутствии детей, более допустимым, чем чернокожие, азиатско- и латиноамериканцы, а также со случайно знакомыми людьми более допустимыми, чем чернокожие, азиатско- и латиноамериканцы, в присутствии младших по статусу более допустимыми, чем черные и латиноамериканцы. Интересно, однако, что в другой части эксперимента черные сообщали, что выражают гнев значительно чаще, чем белые, азиаты и латиноамериканцы [3].

В другом исследовании было обнаружено, что в любовных взаимоотношениях американцы филиппинского происхождения выражают эмоции более интенсивно, чем американцы японского происхождения.

Хотя все исследования показали множество отличий в различных культурах в их эмоциональной экспрессивности, однако до сих пор не совсем ясно, как контролируются эмоциональные выражения, когда начинают действовать правила выражения. И только последние современные исследования, проведенные

в последние годы, объясняют эти процессы. Так, в первом эксперименте мужчины и женщины из США и Англии заполняли четыре шкалы эмоционального контроля: повторение, запрет, сдерживание агрессии и импульсивности. Исследование показало, что мужчины -американцы чаще прибегали к повторению и запретам, чем мужчины -англичане. Американские же женщины чаще запрещали себе проявлять те или иные эмоции, чем англичанки. Англичанки, однако, продемонстрировали больший контроль над агрессией, чем американки [3].

В другом исследовании Д. Мацумото с коллегами опрашивали жителей из четырех стран: США, Японии, России и Южной Кореи. Ученые просили испытуемых выбрать из списка, что бы они делали, если бы испытали одну из 14 эмоций в четырех разных социальных ситуациях. Список из семи альтернатив выглядел следующим образом.

1. Выражу чувство без всякого изменения.
2. Буду ослаблять или преуменьшать выражение чувств.
3. Буду преувеличивать выражение эмоций.
4. Буду маскировать или скрывать выражение под каким-то другим чувством.
5. Ограничусь улыбкой.
6. Сделаю свое выражение.
7. Выражу что-то еще.

Полученные результаты показали, что, хотя культурные различия и существуют, представители всех культур использовали все предложенные альтернативы. Это является свидетельством того, что эти альтернативы точно отражают ответные реакции, доступные людям, когда они приспособливают свою эмоциональную экспрессию к социальному контексту [3].

9.5 Зависимость выражения эмоций от коллективизма и индивидуализма

Как считает Д. Мацумото, коллективистские культуры способствуют проявлению более позитивных и менее негативных

эмоций по отношению к «своим», потому что для коллективистского общества гораздо важнее внутригрупповая гармония. Позитивные эмоции обеспечивают поддержку этой гармонии, а негативные эмоции угрожают ей.

Индивидуалистические культуры больше поддерживают выражение негативных эмоций и реже—позитивных в «группе своих», поскольку гармония и сплоченность менее значимы для таких культур. По мнению Д. Мацумото, также в этих культурах считается приемлемым выражать эмоции, которые угрожают групповой сплоченности [3].

Индивидуалистические культуры больше поощряют позитивные эмоции и менее негативные вне группы, поскольку для индивидуалистических культур не так важны различия группы «своих» и «чужих», таким образом, они разрешают позитивные и подавляют негативные эмоции по отношению к группе «чужих». Коллективистские же культуры более поощряют негативные эмоции, направленные на «группу чужих», чтобы более четко отделить «группу своих» от «группы чужих» и сплотить «группу своих» (с помощью коллективного выражения негативных эмоций, направленных на «группу чужих»).

Исследования, направленные на изучение культурных правил выражения, проведенные Д. Мацумото и Хирном в США, Польше и Венгрии, подтвердили эти гипотезы. Участники экспериментов в каждой из трех стран рассматривали каждую из шести предложенных универсальных эмоций и оценивали, насколько было бы уместным выражать их в трех различных социальных ситуациях: 1) наедине, 2) в присутствии других, считающихся «членами группы своих» (например, близкие друзья, члены семьи), и 3) при посторонних, не считающихся «своими» (например, публично, в присутствии случайных знакомых).

Поляки и венгры указывали, что в «группе своих» неуместно выражать негативные эмоции и больше подходят положительные эмоции; они также считали, что выражать негативные эмоции более уместно среди группы чужих. Американцы, наоборот, были более склонны выражать негативные эмоции в «группе своих», а положительные эмоции в группе чужих. В отличие от амери-

канцев поляки также указывали, что проявление негативных эмоций было менее уместно, даже когда они оставались одни.

Д. Мацумото и Хирн интерпретировали эти результаты как подтверждающие ранее высказанные теоретические предпосылки самого американского психолога. Кроме того, исследования, проведенные в США и Японии, также подтвердили эти предположения [3].

Таким образом, проведенные кросс-культурные исследования доказали универсальность выражений лица и существование особых правил проявления эмоций. Имеющиеся исследования доказывают, что культура сильно влияет на наши выражения эмоций при помощи правил проявления эмоций, усвоенных в культуре, и дает нам представление о том, на что эти правила похожи, — отмечает Д.Мацумото.

В современных исследованиях, — отмечает он, — также делаются предположения о том, что в культуре приводит к отличиям в эмоциональных выражениях и почему. Учитывая, что большинство взаимодействий среди людей социальны по определению, мы должны предположить, что культурные отличия действуют при помощи правил проявления эмоций если не всегда, то почти всегда [3].

Вопросы для самопроверки

1. Раскройте понятие и особенности эмоций.
2. Докажите универсальность эмоций.
3. Перечислите основные культурные отличия выражений лица.
4. Обоснуйте зависимость выражения эмоций от коллективизма и индивидуализма.
5. Критически оцените современные кросс-культурные исследования эмоций.
6. Опишите эксперименты, проведенные Д.Мацумото для доказательства существования универсальных эмоций.
7. Охарактеризуйте эксперименты Д.Мацумото о наличии зависимости выражения эмоций от коллективизма и индивидуализма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. IV Съезд лидеров мировых и традиционных религий в Астане <http://www.kakprosto.ru/kak-244478-kak-proshel-iv-sezd-liderov-mirovyh-i-tradicionnyhreligiiv-kazahstane>(28.11.2014).
2. Назарбаев Н. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 12 апреля 2017.
3. Мацумото Д. Психология и культура. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
4. Берри Дж., Пуртинга А., Маршалл Х. Сигал, Пьер Дасен. Кросс-культурная психология. Исследование и применение / перевод с англ. – Харьков: Изд. Гуманитарный центр, 2007.
5. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М.: Ключ-С, 2012.
6. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. – М.: Изд-во полит. л-ры, 2010.
7. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология. – СПб.: Питер, 2012.
8. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2010.
9. Уайтинг Дж. Процесс социализации и личность // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. – М., 2001.
10. Триандис Г. Культура и социальное поведение. – М.:Форум, 2010.
11. Аймаганбетова О.Х. Этнопсихология. – Алматы: Литера, 2003.
12. Vygotsky L.S. The genesis of higher mental function. The Concept of Activity in Soviet Psychology / J.Wertsch (Ed.). Armonk. N.Y.: Sharpe, 1981.
13. Vygotsky L.S. The development of higher psychological functions. Soviet Activity in Theory / J.Wertsch (Ed.). Armonk. N.Y.: Sharpe, 1971.
14. Коул М. Культурно – историческая психология. – М.:Когито-Центр, 2017.
15. Беллис Р. On the incomplete architecture of human ontogeny // American Psychologist. – 1997. – № 52. – С. 366-80.
16. Поршнев Б.Ф. Принципы социально-этнической психологии. – М.: Наука, 1966.
17. Монтескье Ш. О духе законов // Избр.произв. – М.: Гос.изд-во полит. л-ры, 1955. – С.157-733.
18. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – С.63.
19. Лебон Г. Психологическая иерархия рас. // Психология национальной нетерпимости: Хрестоматия. – Мн.: Харвест, 2010.– С.71-84.
20. Токарев С.А. История зарубежной этнографии. – М.: Высшая школа, 1978.

21. Лурье С.В. Психологическая антропология. – М.-Екатеринбург: Акад. проект-Деловая книга, 2013.
22. Благова Т.И. Родоначальники славянофильства. Алексей Хомяков и Иван Киреевский. – М.: Высшая школа, 2015.
23. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М.: Эксмо-СПб: Глагол, 2005.
24. Соловьев В.С. Русская идея. – СПб.: София, 2011. – С.45-46.
25. Бердяев Н.А. Судьба России. Самосознание. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2017.
26. Кон И.С. К проблеме национального характера // Социологическая психология. – Москва-Воронеж, 1999. – С.321.
27. Касымжанов А.Х. Портреты. Штрихи к истории Степи. – Алматы: Кайнар, 1995.
28. Валиханов Ч. Собр. соч. в 5-ти томах. – Алма-Ата: Каз. энциклопедия, 1985. – Т.1. – С.163-164.
29. Валиханов Ч. Собр. соч. в 5-ти томах. – Алма-Ата: Каз. энциклопедия, 1985. – Т.2. – С.152.
30. Валиханов Ч. Собр. соч. в 5-ти томах. – Алма-Ата: Каз. энциклопедия, 1985. – Т.5. – С.239.
31. Тажибаев Т.Т. Педагогическая мысль в Казахстане во II половине XIX века. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1965.
32. Джандильдин Н. Природа национальной психологии. – Алма-Ата, Казгосиздат, 1971.
33. Муканов М.М. «Психологическое исследование рассудка в историко-этническом аспекте»: автореф. дис.докт.психол. наук. – М., 1980.
34. Почебут Л.Г. Социальная психология толпы. – СПб.: Речь, 2014.
35. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк. – М.: Прогресс, 1977.
36. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / Под ред. А.А. Крылова, С.А. Маничева. – СПб.: Питер. – 2012.
37. Основы психодиагностики / под ред. А.Г. Шмелева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2013.
38. Юнг К. Воспоминания, сновидения. Размышления. – Киев: Ось, 2014.
39. Сухарев В., Сухарев М. Психология народов и наций. – М.: Сталкер, 2007.
40. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Изд.группа «Прогресс», 2016.
41. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – 3-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2009.
42. Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. – М.: МГУ, 2015.

43. Павленко В., Таглин С. Общая и прикладная этнопсихология – Киев: Озон, 2005.
44. Osgood C. E., May M. Cross – cultural universals of affectiv meaning. – Urbana: University of Illinois Press, 1975.
45. Балгимбаева З. М. Кросскультурное исследование содержания и динамики гендерных предубеждений: автореф. канд. дис-ции психол.н. – Алматы, 2010
46. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2015.
47. Немов Р.С. Психология. – М.: Просвещение, 2015.
48. Основы психодиагностики. – Ростов на Дону: Феникс, 2011.
49. Коломинский Я.Л. Человек: психология. – М.: Смысл, 2016.
50. Рогов Е.И. Общая психология. – М.: Владос, 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
РАЗДЕЛ 1. РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ	6
1.1 Понятие кросс-культурной психологии	6
1.2 Цели и задачи кросс-культурных исследований	9
1.3 Основные теоретические ориентации кросс-культурной психологии	16
РАЗДЕЛ 2. ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ И ПРИНЦИПЫ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ	22
2.1 Определение культуры в современной психологии	22
2.2 Культурная и биологическая трансмиссия	28
2.3 Принципы кросс-культурной психологии	37
РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИЯ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ	43
3.1. Становление и развитие кросс-культурных исследований в западной психологии	43
3.2 В. Вундт – основатель психологии народов	45
3.3 Роль Р. Бенедикт, А. Кардинера в развитии кросс-культурных исследований	47
3.4 Психологическая антропология и кросс-культурная психология	50
РАЗДЕЛ 4. РАЗВИТИЕ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ И КАЗАХСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	62
4.1 Традиции кросс-культурных исследований в российской психологии	62
4.2 Вклад Л.С. Выготского, Л. А. Лурии в развитие кросс-культурных исследований	64
4.3 Развитие кросс-культурных исследований в Казахстане	68
РАЗДЕЛ 5. ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	77

5.1 Методология организации кросс-культурных исследований	77
5.2 Основные цели и направления кросс-культурного исследования.....	80
5.3 Основные требования к проведению кросс-культурных исследований	85
5.4 Классификация методов кросс-культурного исследования	88
5.5 Специфика кросс-культурных исследований.....	104
РАЗДЕЛ 6. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ КУЛЬТУРЫ	113
6.1 Культурные синдромы, выделенные Г. Триандисом.....	113
6.2 Культурный синдром «Простота-сложность»	113
6.3 Культурный синдром «Индивидуализм – коллективизм»	116
6.4 Культурный синдром «Открытость-закрытость»	122
6.5 Психологическое измерение культур по Г. Хофстеде.....	124
РАЗДЕЛ 7. КУЛЬТУРА И ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ	131
7.1 Основные понятия гендерных исследований.....	131
7.2 Теории и методы тендерных исследований в кросс-культурном контексте	134
7.3 Психологические гендерные различия в разных культурах	141
РАЗДЕЛ 8. КУЛЬТУРА И ЛИЧНОСТЬ.....	148
8.1 Современное понимание взаимосвязи культуры и личности.....	148
8.2 Кросс-культурные исследования личности.....	154
8.3 Экспериментальные исследования личности в кросс-культурном аспекте	157
8.4 Культура и измерение черт личности.....	164
8.5 «Я» в кросс-культурном контексте.....	167
РАЗДЕЛ 9. КУЛЬТУРА И ЭМОЦИИ.....	172
9.1 Понятие и особенности эмоций.....	172
9.2 Универсальность эмоций.....	175
9.3 Культурные отличия выражений лица	178
9.4 Современные кросс-культурные исследования эмоций.....	180
9.5 Зависимость выражения эмоций от коллективизма и индивидуализма	182
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	185